

9(C) 1

М 34

63.3 (2-2М) 47

МАТЕРИАЛЫ
ДЛЯ ИСТОРИИ
ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ДОМА.

ВЫПУСКЪ 1-й,

ИЗДАНЫЙ КО ДНЮ СТОЛЕТНЯГО ЮБИЛЕЯ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ДОМА.

1 СЕНТЯБРЯ 1863 г.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ СЕМЕНА.

1863.

63.3(2-2M)	+
9(c)1	673477 P.P.
M 34	Матер. гус
	уст. Уин. Моск.
	кошм. гонд.
1863	430-00

проберено

X 8
673477

Тиробер, 1982, -

ОМЛ. КРАЕВЕД. 1

пробер. 07

МАТЕРИАЛЫ

ДЛЯ ИСТОРИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ДОМА.

ВЫПУСКЪ 1-й,

ИЗДАННЫЙ КО ДНЮ СТОЛЪТНЯГО ЮБИЛЕЯ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ДОМА.

1 СЕНТЯВРЯ 1863 г.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ СЕМЕНА.

1863.

9(с)1 -1
M 34

63.3 (2-2 м) 47

10 л.

ИМПЕРАТОРСКОГО

МОСКОВСКОГО

УНИВЕРСИТЕТА

МОСКОВСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

МОСКВА

Дозволено цензурой. Москва, Августа 21 дня 1863 года.

МОСКОВСКОМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ УНИВЕРСИТЕТУ

193509

МОСКВА

ОТДЕЛ
КРАЕВЕДЕНИЯ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОРОДСКАЯ
ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМ. Н. А. НЕКРАСОВА

63.3(2-2 м)47-7

91

673477

пр. 292

СОДЕРЖАНІЕ I-ГО ВЫПУСКА.

	Стр.
Вступленіе.	I—IV
I. СВѢДѢНІЯ МЕДИЦИНСКІЯ:	
1) Обѣ искусственномъ кормленіи грудныхъ младенцевъ.	1—16
2) Историческій очеркъ оспопрививанія въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ.	17—40
3) О болѣзняхъ и смертности грудныхъ дѣтей въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ.	41—64
Таблица смертности младенцевъ въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ, съ 1764 по 1863 годъ.	
4) О Секретно-Родильномъ Госпиталѣ.	65—85
5) О Законно-Родильномъ Госпиталѣ.	86—89
Приложеніе: Уставъ Родильныхъ Госпиталей и Повивальнаго Института.	90—96
II. РАСПОРЯЖЕНІЯ О ПИТОМЦАХЪ.	
1) Историческій очеркъ воспитанія питомцевъ въ деревняхъ.	1—39
2) Передача питомцевъ на попеченіе родственниковъ.	40—52
3) Усыновленіе деревенскихъ питомцевъ.	53—58
III. РАЗНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ:	
1) О привилегіяхъ Воспитательнаго Дома.	1—14
2) О карточной привилегіи Воспитательнаго Дома.	14—26
3) Аптека Московскаго Воспитательнаго Дома.	26—33
4) О приношеніяхъ въ пользу Воспитательнаго Дома и нѣкоторыхъ другихъ его доходахъ.	33—41
5) Благотворители Воспитательнаго Дома.	42—69
6) Благотворитель Дома Демидовъ.	69—77
7) Угодья, оброчныя статьи и вещи, жалованныя Воспитательному Дому.	78—92
8) Воспитательный Домъ въ 1812 году.	93—113

ЧЕРТЕЖИ:

- 1) Генеральный планъ Воспитательнаго Дома въ концѣ XVIII столѣтія.
- 2) Генеральный планъ Воспитательнаго Дома въ 1863 году.
- Планы большаго зданія—Корделожи и Квадрата:
- 3) 1-го этажа.
- 4) 2-го этажа.
- 5) 3-го этажа.
- 6) 4-го этажа.
- 7) 5-го этажа.
- Планы Окружнаго Строенія:
- 8) 1-го этажа.
- 9) 2-го и 3-го этажей.

По мысли Бецкаго, Манифестомъ Императрицы Екатерины II, подписаннымъ 1-го сентября 1763-го года, учрежденъ въ Москвѣ Воспитательный Домъ съ Госпиталемъ для бѣдныхъ родильницъ. Манифестомъ симъ объявлено, что узаконенію о Воспитательномъ Домѣ определено быть учрежденіемъ Государственнымъ; Императрица обнадежила за Себя и за Ея Пресмнковъ Россійской Императорской Короны, что сіе богоугодное и благочестивое общее государственное учрежденіе будетъ навѣки подъ особливимъ Монаршимъ покровительствомъ и призрѣніемъ. По особенному довѣрью Императрицы къ учредителю Воспитательнаго Дома, управленіе новымъ заведеніемъ ввѣрено было Бецкому, съ весьма обширною властію, которую онъ сохранилъ до самой глубокой старости. Императоръ Павелъ I передалъ главное управленіе Воспитательными Домами Супругъ Своей Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. По кончинѣ Императрицы, 14 октября 1828-го года, Императоръ Николай I, указомъ отъ 26 октября, принялъ Воспитательныя Дома подъ непосредственное и особенное Свое покровительство и повелѣлъ представлять на Свое усмотрѣніе всѣ дѣла, кои восходили на разрѣшеніе Императрицы Маріи Ѳеодоровны; указомъ же отъ 6-го декабря, по завѣщанію Своей Августѣйшей Матери, велѣлъ Воспитательнымъ Домамъ въ столицахъ состоять подъ покровительствомъ Супруги Своей Императрицы Александры Ѳеодоровны. И нынѣ Воспитательныя

Дома остаются подъ непосредственнымъ покровительствомъ благополучно Царствующихъ Государя Императора и Государыни Императрицы.

Основной капиталъ Учрежденія составили щедроты Императрицы Екатерины II и Ея Наслѣдника, Всемилостивѣйше пожаловавшихъ и въ ежегодное подаваніе значительныя суммы. Впрочемъ при самомъ учрежденіи Дома имѣлось въ виду основать его „общимъ подаваніемъ“.

Почему въ то время обнародовано было и воззваніе Святѣйшаго Синода къ сынамъ Православной Церкви. Списокъ благотворителей Воспитательнаго Дома весьма длиненъ и продолжается непрерывно, выражая общее сочувствіе къ Учрежденію. Въ главѣ этого списка стоятъ: самъ основатель Ив. Ив. Бецкой, принцесса Гессенъ-Гомбургская, рожденная княжна Трубецкая, княгиня Голицына, Прокфій Демидовъ; за ними слѣдуютъ люди всѣхъ состояній:—князья Кантеміръ, Куракинъ, Шаховской, Долгорукій; архіепископъ Амвросій, епископъ Дамаскинъ, архимандритъ Барановичъ, протоіерей Тимковскій; дворяне—Шубскій, Бородинъ, Собакинъ, Шереметева, Кашкадамова, Спечинская; купцы—Щуровъ, Телъгинъ, Квасникова, откупщикъ Логиновъ; мѣщанки—Критская, Бочина, служитель Дроздовъ, поселянинъ Сеземовъ; греки—Бубы, Хаджи-Конста и другіе иностранцы также находятся въ числѣ жертвователей.

Съ цѣлью расширить средства Воспитательнаго Дома предоставлены ему были разныя при-

вилегіи и оброчныя статьи. Впослѣдствіи съ учрежденіемъ въ вѣдомствѣ Московскаго Воспитательнаго Дома Сохранной и Ссудной Казны, получаемая отъ нихъ прибыль составила главный источникъ содержанія не только Воспитательнаго Дома, но и многихъ другихъ благотвори- тельныхъ учреждений.

Кругъ дѣйствій Московскаго Воспитательнаго Дома съ самаго начала былъ весьма обширенъ. Разумѣется, что главнѣйшимъ предметомъ было призрѣніе несчастнорожденныхъ дѣтей и не въ одной Москвѣ, но и въ другихъ мѣстностяхъ Имперіи. До учрежденія Приказовъ Общественнаго Призрѣнія многіе благотвори- тели, называвшіеся попечителями, подъ руко- водствомъ Воспитательнаго Дома, оказывали призрѣніе подкидышамъ въ С.Петербургѣ, Ар- хангельскѣ, Пензѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Смо- ленскѣ, Осташковѣ, Черниговѣ и проч. Изъ этихъ мѣстъ младенцы препровождались для дальнѣйшаго воспитанія въ Московскій Домъ. По учрежденіи же Приказовъ, многіе изъ нихъ, за скудостію собственныхъ средствъ, получали вспомошествованіе отъ Московскаго Воспита- тельнаго Дома. Даже и въ настоящее время, въ силу Высочайшихъ повелѣній, несчастно- рожденные младенцы пересылаются въ Москву Орловскимъ Приказомъ Общественнаго При- зрѣнія и Комитетомъ, управляющимъ Коломен- скою Городскою Больницею.

Воспитательный Домъ не прерывалъ своего благотворительнаго дѣла ни въ моровую язву 1771 года, ни во время занятія Москвы непріа- телемъ въ 1812 году, ни въ 1830 году, въ холерную эпидемію. Послѣ этихъ бѣдствій по- ручено было Воспитательному Дому попеченіе о многихъ изъ оставшихся сиротъ: такъ послѣ 1830 года образовался Александринскій Сирот- скій Институтъ, а послѣ холеры 1848 г. учреж- денъ былъ временный для сиротъ пріютъ въ самомъ Домѣ.

Собственно несчастнорожденныхъ или поки- нутыхъ младенцевъ съ основанія Дома по 22 августа 1863 года призрѣно 464.614, въ томъ числѣ 75.726 младенцевъ, родившихся въ Гос- питаль Дома.

Кромѣ младенцевъ незаконнорожденныхъ,

Воспитательный Домъ вскармливалъ младенцевъ законныхъ, которые нуждались въ призрѣніи, по сиротству, или крайней бѣдности родителей.

Отсюда возникло Малолѣтное Отдѣленіе для штабъ и оберъ-офицерскихъ сиротъ, нынѣ суще- ствующее въ видѣ особаго заведенія, и со- стоящее при Московскомъ Воспитательномъ Домѣ Отдѣленіе офицерскихъ малолѣтковъ. Сол- датскихъ дочерей, сиротъ и полусиротъ, Воспи- тательный Домъ призрѣваетъ по установлен- нымъ правиламъ, впрочемъ по особому о каж- дой сиротѣ ходатайству военнаго начальства.

Послѣ призрѣнія несчастнорожденныхъ мла- денцевъ важнѣйшимъ дѣломъ Воспитательнаго Дома было призрѣніе бѣдныхъ родильницъ не только неизвѣстнаго званія, но и законныхъ. Число такихъ родильницъ всегда было значи- тельно; съ 1832 года въ одинъ Секретный Гос- питаль поступило беременныхъ по 1 января сего года 53.036.

Отдѣленіе законныхъ родильницъ первонач- ально учреждено было въ 1805 году собствен- нымъ иждивеніемъ Императрицы Маріи Ѳеодо- ровны.

При столь обширныхъ Родильныхъ Госпита- ляхъ, каковы родильныя палаты Московскаго Воспитательнаго Дома, естественно долженъ былъ возникнуть Повивальный Институтъ. Нынѣ этотъ Институтъ имѣетъ два Отдѣленія: одно для воспитанницъ, содержимыхъ на счетъ казны и назначаемыхъ въ государственную службу, а другое для приходящихъ слушательницъ. Въ разные города Имперіи Московскій Воспита- тельный Домъ отправилъ въ должности повиваль- ныхъ бабокъ болѣе 800 своихъ воспитанницъ.

Призрѣнные Воспитательнымъ Домомъ не- счастливорожденные дѣти носятъ названіе питом- цевъ и питомокъ, пока не будутъ причислены въ какое либо изъ существующихъ въ Госу- дарствѣ сословій.

При воспитаніи питомцевъ, Правительство имѣло въ различное время различныя цѣли, и сообразно этому измѣнялись и способы призрѣ- нія питомцевъ. Полное изложеніе этого пред- мета требуетъ весьма многихъ подробностей. Излагая, вмѣсто предисловія, самый сжатый очеркъ исторіи Воспитательнаго Дома, укажемъ

теперь лишь на то, что по первой мысли Бецкаго питомцы назначались къ умноженію въ Государствѣ средняго состоянія людей. Воспитывать изъ питомцевъ будущихъ художниковъ, ремесленниковъ и проч. предполагалось въ самомъ Домѣ, въ обширныхъ его зданіяхъ, гдѣ были устроены различныя фабрики и мастерскія. Впослѣдствіи, при измѣнившемся взглядѣ на этотъ предметъ, отъ Воспитательнаго Дома учреждены были для питомцевъ свои земледѣльческія колоніи. Эта мысль потомъ оставлена и самыя колоніи уничтожены и наконецъ въ 1837 году, Именнымъ указомъ 25-го іюня, питомцевъ вообще предназначено обращать въ сельское сословіе. Такого воззрѣнія Управление Воспитательнаго Дома держится и нынѣ, послѣ указанія 25-ти лѣтняго опыта со дня означеннаго постановленія: почти всѣ питомцы воспитываются въ деревняхъ и употребляется стараніе, для водворенія ихъ тамъ же, въ возможно большемъ числѣ.

При такихъ различныхъ въ разное время взглядахъ на дѣло воспитанія питомцевъ, соответственно онымъ, возникали разныя учрежденія, какъ-то: мужскіе и женскіе учебные классы Воспитательнаго Дома, Ремесленное Учебное Заведеніе, Фельдшерская Школа и Отдѣленія для образованія приготовительной прислуги и т. п.

Съ приведеніемъ въ исполненіе указа 1837-го года, учебные классы Воспитательнаго Дома, для питомцевъ и питомокъ были уничтожены; въ замѣнъ этого въ составъ управленія Воспитательнаго Дома поступили совершенно особыя заведенія, а именно Институты для оберъ-офицерскихъ сиротъ: мужской и женскій; изъ нихъ мужской соединенъ съ бывшимъ Александринскимъ Институтомъ, который въ свою очередь преобразованъ въ Кадетскій Корпусъ. Нынѣ въ вѣдѣніи Управленія Воспитательнаго Дома состоитъ Николаевскій Сиротскій Институтъ для штабъ и оберъ-офицерскихъ дѣтей.

Изъ всего предыдущаго ясно, что въ настоящее время подъ именемъ Московскаго Воспитательнаго Дома разумѣется совокупность нѣсколькихъ обширныхъ учреждений, а именно: 1. Грудныя Отдѣленія для приносныхъ младенцевъ. 2. Сущестующія при этихъ Отдѣленіяхъ

палаты для вскормленія законныхъ дѣтей и офицерскихъ малолѣтковъ. 3. Управление питомцами, воспитывающимися въ деревняхъ; сюда должно отнести и сущестующія при Домѣ больницы для питомцевъ. 4. Отдѣленіе для приготовленія изъ питомокъ женской прислуги. 5. Родильные Госпитали: Секретный и Законный. 6. Повивальный Институтъ; и наконецъ — 7. Николаевскій Сиротскій Институтъ, составляющій специальное учебное заведеніе, съ цѣлью призрѣть бѣдныхъ офицерскихъ дѣтей, образованіемъ изъ нихъ гувернантокъ.

Общее число призрѣваемыхъ Воспитательнымъ Домомъ простирается свыше 35 тысячъ человекъ. Въ самомъ зданіи Воспитательнаго Дома младенцевъ, кормилицъ, питомокъ, воспитанницъ и другихъ призрѣваемыхъ отъ 3 до 4 тысячъ.

При такихъ размѣрахъ Московскій Воспитательный Домъ есть обширнѣйшее благотворительное заведеніе не только изъ всѣхъ Московскихъ, но и вообще изъ сущестующихъ въ Имперіи.

Манифестъ объ основаніи Дома состоялся 1-го сентября 1763 года; но открытіе Дома и приѣмъ младенцевъ послѣдовали 21-го апрѣля 1764 года. Въ декабрѣ 1862 года Государь Императоръ повелѣлъ столѣтній юбилей Дома праздновать 1-го сентября 1863 года, а въ прошедшемъ мартѣ утверждена программа празднованія и ассигнованы деньги, между прочимъ и на расходы по изданію матеріаловъ для исторіи Заведенія, на заготовленіе чертежей и рисунковъ. Послѣ этого безотлагательно приступлено было къ приведенію въ порядокъ собранныхъ историческихъ свѣдѣній и дополненію оныхъ тѣми указаніями, которыя заключались въ старыхъ, времени Бецкаго, дѣлахъ С.Петербургскаго Опекунскаго Совѣта.

Въ Петербургѣ, куда я былъ командированъ по дѣламъ лишь на двѣ недѣли, въ мартѣ текущаго года, не только прочесть, но и ознакомиться съ кипами этихъ дѣлъ, мнѣ было невозможно.

По просьбѣ моей, Его Императорское Высочество Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургъ-

Всѣмъ чинамъ и чинамъ чинамъ

Всѣмъ чинамъ и чинамъ чинамъ

I.

СВѢДѢНІЯ МЕДИЦИНСКІЯ.

О ПРИВИЛЕГІЯХЪ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ДОМА.

При учрежденіи Воспитательнаго Дома даны были ему различныя привилегіи, которыя должны были усилить средства его содержанія и возвысить самое учрежденіе.

Привилегіи эти исчислены въ 6-й главѣ 1-й части Плана, а именно:

„1) Какъ весь сей Домъ непосредственно состоитъ въ Высочайшей Ея Императорскаго Величества протекціи, и содержанъ будетъ отъ добротныхъ подаяній, управляемъ Главнымъ Попечителемъ и Опекунами по собственному ихъ благоизобрѣтенію, и по ихъ совѣсти соотвѣтствующей той довѣренности, которая на нихъ полагается, не слѣдуя обыкновеннымъ приказнымъ обрядамъ; почему и никакому мѣсту не подчиненъ и отчету дать не долженъ: такъ всѣ вышнія и нижнія присудственные мѣста во всемъ Государствѣ имѣютъ оному показывать всякое защищеніе и вспомошествованіе.“

„2) Весь оный Домъ со всеми своими принадлежностями свободенъ отъ всѣхъ Полицейскихъ должностей, какого бъ званія оныя ни были, и отъ всякаго постою, которою вольностію Главный Попечитель и настоящіе Опекуны въ собственныхъ своихъ домахъ или въ чьемъ домѣ жительство имѣть будутъ, пользоваться имѣютъ; однако сіе разумѣется только единственно о тѣхъ собственныхъ или наемныхъ домахъ, въ которыхъ сами живутъ, или хотя и въ отсутствіи, но доколѣ они въ тѣхъ должностяхъ находятся.“

„3) Въ случаѣ какого либо погрѣшенія, слу-

жители онаго Дома не должны судимы быть ни въ какомъ другомъ мѣстѣ; а есть ли куда и взяты будутъ, то присылать ихъ немедленно въ оный Домъ, для разсмотрѣнія и надлежащаго штрафа, или для отсылки по тому въ учрежденныя присудственные мѣста по важности дѣла.“

.....

„7) Есть ли у Воспитательнаго Дома съ кѣмъ либо какое судное дѣло случится, и о разныхъ касающихся по тому Дому дѣлахъ контракты заключать будетъ, то оный во всѣхъ приказахъ и судныхъ мѣстахъ имѣетъ пользоваться правомъ неимущихъ, то есть не платить никакихъ приказныхъ пошлинъ и прочаго.“

.....

„12) Дабы не имѣть приказныхъ хлопотъ Воспитательному Дому, дается право продавать всякія законноданныя ему отъ кого либо деревни, такожъ покупать и продавать дома, земли, мѣста, строенія и прочее.“

„13) Оному же дозволяется завести и содержать собственную Аптеку и Аптекаря, или привилегію ту другому отдавъ, и лѣкарства изъ оной не токмо для домовыхъ нуждъ употреблять, но и продавать въ народъ.“

„14) Такожъ дозволяется заводить при Воспитательномъ Домѣ всякія мастерства, руководлія, фабрики и мануфактуры, сколько для обученія и надобности надлежитъ, не требуя на то особливыхъ привилегій ни отъ какихъ мѣстъ.“

„15) На наличныя капиталныя деньги Воспитательному Дому дозволяется завести лоттерію

на основаніи иностранныхъ, съ крайнѣйшимъ наблюденіемъ ся кредита, получая отъ оной на содержаніе ея и въ прибавокъ себѣ осьмую часть.“

„16) Отъ публичныхъ позорищъ, то есть комедій, оперъ, баловъ и всякихъ игралищъ за деньги, брать четвертую часть дохода въ Воспитательный Домъ.“

„17) Воспитательному жъ Дому дозволяется имѣть печать казенную по апробованному образцу, и всѣ письма оною запечатанныя на всѣхъ почтахъ въ Россійскомъ Государствѣ имѣютъ принимаемы быть, какъ и изъ прочихъ Коллегій.“

„18) Опекунскому Совѣту, для всякихъ пужбѣйшихъ по тому Дому потребъ имѣть нѣсколько человекъ Сержантовъ добрыхъ и постоянныхъ людей, которыхъ выбирать изъ отставныхъ заслуженныхъ полевыхъ полковъ, или изъ другихъ вольныхъ людей, и въ тотъ чинъ оныхъ производить, а для отмѣны на мундирахъ ихъ имѣть того Дома знакъ по разсужденію Главнаго Попечителя и Совѣта; по званію же ихъ во всѣхъ мѣстахъ чинить имъ почтеніе, и по требованіямъ подѣламъ Воспитательнаго Дома самоскорѣйшее удовольствіе.“

„19) Есть ли впредь для пользы и приращенія Воспитательнаго Дома, къ вышеизображеннымъ привилегіямъ потребно будетъ какое дополненіе, то Ея Императорское Величество всемилостивѣйше дозволяетъ Главному Попечителю и Совѣту всеподданнѣйше представлять о томъ собственно Ея Императорскому Величеству. Въ прочемъ есть ли они что сверхъ сего Плана, хотя и съ нѣкоторою отмѣною противъ онаго, токмо по обстоятельствамъ, къ очевидной пользѣ сего учрежденія изобрѣсти могутъ, то оное дозволяется ему съ согласія Опекунскаго Совѣта произвести въ дѣйство.“

Разсматривавшіе Первую часть Плана кн. Шаховской, Панинъ и гр. Мишихъ, въ докладѣ своемъ Императрицѣ испросили еще, чтобы даруемое Воспитательному Дому право продавать свой деревни и покупать земли, мѣста, строенія, освободить отъ всѣхъ Государственныхъ пошлинъ, изъ чего не можетъ выйти злоупотребленій; ибо производство это будетъ не въ однихъ

рукахъ, а у цѣлаго Правленія, то есть у Опекунскаго Совѣта.“

Въ Именномъ указѣ, данномъ Сенату 1 сентября 1763 г., о обнародованіи тиспеніемъ манифеста и Плана, повелѣно поднести къ Высочайшему подписанію жалованную грамоту на права и преимущества Воспитательнаго Дома, заготовя по государственной формѣ.

По поводу учрежденія при Воспитательномъ Домѣ Вдовьей, Ссудной и Сохранной Казны, Опекунскій Совѣтъ, для утвержденія довѣренности или кредита, испросилъ, въ Высочайше подтвержденномъ, 31 марта 1767 г., докладъ своимъ, въ дополненіе данныхъ привилегій:

„1) Всѣ поручаемыя тому Дому отъ кого деньги Всемилоствѣйше исключить отъ конфискаціи, и сохранить ихъ въ надежной и совершенной безопасности для него самого, потомства его, или кому онъ добровольно завѣщаетъ.“

„2) А дабы никто не уповалъ, что вышеписаннымъ для пользы Общества предписаніемъ защита быть можетъ хищникамъ; то въ пресѣченіе такого злоупотребленія, ежели кто чужія, ввѣренныя ему, или какимъ нибудь коварнымъ образомъ захваченныя деньги, называя своими, отдастъ въ сохраненіе, а по точному въ нихъ отъ какого судебного мѣста изобличенію, хозяинъ съ даннымъ при приемѣ денегъ билетомъ вынесетъ въ Опекунскій Совѣтъ свидѣтельство, что оныя ему принадлежатъ; то вкладчику и его наслѣдникамъ въ томъ никакого участія болѣе не имѣть: а по оставленіи изъ нихъ на Воспитательный Домъ дватцатой части, достальныя возвратить, кому по законамъ принадлежитъ (*).“

„3) Когда какимъ монетамъ хожденіе запрещено будетъ, или въ нихъ какая отмѣна послѣдуетъ; то Воспитательному Дому находящіяся у него въ наличности таковыя монеты вносить, для обмѣна безъ убытка на ходячія деньги, въ надлежащее мѣсто.“

„4) Обстоятельства неминуемо требуютъ, при Воспитательномъ Домѣ, для разныхъ должно-

(*) Содержаніе сего пункта вошло въ ст. 1121-ю 1-й ч. XI Тома Св. Зак. изд. 1842 г. со словъ устава Сохранныхъ Казенъ 2 октября 1838 года, но о вычетѣ въ пользу Восп. Дома 20-й части въ ст. 1121 ничего не упомянуто.

стей быть разнымъ чиномъ. И чтобъ должности свои исправно съ ревностію исполняли, а въ поощреніе имъ, поступая изъ одного въ другое званіе, почтеніе получать могли: Всемилоствѣйше не соизволено ль будетъ, опредѣляемымъ Опекунскимъ Совѣтомъ, смотря по достоинству, пользоваться почтеніемъ противъ государственнаго штата классами, доколѣ при дѣлахъ своихъ находиться будутъ, а именно:

Контролерамъ	въ 8 классѣ
Экспедиторамъ	— 9 —
Надзирателямъ	— 10 —
Помощникамъ: Экономскимъ и Экспеди- торскимъ	въ 10 классѣ
Бухгалтерамъ	— 12 —
Регистраторамъ	— 13 —
Актuariсамъ и	} — 14 —
Комисарамъ	

„Которые жъ должности свои ревностно и добропорядочно исправляли, а по законнымъ причинамъ или другимъ обстоятельствамъ, оныхъ далѣе продолжать не въ состояніи; таковымъ, по справедливому разсмотрѣнію, за хорошее ихъ поведеніе и поступки, по увольненіи, состоять навсегда въ вышеписанныхъ же достоинствахъ, на которыя свидѣтельства давать за подписаніемъ Совѣта и большею Печатью.“

Противъ этихъ пунктовъ сдѣланы Ея Величествомъ слѣдующія собственноручныя замѣчанія.

„1. Всѣ поручаемыя оному дому отъ кого деньги исключить отъ конфискаціи и сохранять ихъ въ надежной и совершенной безопасности для него самаго, потомство его, или кому оны добровольно завѣщаетъ.“

„2. Опасно, что самое то, что сдѣлано къ выгодѣ, не служило къ утѣшенію и не подало поводу къ оказаніи тысячи пороковъ.“

„3. Сей пунктъ изряденъ: только дѣйствительно четвертая часть велика; ибо двадцать пять за сто остается, и проценты болѣе шести почитается за *usure*.“

„4. { говорить ничего.“

„5. {

Упомянутыя дополнительныя привилегіи обнародованы указомъ Правительствующаго Сената, напечатаннымъ въ Москвѣ, въ Сенатской типо-

графіи 12 апрѣля 1767 г; но приведенныя Высочайшія замѣчанія, при этомъ не были обнародованы (*).

22 іюля 1770 г. Высочайше утвержденъ докладъ графа Миниха о невзыскиваніи пошлинъ съ вывозимыхъ для Воспитательнаго Дома аптекарскихъ матеріаловъ.

„Докладъ: Въ прошломъ 1769 г. для Московскаго Воспитательнаго Дома выписаны были изъ за моря разные аптекарскіе матеріалы, съ которыхъ въ казну Вашего Императорскаго Величества С.Петербургской Портовой Таможни принадлежитъ взять пошлинъ 491 р. 58 коп.“

„Сію пошлинную сумму помянутая Таможня требовала отъ Опекунскаго Совѣта, но Воспитательнаго Дома отъ Главнаго Попечителя, Тайнаго Дѣйствительнаго Совѣтника и Кавалера Бецкаго дано знать, что по силѣ подтвержденнаго Вашимъ Императорскимъ Величествомъ прошлаго 1763 г. Августа 26 дня, поднесеннаго отъ Тайныхъ Дѣйствительныхъ Совѣтниковъ: Князя Шаховскаго, Графа Никиты Ивановича Папина и отъ меня доклада, тѣхъ пошлинъ Воспитательному Дому платить не слѣдуетъ.“

„Въ оныхъ, докладѣ и въ планѣ, въ слѣдующихъ главахъ и пунктахъ напечатано: въ докладѣ въ 2 пунктѣ и планѣ Воспитательнаго Дома 6 гл. и 12 §: дается Воспитательному Дому право продавать всякія законо-данныя ему деревни, такожъ покупать и продавать земли, мѣста, строеніе и прочее. А какъ такое обращеніе имѣній употребляется единственно въ пользу благочестиваго дѣла, то весьма бѣ было сходно съ христіанскою любовію Вашего Величества, еслибъ оное щедрою Монаршею рукою освобождено нашлось отъ всѣхъ Государственныхъ пошлинъ.“

„Той же главы въ § 7, если у Воспитательнаго Дома съ кѣмъ либо какое судное дѣло случится и о разныхъ касающихся по тому Дому дѣлахъ контракты заключать будетъ, то оный во всѣхъ Приказахъ и Судныхъ мѣстахъ имѣетъ пользоваться правомъ неимущихъ то, есть не платить никакихъ приказныхъ пошлинъ и проч.“

(*) Изъ дѣлъ Московской Дворцовой Конторы, сообщенныхъ М. П. Полуденскимъ въ выпискахъ.

„А какъ въ томъ уставѣ о Таможенныхъ пошлинахъ ничего не упомянуто, то Вашему Императорскому Величеству симъ всеподданнѣйше представить приѣмлю смѣлость: повелите ль Ваше Величество съ помянутыхъ вывезенныхъ для Воспитательнаго Дома аптекарскихъ матеріаловъ пошлины 491 руб. 58 коп. требовать? Равнымъ образомъ и впредь вывозимыя для сего Дома вещи съ пошлиною ль отпускать или безъ пошлины прошу Вашего Императорскаго Величества указа.“

„Резолюція:—„не взыскивать.“

Поводомъ къ этому указу было слѣдующее обстоятельство: Опекунскій Совѣтъ, имѣя въ виду завести аптеку, въ 1768 г. прислалъ Бецкому реестръ медикаментовъ, которые нужно было выписать изъ за границы. 2 мая Бецкой объщалъ сдѣлать заказъ въ Амстердамъ у г. Говія. 22 августа онъ увѣдомилъ Совѣтъ, что выписанные изъ Амстердама аптекарскіе матеріалы съ корабля приняты и будутъ отправлены въ Москву, а Говію онъ отошлетъ вексель. 23 декабря эти матеріалы отправлены въ Москву въ бочкахъ, ящикахъ и кипахъ, всего въ 41 мѣстѣ, по особому каталогу. 15 же мая 1769 г. Бецкой, сообщая, что Главная Канцелярія надъ таможенными сборами требуетъ, чтобы о привезенныхъ въ Домъ аптекарскихъ матеріалахъ, съ показаніемъ ихъ названій и количества о каждомъ сортѣ порознь, прислать въ Петербургскую Таможню извѣстіе или оригинальныя фактуры, для выкладки пошлинъ,—спрашивалъ, не согласится-ли Совѣтъ исполнить это требованіе.

Жалованная грамота доставлена была въ Воспитательный Домъ не прежде 1774 года.

11 октября 1770 года, первый разъ доложено (*) въ Сенатъ о заготовленіи Московскому Воспитательному Дому жалованной грамоты. Приказано было доложить въ полномъ собраніи 1-го Департамента Сената, и согласно сему 1 ноября предложенъ былъ на апробацію его заготовленный формуляръ жа-

(*) Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ директоромъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи Л. С. С. Петр. Пав. Ивановымъ.

лованой грамоты,—и опредѣлено: „помянутую Императорскому Воспитательному Дому грамоту написать такъ, чтобъ сверхъ находящихся въ конфирмованныхъ оному Дому учрежденіяхъ рѣчей никакихъ вновь въ оной прибавлено не было.“ Въ дѣлѣ противъ сего отмѣтка: „1 ноября остановленъ, потомъ рѣшилось 22 марта 1773 года.“

Жалованная Грамота доставлена въ Московскій Опекунскій Совѣтъ, при письмѣ Бецкаго 21 мая 1774 г., такого содержанія: „Какова послѣдовала пожалованная отъ Ея Императорскаго Величества Всемилостивѣйшей Государыни Екатерины Вторыя грамота, въ удостовереніе непоколебимой твердости данныхъ правъ и преимуществъ основанному въ силу конфирмованнаго генеральнаго трехъ частей плана съ присоединеннымъ къ тому дополненіемъ Воспитательному Дому, при семъ Почтенному Совѣту въ оригиналъ посылаю: не сумнѣваюсь же, что по приличеству достоинства оной и пристойная бережливость съ должною сохранностію къ соблюденію въ потомственные роды прилагаема будетъ.“

Грамота озаглавлена полнымъ Императорскимъ титуломъ. Содержаніе ея слѣдующее:

„Всѣмъ Нашимъ вѣрноподаннымъ извѣстно, съ какимъ богоугоднымъ намѣреніемъ о умноженіи полезныхъ обществу жителей, восхотѣли Мы конфирровать и учредить въ Москвѣ, какъ древней столицѣ Имперіи Нашей, поднесенные Намъ въ 1763-мъ, 1767 и 1772 годахъ три части генеральнаго плана Императорскаго воспитательнаго дома, для приносимыхъ несчастно рождающихся младенцовъ, съ госпиталемъ сырыхъ и неимущихъ родильницъ, со особливими докладами, о заведеніи вдовей ссудной и сохранной казны съ дополненіемъ.“

„Какія-жъ сему дому всемилостивѣйше пожаловали Мы особливья преимущества, основанья на несумнительныхъ, непремѣнныхъ и непоколебимыхъ правахъ въ пользу всего общества и почитать оныя Нашимъ гражданскимъ узаконеніемъ, и что весь сей домъ и со всѣми отъ того зависящими мѣстами непосредственно состоитъ подъ особливою Нашею всевысочайшею протекціею и покровительствомъ и содержанъ

будеть отъ добротныхъ подалий, управляемъ главнымъ попечителемъ и опекунами по собственному ихъ благоизобрѣтенію, и по ихъ совѣсти отвѣтствующей той довѣренности, которая отъ Насъ на нихъ полагается, не слѣдуя обыкновеннымъ приказнымъ обрядамъ, почему и ни какому мѣсту не подчиненъ и отчету дать не долженъ, и что всѣ вышнія и нижнія присутственныя мѣста во всемъ государствѣ имѣютъ оному показывать всякое защищеніе и вспомошествованіе, о томъ обо всѣмъ повелѣли Мы Сенату во всемъ Нашемъ государствѣ тишениемъ обнародовать, что тогдажъ исполненіемъ и совершенно.“

„А какъ въ семъ домѣ заведеніе съ должною христіанскою сравняемо, и есть дѣло Божіе и поставленное Нами учрежденіе узаконено; то нынѣ Мы еще нанторжественнѣе всѣ конфирмованныя и тишениемъ обнародованныя права и преимущества сею жалованною Нашею грамотою во всей ихъ силѣ безъ изытія отъ слова до слова на будущія времена и на вѣки утверждаемъ.“

„Того ради Мы Наше Императорское Величество симъ по самодержавной Нашей власти всемилостивнѣе жалуя, опредѣляемъ всему тому быть государственнымъ учрежденіемъ, и повелѣваемъ всемъ мѣстамъ правленія Нашей Имперіи онаго воспитательнаго Дома вышесписанные конфирмованные отъ Насъ права и преимущества принимать и почитать нашимъ гражданскимъ узаконеніемъ, и во всѣхъ потребныхъ и до нихъ касающихся случаяхъ дѣла отправлять и производить не токмо въ силу оныхъ, но есть ли впредь для пользы и приращенія онаго дому къ изображеннымъ привилегіямъ потребно будетъ какое дополненіе, всемилостивнѣе дозволяемъ главному Попечителю и Совѣту всеподданнѣе представлять Намъ.“

„Яко же Мы, симъ же и силою сей Нашей жалованной оному дому грамоты утверждаемъ и за себя и за Нашихъ преемниковъ Россійской Императорской Короны обнадеживаемъ, что сіе богоугодное и благочестивое общее государственное учрежденіе будетъ твердо и не нарушимо на вѣки подъ особливимъ Монаршимъ покровительствомъ и призрѣніемъ. На противъ того надѣемся, что прямые дѣти оте-

чества Наши подданные, послѣдуя евангельской любви къ ближнему, гражданскому обязательству къ общей пользѣ, и Нашему собственному съ любезнымъ Нашимъ сыномъ и наследникомъ примѣру, каждый по возможности своей потщится снабждать боголюбивымъ подаиіемъ, какъ на строеніе сего дома, такъ и на содержаніе сего общаго добродѣтельнаго дѣла, дабы и самыя уже ближнія Наши потомки къ славѣ Нашего вѣка могли пользоваться изъ того дѣйствительными плодами. Во утверженіе чего Мы сіе Нашею рукою подписали и государственную Нашу печать приложить повелѣли.“

„Дано въ Санктъ Петербургѣ отъ Рождества Христова тысяща семь сотъ семьдесятъ четвертаго года апрѣля двадесять седьмаго дня государственоваія Нашего въ двѣнадцатое лѣто“

На подлинной собственной Ея Императорскаго Величества рукою начертано:

„Екатерина.“

Контрасигнировано:

„Вицекапцлеръ К. Александръ Голицынъ.“

На оборотѣ отѣтка:

„Въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ запечатана 30 апрѣля 1774 года.“

Грамота написана на пергаментѣ; слова, относящіяся до Высочайшей Особы, начертаны золотыми литерами; весь текстъ занимаетъ 5 страницъ. Къ грамотѣ привѣшена большая государственная печать въ металлической вызолоченной коробкѣ.

Изъ сообщенія С. Петербургскаго Опекунскаго Совѣта, 29 апрѣля 1774 г., видно, что профессору Академіи Художествъ Гаврилъ Козлову выдано за исправленную привилегію Воспитательнаго Дома 391 р. 33 к., въ томъ числѣ за живопись, пергаментъ и за золото—150 р., за письмо словописцу—25 р., золотошвею Молнеру—130 р., г. Моргену за ковчегъ съ позолотою для печати—23 руб.

Опекунскій Совѣтъ, получивъ грамоту, 10 іюня 1774 г. положилъ: хранить ее съ подобающею честію, а на другой день партикулярно писалъ къ Бецкому, испрашивая согласія его на принесеніе Ея Величеству письменно, отъ лица всего Опекунскаго Совѣта, бла-

годарности за дарованную Воспитательному Дому отъ Ея Величества грамоту на права и преимуществва онаго.

Печать Императорскаго Воспитательнаго Дома изображаетъ двуглаваго Россійской Имперіи орла, который въ носу держитъ девизъ Дома, то есть, „и вы живи будете“, а на груди въ щитахъ, вмѣсто московскаго герба имѣетъ сидящую *Вирту*, питающую сосцами своими двухъ младенцевъ (изд. Бецкаго 1774 г. т. I. стр. 16 дополненія). При письмѣ, 18 декабря 1767 г., Бецкой прислалъ въ Совѣтъ большую стальную печать, за которую заплатилъ мастеру Муріелю 80 р.

Еще древнѣйшее извѣстіе, относящееся къ 1766 г., что въ печати Воспитательнаго Дома въ серединѣ двуглаваго орла находился Высочайшій вензель &

Гербомъ же Воспит. Дома считается изображеніе птицы (пеликана), кормящей своею грудью птенцовъ, съ надписью: *себя не жалея, питаетъ птенцовъ*. Этимъ гербомъ клеймились и клеймятся карты, также билеты прежней Сохранной Казны и контрамарки въ приемъ дѣтей; онъ же употребляется на пуговицахъ служащихъ.

Какъ разъясненіе привилегій Воспит. Дома, состоялся указъ Сената 4 октября 1793 г., о ходатайствѣ по дѣламъ Воспитательнаго Дома. Указъ этотъ сообщенъ Московскому Опекунскому Совѣту Петербургскимъ—16 марта 1794 г., при копіи съ письма графа Миниха, къ которому копія съ указа доставлена была генералъ-прокуроромъ Самойловымъ.

Изъ Сенатскаго опредѣленія видно слѣдующее: „Московскій Опекунскій Совѣтъ имѣетъ спорное дѣло о взысканіи съ вдовы Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Прокофія Акифѣевича Демидова Татьяны Васильевой—47.201 р. 49 к; оно производилось сначала въ Московскомъ Уѣздомъ Судѣ, но по неудовольствію на рѣшеніе онаго со стороны Совѣта отослано въ Верхній Земскій Судъ, въ которомъ и понынѣ находится безъ разсмотрѣнія, потому что не подано апелляціоннаго прошенія, а какъ срокъ сего прошенія наступилъ 1-го Сентября,

то Совѣтъ, не имѣя предписанія въ учрежденіи Воспитательнаго Дома подавать отъ имени своего апелляціонныхъ прошеній, за долгое до срока время просилъ неоднократно Московское Губернское Правленіе, дабы препоручено было подать оное Казенныхъ дѣлъ Стряпчему, но Правленіе отзывалось, что оно не имѣетъ въ должности своей паряжать казеннаго стряпчаго, а прошеніе долженъ подать повѣренный отъ Совѣта. Но какъ по Манифесту 1-го Сентября 1763 г. Воспитательный Домъ есть Государственное узаконеніе, и по оному всѣ присутственныя мѣста должны оказывать Воспитательному Дому вспомошествованіе, то Графъ Минихъ письмомъ къ Генералъ-Прокурору просилъ о подтвержденіи Казенныхъ дѣлъ Стряпчимъ, дабы они, какъ по сему дѣлу съ Демидовымъ, такъ и по предъ будущимъ Воспитательнаго Дома дѣламъ имѣли не упустительное хожденіе.—Приказали: какъ изъ Учрежденія о Губерніяхъ 27 гл. 406 и 408 ст. по 3, 4 и 5 отдѣленіямъ о должности Стряпчихъ по казеннымъ дѣламъ, Манифеста 1-го сентября 1763 г. и 1-й части Генеральнаго Плана гл. 6 п. 1-го, 7-го и 12, такъ и изъ всѣхъ частей явствуетъ, что Воспитательный Домъ и всѣ до него касающіяся дѣла суть не частный, а какъ казенный интересъ, касающійся прямо должности Казенныхъ дѣлъ Стряпчаго, а по Учрежд. о Губерніяхъ 2 ч. Гл. 29 ст. 429 отд. 6, они могутъ быть ходатаями по дѣламъ Приказа Общественнаго Призрѣнія, слѣдовательно отзывъ Московскаго Губернскаго Правленія Высочайшимъ узаконеніямъ не соответствуетъ, и для того тому Правленію предписать, дабы оно въ сходственность требованія Опекунскаго Совѣта вышеозначенное спорное дѣло поручило въ искъ Казенныхъ дѣлъ Стряпчему на такомъ точно основаніи и такимъ точно порядкомъ, какъ о томъ въ указахъ Сената 1792 г. декабря 31-го о подачѣ отъ нихъ апелляціонныхъ прошеній въ казенныхъ искахъ предписано, что самое и по предъ будущимъ таковымъ Воспитательнаго Дома дѣламъ да послужитъ неупустительнымъ правиломъ, со стороны же Опекунскаго Совѣта сіи Стряпчіе по поручаемымъ имъ дѣламъ должны быть снабжены всѣми надлежащими и достаточ-

ными документами, о чемъ и послать указы и вѣдѣніе, куда слѣдуетъ, съ тѣмъ, что если и кромѣ Москвы и С. Петербурга подобныя дѣла случатся, то Опекунскій Совѣтъ уже прямо отъ тѣхъ Начальствъ, гдѣ опья случатся, требовать можетъ исполненія съ прописаніемъ сего Сенатскаго опредѣленія.“

26 октября 1798 г. послѣдовалъ Именной указъ Сенату о производствѣ не на гербовой, а на простой бумагѣ всѣхъ дѣлъ по Опекунскимъ Совѣтамъ, такъ какъ они не суть мѣста судебныхъ, а единственно учреждены для пользы общественной.

12 апрѣля 1820 г. Императрица Марія Ѳеодоровна Московскому Опекунскому Совѣту повелѣла: „По поводу новаго тарифа Императоръ Любезнѣйшій Сынъ Мой утвердить изволилъ дарованную Воспитательному Дому привилегію выписывать для своихъ потребностей товары безъ платежа пошлинъ, данными 10 сего мѣсяца Министру Финансовъ указами“. По сему поводу упомянуто было, что сія привилегія дана Императрицею Екатериной II-й на докладъ графа Миниха, 1770 г. 22 іюля, и подтверждена Государемъ Императоромъ 24 іюля 1801 года.

5 мая 1826 года Именной указъ Сенату, объ освобожденіи принадлежащихъ почетнымъ опекунамъ домовъ, въ коихъ они сами жительствоуютъ, за исключеніемъ отдаваемыхъ въ наемъ, отъ всякихъ городскихъ повинностей, по силѣ дарованной Воспит. Дому привилегіи.

Привилегіи Воспитательнаго Дома весьма строго охранялись главнымъ его начальствомъ. Приводимъ примѣры.

3 сентября 1773 г. Бецкой писалъ въ Московскій Опекунскій Совѣтъ: „Услыша, что отъ Юстицъ-Коллегіи учинена была присылка, состоящая изъ полицейской команды въ домъ принадлежащій Воспит. Дому, въ коемъ жилъ Г. Демидовъ и есть ли точно такое послѣдствіе могло случится, то неначе оное почитается должно какъ настоящимъ нарушеніемъ пожалованныхъ отъ Ея Величества Воспитательному Дому привилегій, и буде оное въ самомъ дѣлѣ такъ произошло, то какое Опекунскій Совѣтъ къ соблюденію своихъ правъ въ ненарушимости имѣть долженъ стараніе; и

сколько не наблюденіе того отнюдь терпимо быть не должно, довольно явственно видѣть можно изъ генеральнаго плана, почему и надѣюсь, что во уваженіе того неумѣлитъ о всѣхъ оныхъ обстоятельствахъ съ изъясненіемъ въ самой принадлежности того дома, какъ считается быть состоящимъ подъ Воспит. Домомъ, надлежащее сдѣлать ко мнѣ представленіе, со внесеніемъ такожде имѣющихся какъ въ генеральномъ планѣ такъ и изъ прочихъ мѣстъ приличествующихъ къ тому правъ, сверхъ же того о домѣ томъ, въ которой къ Г. Демидову та посылка была, почему какъ оной принадлежитъ Воспит. Дому, такъ Полиція была ли о томъ предвидумлена, прислать съ того дѣла исправную копию, почему бѣ какъ точность того дѣйствія видима быть могла, и къ надлежащему изслѣдовапію удобнѣе приступъ возымѣть, и нужное къ соблюденію нерушимости оныхъ привилегій ходатайство употребить возможно было, съ прошеніемъ удовольственнаго, потому отъ Ея Величества покровительства и защищенія.“

Дѣло дошло до сношенія съ генералъ прокуроромъ. Князь Вяземскій писалъ къ Бецкому 8 февраля 1774 года: „По Высочайшему Ея Императорскаго Величества повелѣнію, производится въ Юстицъ-Коллегіи дѣло о битвѣ Секретаря Скорнякова въ домѣ Статскаго Сов. Прокофія Демидова, а нынѣ той Коллегіи Г. Прокуроръ Васильчиковъ рапортомъ отъ 27 января доноситъ, что къ тому слѣдствію требована была Демидова дѣвка Татьяна, находящаяся при Воспитательномъ Домѣ, но посланное туда сообщеніе возвращено съ тѣмъ, что по учрежденію Генеральнаго плана Воспитательнаго Дома таковое требованіе должно быть чрезъ меня; почему и прошу покорно Ваше Превосходительство предложить Опекунскому Совѣту, дабы та дѣвка немедленно въ Юстицъ-Коллегію отослана была; посредствомъ чего и дѣло начатое по Высочайшему Ея Императорскаго Величества повелѣнію къ скорѣйшему окончанію приведено будетъ.“

Бецкой 18 февраля отвѣчалъ ему: „когдабъ Юстицъ-Коллегія по извѣстности ей законовъ, слѣдовательно и самыхъ данныхъ Императорскому Московскому Воспит. Дому при-

випегій усмотрѣла въ генеральномъ планѣ въ 1-й части въ гл. 6-й § 3-мъ слѣдующее предписаніе: въ случаѣ какого либо погрѣшенія, служители онаго Дома не должны судимы быть ни въ какомъ другомъ мѣстѣ, а ежели куда и взяты будутъ, то присылать ихъ немедленно въ оный Домъ, для разсмотрѣнія и надлежащаго штрафа, или для отсылки потому въ учрежденныя присудственныя мѣста, по важности дѣла, тобъ всходствіе того, есть-либъ сообщила чрезъ оный Воспитательный Домъ запросимыя пункты, касающіяся до изясненія требуемаго дѣла, то бѣ конечно отъ того и имѣть къ свѣдѣнію своему надлежащій отвѣтъ могла и потому бѣ не было причины не дѣльнымъ рапортомъ Ваше Сіятельство утруждать.“

Подобный случай повторился въ 1781 году; въ октябрѣ того года Бецкой обратился къ главному начальнику Москвы князю Василю Михайловичу Долгорукому Крымскому, какъ къ почетному благотворителю Воспитательнаго Дома.

Въ этомъ письмѣ Бецкой поставляетъ на видъ князя, „какое никѣмъ и ни отъ кого не дѣланное оскорбительное нарушеніе правъ и преимуществъ Воспит. Дома, въ противность Всемилостивѣйше утвержденныхъ Плановъ учинено отъ Московскаго Банка единственно по причинѣ того, что ему показались сомнительными двѣ ассигнаціи изъ числа ветхихъ, присланныхъ Совѣтомъ для перемѣны на новыя: по этому сомнѣнію присланный съ ними сержантъ, нимало невиновный, безъ увѣдомленія Совѣта, отосланъ былъ въ Губернскую Канцелярію, съ такою строгостію, что тамъ содержанъ былъ цѣлыя сутки подъ карауломъ, между колодниками, чего безъ основанія, по одному сомнѣнію, ни съ кѣмъ нельзя было сдѣлать, безъ нарушенія правъ гражданскихъ, и тѣмъ менѣе съ тѣмъ, кто присланъ отъ Воспит. Дома.“ Хотя же Банкъ въ оправданіе свое и толковалъ привилегію Воспит. Дома такъ, что „отсылка служителей въ Домъ, буде окажутся виновными, относится къ тому случаю, когда это касается ихъ собственныхъ проступковъ,“ но такое толкованіе признано Бецкимъ „дерзновеннымъ и не сходнымъ съ благоразуміемъ.“ Поэтому онъ

просилъ князя „довести Банкъ сдѣлать удовлетвореніе Воспит. Дому, дабы онъ въ противномъ случаѣ не былъ принужденъ принять другія мѣры.“

Вообще Бецкой, при всякомъ случаѣ, защищалъ данныя Воспитательному Дому привилегіи, касательно независимости его отъ общей гражданской и полицейской власти.

Такъ онъ не соглашался на устройство зданія театра внутри владѣній Воспитательнаго Дома, потому что, во время дѣйствія, должна бы быть присылаема полицейская команда, а это бы оскорбило привилегію Воспитательнаго Дома.

Но, охраняя привилегіи Дома, Бецкой строго наблюдалъ, чтобы Опекунскій Совѣтъ не переступалъ ихъ предѣлы. Услышавъ, что многіе изъ разночинцевъ принимаются по Дому въ сержанты и выпускаются съ этими чинами, чѣмъ обижаются служащіе въ полкахъ, онъ писалъ 31 августа 1766 г., что хотя этому и не вѣрять, зная, что Совѣту положено только ради нужнѣйшихъ потребъ ихъ имѣть, однако просилъ прислать свѣдѣніе, сколько съ начала заведенія такихъ людей принято. Получивъ это свѣдѣніе, онъ нашелъ, что бывшія разглашенія не имѣли основанія (18 септ. 1766 г.). Упомянемъ кстати, что Бецкой одѣвалъ сержантовъ нарядно: на сержантскіе мундиры требовалось сукно зеленое по 2 р., на камзолы и штаны алое по 2 р. 30 к., на прикладъ стамедъ алый, позументъ золотой (8 арш. вѣсомъ 18³/₄ золот.), на шляпы поярковыя черныя позументъ золотой.

Въ письмѣ, 25 мая 1781 года, Бецкой объясняетъ свое разномысліе съ Московскимъ Опекунскимъ Совѣтомъ, который произвелъ бухгалтера Шульца въ чинъ титулярнаго совѣтника. вмѣстѣ съ С. Петербургскимъ Совѣтомъ онъ находилъ, что Совѣтъ имѣетъ право производить за службу въ классы, соотвѣтствующіе должностямъ, но не давать чины; а поправить ошибку Совѣта предлагалъ тѣмъ, чтобы сказать, что бухгалтеръ Шулецъ произведенъ въ классъ, соотвѣтствующій чину титулярнаго совѣтника.

Бецкой отклонялъ тѣ домогательства Совѣта, которыя казались ему неумѣренными. Хотя Домъ

имѣлъ право требовать для караула военную команду; но по военнымъ обстоятельствамъ число ея иногда уменьшалось. По этому поводу, 16 декабря 1768 г. Бецкой совѣтуетъ просить начальника Москвы графа Петра Семеновича Салтыкова, чтобы приказалъ оставить хотя нѣсколько человекъ въ необходимо нужныхъ мѣстахъ, прибавляя, что къ испрошенію Высочайшаго повелѣнія о командированіи изъ московскаго гарнизона приступить нынѣ нѣтъ возможности, и потому согласился на наборъ отставныхъ солдатъ, но съ соблюденіемъ при наймѣ ихъ экономіи.

Воспитательный Домъ, освобожденный, при заключеніи своихъ контрактовъ, отъ пошлинъ, хотѣлъ брать эти пошлины съ подрядчиковъ въ свою пользу. Противъ такого домогательства Бецкой писалъ, 29 декабря 1765 г., чтобы съ заключаемыхъ въ Экспедиціи Строенія контрактовъ Дому пошлинъ не брать, тѣмъ болѣе, что ихъ будутъ вычитать въ пользу Дома же, это будетъ напрасное затрудненіе, которое поведетъ только къ тому, что подрядчики стануть вышвать цѣны.

Любопытно письмо Бецкаго, 17 іюля 1778 г. Изъ письма Московскаго Опекунскаго Совѣта въ С. Петербургскій, отъ 22 іюня, онъ увидѣлъ, что посланный, 12-го числа, Совѣтомъ на его имя пакетъ былъ распечатанъ и задержанъ Ямскою Конторою, по подозрѣнію въ немъ партикулярныхъ писемъ, но какому случаю Совѣтъ и объяснился по пристойности съ Конторою; но какъ тоже самое письмо, отправленное на нѣмецкой почтѣ, также было распечатано въ Москвѣ, то этотъ случай даетъ ему поводъ думать, не было-ли дѣйствительной причины къ распечатанію пересылкою постороннихъ писемъ. Въ этихъ мысляхъ Бецкой отнесся къ Алексею Логиновичу Щербатову и къ директору Петербургскаго Нѣмецкаго Почтамта Эку съ приличными объясненіями, на что ему было обѣщано въ тѣ мѣста отписать, а его обнадежили, что уже впредь таковыхъ послѣдствій не будетъ. Впрочемъ Бецкой, увидѣвшись съ ними, хотѣлъ еще лично переговорить. Съ своей стороны онъ не надѣется, чтобы могли вкладываться въ совѣтскіе пакеты письма посторон-

нихъ людей или о дѣлахъ, до Воспитательнаго Дома не касающихся, поэтому приказываетъ истребовать изъ Ямской Конторы вынутыя изъ пакета письма.

Императрица Марія Феодоровна, какъ главная начальница Воспитательныхъ Домовъ, также охраняла права ихъ.

6 августа 1803 года Ея Величество указала Московскому Опекунскому Совѣту „что Московская Управа Благочинія, требующая отъ Воспитательнаго Дома свѣдѣнія о числѣ обоюбого пола воспитанниковъ, находящихся въ его вѣдомствѣ, не имѣетъ права ожидать отъ него подобныхъ свѣдѣній, такъ какъ Воспитательный Домъ, въ силу пожалованныхъ ему привилегій, пользуется преимуществомъ непосредственнаго сношенія съ Императоромъ, и только Его Величеству подаетъ отчетъ о числѣ дѣтей и своемъ состояніи.“

Но 18 апрѣля 1821 года Высочайше повелѣно Совѣту „удовлетворить требованіе Канцеляріи московскаго военнаго генералъ-губернатора, касательно доставленія свѣдѣній о всѣхъ присутствующихъ и служащихъ въ Совѣтѣ и подвѣдомственныхъ ему заведеніяхъ чиновниковъ, съ означеніемъ должности каждаго, равно и о числѣ воспитанниковъ, съ показаніемъ вкратцѣ преподаваемыхъ имъ наукъ и ремеслъ, для помѣщенія сего въ Указателъ Москвы, объяснивъ, что сіи свѣдѣнія сообщаются съ соизволенія Ея Величества.“

Въ 1823 г., также съ Высочайшаго разрѣшенія, дозволено было секретарю Общества Испытателей Природы Делава, по порученію московскаго военнаго генералъ-губернатора, „сдѣлать подробное описаніе заведеніямъ, состоящимъ въ покровительствѣ Ея Величества, съ тѣмъ, чтобы составленное имъ описаніе предварительно представлено было Ея Величеству, такъ какъ онъ не можетъ знать всѣхъ подробностей сихъ учреждений.“

Впослѣдствіи Воспитательный Домъ сдѣлался снисходительнѣе въ доставленіи постороннимъ вѣдомствамъ свѣдѣній о своихъ дѣлахъ. Такъ, 5 декабря 1829 года, по копчии уже Императрицы, Московскій Опекунскій Совѣтъ разрѣшилъ доставить статистическія свѣдѣнія приставу мясницкой части.

Въ управленіе Императрицы Маріи Ѳеодоровны былъ особенно яркій случай подтвержденія привилегій Воспитательнаго Дома.

Изъ повелѣнія Московскому Опекунскому Совѣту, 6 сентября 1826 г., видно, что Ея Величество, „получивъ донесеніе Князя Голицына, съ прискорбіемъ видѣла изъ онаго поступокъ Московской Полиціи съ чиновникомъ, служащимъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ и живущимъ въ Воспитательномъ Домѣ, безъ предварительнаго сношенія съ Главнымъ Надзирателемъ, которое должно бы по крайней мѣрѣ быть личное, чтобы вмѣстѣ приступить къ арестованію сего чиновника. Со стороны Оберъ-Полиціймейстера и Полиціймейстера, исполнившаго полученное приказаніе, не могло тутъ дѣйствовать ни что иное, кромѣ недоразумѣнія, но какъ оно заключаетъ въ себѣ явное нарушеніе привилегій Воспитательнаго Дома, которыя всѣ управлявшіе дѣлами онаго обязывались клятвенно сохранять ненарушимо, каковую клятву произнесла и Ея Величество въ душѣ Своей, когда приняла начальство надъ Домами, то Ея Величество долгомъ Себѣ поставила довести о семъ обстоятельстве до свѣдѣнія Государя Императора и Его Величество изъявить изволилъ совершенное неодобреніе поступка Московской Полиціи, явно нарушающаго привилегіи Воспитательнаго Дома, о чемъ и воспослѣдуетъ отъ Его Величества кому слѣдуетъ замѣчаніе. Сей отвѣтъ Его Величества хранить въ дѣлахъ Опекунскаго Совѣта, какъ доказательство огражденія правъ и привилегій Воспитательнаго Дома.“

Такъ какъ по привилегіи Воспитательнаго Дома городская полиція не имѣетъ права входа въ него безъ приглашенія, то на случай пожара, когда содѣйствіе полиціи необходимо Дому, установились слѣдующія правила: 1.) 17 декабря 1828 года постановлено Совѣтомъ, по предложенію московскаго оберъ-полиціймейстера, чтобы въ случаѣ сженія въ Воспитательномъ Домѣ алебаstra или выжиганія трубъ давать знать въ мясницкую часть, дабы пожарныя команды отъ невѣдѣнія сего не дѣлали напрасной тревоги. 2.) По случаю пожара, бывшаго въ С.Петербургскомъ Воспитательномъ Домѣ, при чемъ замѣчена была со стороны полиціи

сего Дома медленность въ извѣщеніи о томъ городской полиціи, Высочайше утверждены, 24 января 1830 года, правила на случай пожара въ учрежденіяхъ Императрицы Маріи. По силѣ сихъ правилъ, градская полиція должна быть извѣщена безъ замедленія, коль скоро замѣчено будетъ въ какой либо части Дома отъ неизвѣстной причины смрадъ, запахъ погорѣлаго или дымъ, хотя признаковъ пожара и не было бы. Главный надзиратель, получа о семъ донесеніе, немедленно увѣдомляетъ оберъ-полиціймейстера краткою запискою, съ означеніемъ часа ея послышки. 3.) 4 апрѣля 1832 г., по предложенію оберъ-полиціймейстера, положено Опекунскимъ Совѣтомъ, посылать таковую записку и въ ближайшую часть, для немедленнаго прибытія пожарной команды.

По кончинѣ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, Императоръ Николай I, указомъ отъ 26 октября 1828 года, принялъ Воспитательныя Дома подъ непосредственное и особенное Свое покровительство, и повелѣлъ представлять на Свое усмотрѣніе всѣ дѣла, кои восходили на разрѣшеніе Императрицы Маріи Ѳеодоровны; указомъ же 6 декабря, по завѣщанію Своей Августѣйшей Матери, велѣлъ Воспитательнымъ Домамъ въ столицахъ состоять подъ покровительствомъ Супруги Своей — Императрицы Александры Ѳеодоровны.

20 декабря 1828 года исполнители завѣщанія Императрицы Маріи Ѳеодоровны: — Великій Князь Михаилъ Павловичъ, министръ Императорскаго Двора Князь Волконскій, дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Александръ Голицынъ, тайный совѣтникъ Григорій Вилламовъ и тайный совѣтникъ Николай Новосильцевъ, — препроводили въ Московскій Опекунскій Совѣтъ, по Высочайшему повелѣнію Его Императорскаго Величества, выписку изъ завѣщанія Императрицы статьи 20-й на французскомъ языкѣ. Инспекторъ надъ классами при Воспитательномъ Домѣ статскій совѣтникъ Юлій Ульрихсъ перевелъ эту статью на русскій языкъ въ слѣдующемъ видѣ:

„§ 20. Я благодарю всѣхъ тѣхъ особъ, которые состояли подъ Моимъ начальствомъ, какъ въ С.Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ,

за то усердіе и благонамѣренность, кои Я находила въ нихъ. Да вспоминають они всегда то, что Я весьма часто имъ повторяла: что мы не инымъ чѣмъ должны быть одушевлены, какъ только желаніемъ исполнять наши обязанности во всѣхъ отношеніяхъ, соблюдая съ точнѣйшею справедливою тотъ опредѣленный и неизмѣнный ходъ, который предписанъ Нашими установленіями, бдительно сохраняя Привилегіи Дома, и соединяя всѣ наши попеченія, о томъ, чтобы сохранять младенчество, чтобы снова возбуждать, сколько возможно, материнское чувство, чтобы поспѣвать на помощь ко вдовѣ и сиротѣ, чтобы облегчать страждущую бѣдность;—и тогда только совершаемъ мы истинную благотворительность, которой высокій примѣръ преподалъ Господь нашъ,—и тогда только усвоиваемъ мы себѣ тѣ правила, на коихъ основано сіе заведеніе: *Домъ основанъ на благодѣяніи*; и тогда ни какой трудъ не будетъ для насъ тягостенъ, ниже покажется для насъ унижительнымъ.“

Подлинная выписка изъ завѣщанія и переводъ съ нея слушаны Опекунскимъ Совѣтомъ, 28 января 1829 г., и вложены въ ковчегъ, въ коемъ хранится жалованная грамота Дома.

Въ 1841 году Московскій Опекунскій Совѣтъ имѣлъ случай исполнить волю покойной Государыни, въ охраненіе привилегій Дома. Московскій оберъ-полиціймейстеръ, замѣтивъ, что мясницкій частный приставъ, при полученіи требованій отъ начальства по дѣламъ лицъ, служащихъ или живущихъ въ Воспитательномъ Домѣ, передаетъ таковыя требованія и предписанія вмѣстѣ съ дѣлами прямо къ полиціймейстеру Дома и потомъ на вопросы о медленности въ исполненіи дѣлъ отзывается, что не возвращены дѣла отъ полиціймейстера Дома,—и имѣя въ виду, что за всѣ упущенія и промедленія полиція подвергается отвѣтственности по закону, для огражденія полиціи и чтобы она не могла отзываться неполученіемъ отвѣта отъ Воспитательнаго Дома, онъ полагаетъ предписать мясницкому частному приставу, чтобы онъ, при исполненіи получаемыхъ имъ требованій, касающихся до лицъ, живущихъ или служащихъ въ Воспитательномъ Домѣ, по

собственнымъ ихъ дѣламъ, не предавая таковыхъ полиціймейстеру того Дома, требовалъ исполненія на основаніи общихъ правилъ, какъ по дѣламъ относящимся до прочихъ обывателей, во ввѣренной ему части живущихъ, и хотя онъ, оберъ-полиціймейстеръ, руководствуется въ семъ случаѣ общими правилами и тою необходимостію, въ которую поставлена полиція, однако, не приводя своего предположенія въ исполненіе, счелъ долгомъ увѣдомить Совѣтъ, не встрѣтится-ли съ его стороны къ тому какого либо препятствія. По сему запросу Московскій Опекунскій Совѣтъ, 18 августа, постановилъ слѣдующее заключеніе: „Основываясь на Высочайшемъ рескриптѣ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, на имя Князя С. М. Голицына 6 сентября 1826 года послѣдовавшемъ, Московскому Оберъ-Полиціймейстеру съ прописаніемъ справки сообщить, что Опекунскій Совѣтъ на предположеніе его, чтобы касающіяся до живущихъ и служащихъ въ Воспитательномъ Домѣ и подвѣдомственныхъ Совѣту заведенійхъ разнородныя по разнымъ предметамъ дѣла, не передаваясь Начальству заведеній, исполнялись прямо Полицейскими чиновниками, согласиться не можетъ, ибо подобная мѣра была бы совершенно противна Высочайшему рескрипту, который хранится въ Совѣтѣ, какъ доказательство огражденія правъ и привилегій Воспитательнаго Дома. А дабы въ исполненіяхъ по требованію Московской Полиціи со стороны Экспедиціи о воспитанникахъ обоюга пола не было медленности, предписать той Экспедиціи, дабы она по означеннымъ требованіямъ не укоспительно дѣлала исполненія; буде же по какимъ либо обстоятельствамъ исполненіе долго замедлится, то о томъ предварительно увѣдомляла кого слѣдуетъ; о каковомъ распоряженіи присокупить и Московскому Оберъ-Полиціймейстеру.“

5 ноября 1860 года, по кончинѣ Императрицы Александры Ѳеодоровны, Высочайшимъ рескриптомъ Государя Императора Государынь Императрицъ Маріи Александровнъ, Ея Величеству поручены всѣ учрежденія Императрицы Маріи.

Этотъ рескриптъ слѣдующаго содержанія:

„ Ваше Императорское Величество,“

„Почившая въ Бозѣ Августѣйшая Родительница Наша, во время неоднократныхъ недуговъ Своихъ, постоянно ввѣряла попеченію Вашего Императорскаго Величества многочисленныя, одинаково близкія, какъ Вашему, такъ и Ея сердцу, учрежденія Императрицы Маріи.“

„Нынѣ, проводивъ Тѣло Незабвенной Матери Нашей до послѣдняго жилища, Мы желаемъ, чтобы оплакивающія Ея воспитательныя и благотворительныя заведенія, 32 года процвѣтавшія подъ кроткимъ и мудрымъ Ея попечительствомъ, не оставались долѣе безъ Покровительницы, и для сего поручаемъ ихъ Вашему Величеству со всѣми правами, принадлежавшими Блаженной памяти Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.“

„Мы твердо увѣрены, что непосредственное Ваше покровительство будетъ для означенныхъ учрежденій надежнѣйшимъ залогомъ къ дальнѣйшему ихъ преуспѣянію на пользу Россіи, и что въ попеченіи о постоянно возрастающей семьѣ воспитывающихся и призрѣваемыхъ, Вы найдете новую пищу для христіанской Вашей дѣятельности и высшую для материнскаго сердца отраду. Любезнѣйшая же Родительница Наша, изъ горней Обители, благословитъ заботы Вашего Величества о заведеніяхъ, кои Она столь много и пѣжно любила.“

Изложеніе о привилегіяхъ Воспитательнаго Дома не можемъ не пополнить позднѣйшимъ фактомъ. Управляющій Департаментомъ Внѣшней Торговли, въ отношеніи отъ 10 февраля 1862 г. за № 2355, сообщилъ Московскому Опекунскому Совѣту о Высочайшемъ утвержденіи, 6 января 1862 года, постановленія Комитета Финансовъ, который, разсмотрѣвъ представленіе бывшаго министра финансовъ, согласно съ его мнѣніемъ, постановилъ: „не допускать никакихъ изыятій въ пользу разныхъ мѣстъ и лицъ, въ отношеніи безошлиннаго пропуска выписываемыхъ ими изъ за границы предметовъ, о чемъ объявить всѣмъ вѣдомствамъ.“

Важнѣйшею изъ всѣхъ привилегій была, конечно та, которая Высочайше утверждена 20 ноября 1772 года. Это учрежденіе Вдовьей, Ссудной и Сохранной Казны, начертанное Бец-

кимъ и составившее дополненіе къ 3-мъ частямъ Генеральнаго Плана Воспитательнаго Дома. Банковыя операціи Воспитательнаго Дома доставили ему въ послѣдствіи огромныя прибыли. Этотъ доходъ не только обезпечивалъ содержаніе Дома, но и далъ средства къ расширенію всего вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи; изъ него же преимущественно образовались собственные капиталы многихъ заведеній этого вѣдомства и самого Воспитательнаго Дома. При отчисленіи упомянутыхъ кредитныхъ учрежденій въ вѣдомство министерства финансовъ, то есть, къ 1-му января 1861 года, этотъ послѣдній капиталъ составлялъ свыше 16 милл. рублей. Но историческое изложеніе развитія кредитныхъ учрежденій Воспитательнаго Дома можетъ быть предметомъ цѣлаго особаго сочиненія, въ которомъ необходимо было бы обозрѣть отношенія Сохранныхъ Казенъ къ другимъ государственнымъ или общественнымъ кредитнымъ учрежденіямъ Россійской Имперіи. Начальство Московскаго Воспитательнаго Дома не сочло своею задачею писать ко дню юбилея этого заведенія финансовыя трактаты. Собирая къ этому празднику историческіе матеріалы, оно особенно имѣло въ виду извлечь изъ забвенія такіе, которые съ теченіемъ времени могли бы совершенно утратиться или сгруппировать тѣ, которые и нынѣ имѣютъ ближайшую связь съ прямою цѣлію заведенія. Ограничиваемся здѣсь изложеніемъ только тѣхъ привилегій, которыя испрошены были во всеподданнѣйшемъ докладѣ Комисіи, разсматривавшей „исполнительное учрежденіе Вдовьей, Ссудной и Сохранной Казны,“ въ дополненіе къ сему учрежденію, какъ недостатокъ онаго, по ея мнѣнію. Эти дополнительныя привилегіи заключаютъ въ себѣ слѣдующіе 7 пунктовъ.

„1) Чтобъ корпусъ Опекунскаго Совѣта, для общенароднаго уваженія, при всѣхъ государственныхъ церемоніальныхъ случаяхъ, на всегда мѣсто имѣлъ въ равенствѣ съ государственными Коллегіями.“

„2) Какъ Опекуны произвольно вступать имѣютъ самимъ дѣломъ въ сіе званіе, основанное на полномъ удостовѣреніи о ихъ честности, къ чему они и обязываются строгою присягою

для управленія ввѣренныхъ имъ дѣлъ по Дому Воспитательному: то не соизволите ли Ваше Императорское Величество, въ уваженіе столь отличнаго ихъ усердія къ пользѣ каждаго гражданина, всемилостивѣйше пожаловать въ награжденіе имъ право особенное слѣдующее, а именно: всѣмъ Опекунамъ Воспитательнаго Дома по дѣламъ своимъ виѣ онаго случающимся, ежели какое либо отъ кого случится притѣсненіе или нанесена будетъ обида, или какое либо иное наступательное гоненіе, и онъ въ надлежащемъ мѣстѣ удовольствія себѣ не получитъ, или получить надежды не имѣеть: то прямо и непосредственно дозволяется ему имѣть прибѣжище съ своею жалобою письменно или словесно къ Освященной Особѣ Монаршей, такъ какъ Члену мѣста состоящаго подъ единственною Монаршею защитою. Но сіе отличное право до тѣхъ только поръ Опекунъ имѣть можетъ, пока онъ членъ Опекунскаго Совѣта пребудетъ.“

„3) Какъ сіе мѣсто есть благотворительное Обществу, то уповательно, что изъ челоѣколюбія и христіанской добродѣтели къ сему богоугодному дѣлу, не отрекутся по письменнымъ требованіямъ, изъ знатнѣйшихъ особъ, принять на себя при Воспитательномъ Домѣ наименованіе *почетныхъ благотворителей*, и они бы по приглашенію отъ Совѣта, имѣли засѣданіе съ Опекунами, въ полезныхъ и нужныхъ Дому сему надобностяхъ. Они, какъ патриоты почтенные знатными достоинствами въ Государствѣ, охранять будутъ отъ всякаго вреднаго прикосновенія, твердость и непоколебимость сихъ Учрежденій, и по случающимся иногда нуждамъ, пользу Воспитательному Дому приносящимъ, а касающимся до рѣшенія Сенатскаго, Синодскаго или другихъ нижнихъ Правительствъ, одинъ изъ нихъ право и долгъ всегда имѣлъ, по согласію Главнаго Попечителя съ Совѣтомъ, въ томъ или другомъ дѣлѣ, принявъ на себя имя Ходатая, у мѣста, въ которомъ дѣло производится, стараться съ домогательствомъ о рѣшеніи окончательномъ, поелику Правосудіе сходствующее съ Законами, допустить можетъ, получить скорорѣшимую пользу для Дома Воспитательнаго. Изъ нихъ

яко извѣстныхъ уже хранителей всего утвержденаго Постановленія, избираемъ быть можетъ заблаговременно балотированіемъ въ Главные Попечители преемникомъ, дабы таковой по своему желанію и усердію, извѣстенъ былъ для немедленнаго вступленія въ сіе достоинство, какъ скоро оное мѣсто сдѣлается упалымъ, или за какою либо неспособностію, настоящій Главный Попечитель отъ онаго откажется.“

„4) Дабы Сенатъ и Синодъ нужды не имѣли насылать, въ Воспитательный Домъ указовъ, то Генераль-Прокуроръ изъ Сената а Оберъ-Прокуроръ изъ Синода сообщать имѣютъ Главному Попечителю при партикулярныхъ своихъ письмахъ опредѣленія Сенатскія или Синодскія, о дѣлахъ касающихся иногда до Воспитательнаго Дома.“

„5) Изъ единственнаго ко вдовамъ и сиротамъ христіанскаго милосердія, да и для безопасности въ сохраненіи ввѣряемаго отъ Общества имѣнія, чтобъ по вдовей и сохранной казнамъ о выдаваемыхъ въ приращеніе капиталахъ, навсегда въ случающихся печальныхъ приключеніяхъ, Воспитательный Домъ первенствующее имѣлъ право въ платежѣи полученіи возвратно раздаваемаго имѣнія, передъ всякими казенными и партикулярными по обязательствамъ долгами.“

„6) Чтобъ о закладываемомъ въ Воспитательный Домъ недвижимомъ имѣніи, Каморъ, Вотчинная и Юстицъ-Коллегіи, или ихъ и Банковая Канторы, (какъ гдѣ случится по способности,) точно справками утверждали въ Воспитательный Домъ: 1. Подлинность количества душъ, 2. Собственное ли то имѣніе закладчиково? 3. Не заложено ли гдѣ и не состоитъ ли въ поручительствѣ? и 4. Не спорное ли какое или запрещенное? А за таковымъ письменнымъ увѣдомленіемъ Воспитательный Домъ предохранить себя отъ опасности, потерять отдаваемый капиталъ на закладъ; почему надежда и вѣрность въ соблюденіи того приумножится. Хотя же таковыя крѣпости совершаться будутъ въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ и нынѣ совершаются, почему и нужда бы не настояла оныя увѣдомлять; однакожь Воспитательный Домъ долженъ каждый мѣсяцъ сообщать въ Вотчинную Коллегію о

вступающихъ, вышедшихъ и просроченныхъ закладныхъ недвижимыхъ имѣнійхъ. Впрочемъ хотя въ привилегіи Воспитательнаго Дома въ 12 пунктѣ и дается право оному, продавать всякія законно данныя ему отъ кого-либо деревни, но просроченныя долженствуетъ Домъ сей или отдавать на выкупъ, или, ежели законныхъ выкупщиковъ не случится, продавать неотмѣнно, безъ потери своего капитала и принадлежащаго къ оному интереса. Напоследокъ.“

„7) Какъ сіе Учрежденіе вдовьей, ссудной и сохранный Казны, Главнымъ Попечителемъ Тайнымъ Дѣйствительнымъ Совѣтникомъ Бецкимъ, по свойству нуждъ и обстоятельствъ Россійскихъ подданныхъ Вашего Величества изобрѣтено, и во многихъ Сочинитель отмѣнное распоряженіе сдѣлалъ противу таковыхъ же Учрежденій находящихся въ иностранныхъ Государствахъ, и уповательно дѣйствіе исполнительное съ надеждою на него возложено быть можетъ; въ теченіи же времени и опытовъ, не востребуетъ ли ипогда нужда что либо отмѣнить, исправить и пополнить съ единственной высочайшей воли Вашего Величества: то не соизволите ли, Всемилостивѣйшая Государыня, изъ особенной къ нему довѣренности, оставить ему одному, пока онъ Главнаго Попечителя достоинство на себѣ имѣетъ, власть сію особенно, которой будущіе по немъ Главные Попечители безъ общаго Совѣта Опекуновъ, по силѣ Привилегіи, имѣть уже не должны; и чтобъ всѣ отъ него Тайнаго Дѣйствительнаго Совѣтника Бецкаго данныя Инструкціи и Наставленія частныя, въ слѣдствіе сихъ Учрежденій, силу таковую же непоколебимости имѣли, каковая сему Учрежденію дозволяется, а по немъ никакая бы власть безъ особенной воли Монаршей отмѣнить того не могла.“

Въ прошедшемъ же столѣтіи Воспитательный Домъ приобрѣлъ еще одну немаловажную привилегію,—доходъ съ клейменія игральныхъ картъ. Объ этомъ предметѣ, какъ менѣе извѣстномъ, слѣдуетъ особая записка, въ которой заключаются разныя по этому предмету свѣдѣнія до передачи карточной операціи въ вѣдомство С.Петербургскаго Опекунскаго Совѣта.

О карточной привилегіи Воспитательнаго Дома.

21-го декабря 1765 года состоялся указъ Правительствующаго Сената по Высочайше утвержденному докладу учрежденной при Дворѣ Ея Величества Коммисіи о комерціи. „При сочиненіи новаго тарифа Коммисія усмотрѣла изъ таможенныхъ вѣдомостей, что каждый годъ привозится въ Россію картъ для игры изъ чужихъ государствъ на сумму отъ 15 до 18 т. рублей, почему хотя и не малая съ оныхъ собирается въ казну пошлина; однакожь Коммисія думаетъ, что въ разсужденіи столь много употребляемаго, единственно для забавы и препровожденія времени, товара, можно свободно употреблять оныя домашнихъ фабрикъ. Того ради, не соизволить ли Ея Императорское Величество повелѣть, иностранныя карты, въ повомъ тарифѣ, столь высокою обложить пошлиною, чтобы привозъ оныхъ самъ собою вовсе пресѣкся, къ чему Коммисія разсуждаетъ за довольно, вмѣсто нынѣшнихъ 78½ копѣекъ пошлинъ, наложить на дюжину по 2 рубли, сіе подастъ поводъ ко умноженію въ государствѣ своихъ карточныхъ фабрикъ и къ исправленію доброты ихъ противу иностранныхъ. А для награжденія могущаго отъ того со временемъ послѣдовать ущерба таможенныхъ доходовъ, наложить на каждую игру картъ, здѣшнихъ и привозныхъ, по гривнѣ на клеймо, повелѣвъ сдѣлать Сенату такое учрежденіе, чтобы по прошествіи нѣкотораго срока, никому не было дозволено играть незаклейменными картами; клеймо же класть на одной которой нибудь картѣ во всякой игрѣ, и потомъ позволять оныя продавать оптомъ и въ раздробъ всѣмъ по прежнему. И какъ картъ привозится въ Россію до 13 т. дюжинъ и въ Россіи домашнихъ дѣлается до 10 т. дюжинъ, то сбора за клеймо съ оныхъ можетъ быть, въ разсужденіи сего количества, болѣе 37 т. р., оный можетъ быть употребленъ на такое дѣло, на какое благоугодно явится Ея Величеству. На томъ докладѣ сего же Декабря въ 7 день подписано собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако: на привозныя карты по гривнѣ, а на наши по 5 копѣекъ на игру, котрыхъ деньги отпускать въ Воспитательный Домъ;

а въ прочемъ быть по сему.“ Во исполненіе сего Сенатомъ указано „велѣть Коммерцъ-и Мануфактуръ-Коллегіямъ сдѣлать общее въ дѣлѣ семь неукоснительное распоряженіе, чтобъ съ 1-го мая 1766 года исполненіе Высочайшаго указа дѣйствительно бѣ начало свое приняло, и какъ о семь, такъ и для клейменія вывозимыхъ и здѣшнихъ картъ, сдѣлавъ же со изображеніемъ государственнаго герба штемпели, какіе по приличности слѣдуютъ, представить въ Сенатъ.“ По собраніи для сего новаго учрежденія потребныхъ свѣдѣній, указомъ Сената, 7-го августа 1766 года, объявленнымъ во всенародное извѣстіе, приказано:

„1) Оныя денежной съ картъ сборъ начать отъ публикованія сего указа чрезъ три мѣсяца.“

„2) Находящіяся внутри Государства и распроданныя уже иностранныя карты, такъ равномѣрно и вышедшія въ народъ съ здѣшнихъ фабрикъ еще до изданія сего указа, позволяется употреблять отнынѣ впредь 6 мѣсяцовъ на прежнемъ основаніи и безъ клейма, дабы закупившіе оныя, симъ повымъ учрежденіемъ отягощены не были; а по минованіи сего времени, незаклейменныхъ картъ отнюдь не употреблять.“

„3) По прошествіи же назначеннаго къ начатію сего сбора трехъ-мѣсячнаго времени, всѣ карты, оставшіяся на лицо за продажею у купцовъ въ лавкахъ и домахъ, какъ привезенныя изъ чужихъ государствъ, такъ и сдѣланныя на здѣшнихъ фабрикахъ, тотчасъ переклеймить, и положенныя съ нихъ за клеймо деньги, съ иностранныхъ по 10, а съ Россійскихъ по 5 копѣекъ съ каждой игры взять, и впредь оныя клеймить, и положенныя за то деньги собирать въ Москвѣ въ Мануфактуръ-Коллегіи, а въ Санктпетербургѣ въ Мануфактуръ-Конторѣ; и для того клейменія сдѣлать Коммерцъ-Коллегіи по апробованнымъ Сенатомъ рисункамъ, штемпели, для Россійскихъ представляющій Сирену, а для иностранныхъ удный крючекъ подъ радугою, и по сдѣланіи, розослать оныя той Коллегіи для клейменія, куда надлежитъ, немедленно. А если кто по прошествіи положеннаго трехъ-мѣсячнаго срока дерзнетъ неклеить карты продавать, или по истеченіи шестимѣсячнаго

таковыми играть: то взыскивать съ таковыхъ безъ всякаго упущенія въ сумму Воспитательнаго Дома за каждую игру по 50 копѣекъ. Клейма же во всякой картѣ игрѣ класть на червономъ тузѣ красною краскою такою-жъ, какая бываетъ на картахъ.“

„4) Вывозимыя впредь изъ чужихъ государствъ карты клеймить; и съ нихъ вышесказанной положенной сборъ собирать въ трехъ только мѣстахъ, а именно: въ Санктпетербургѣ, въ городѣ Архангельскомъ и въ Ригѣ, куда и пристойное число штемпелей отправить; почему и карты изъ чужихъ краевъ ввозить въ Россію позволить только чрезъ оныя три порта, сдѣлавъ въ привозѣ оныхъ чрезъ другіе порты и пограничныя Таможни запрещеніе; и сей новоустановленный пошлинный съ картъ сборъ поручить Таможнѣ, а клейменіе и взятые за клеймо денегъ Губернскимъ Канцеляріямъ; чего ради изъ Таможенъ по взятѣ въ оныхъ съ привозныхъ картъ пошлинъ, не отдавая тѣхъ картъ купцамъ, отсылать ихъ къ клейменію въ Санктпетербургъ въ Мануфактуръ-Контору, а въ городѣ Архангельскомъ и въ Ригѣ въ Губернскія Канцеляріи“.

„5) Положенныя за клеймо картъ и взыскиваемые съ тѣхъ, кто будетъ послѣ предписанныхъ сроковъ въ неклеенныя играть, деньги, по силѣ означеннаго Именнаго Ея Императорскаго Величества указа, отсылать въ Воспитательный Домъ.“

„6) Хотя Сенатъ и не надѣется, чтобъ кто похотѣлъ по прошествіи назначеннаго срока, употребляя неклеенныя карты, обращать положенной съ клеймовъ сборъ въ собственную свою корысть, и лишать тѣмъ бѣдныхъ сиротъ опредѣленнаго на воспитаніе ихъ изъ матерняго Ея Императорскаго Величества милосердія дохода, почему на таковой случай особаго штрафа, кромѣ вышесказаннаго, и не полагаетъ, оставляя сіе каждому на собственную его честь и совѣсть; однако приличившіеся въ томъ, сверхъ сопряженнаго съ таковымъ преступленіемъ стыда, не избѣгнуть и подлежащаго по законамъ штрафованія, какъ превратители сиротскаго дохода въ собственную свою корысть.“

„7) А чтобъ съ вышесказаннаго срока никто

неклеименыхъ картъ продавать не дерзалъ, то за купцами и фабрикантами имѣть тѣмъ мѣстамъ, гдѣ кто изъ нихъ въ вѣдомствѣ состоитъ, прилежное смотрѣніе; если же кто объявитъ о купленныхъ послѣ того времени отъ кого именно неклеименыхъ картахъ, тому изъ положенныхъ за то штрафныхъ денегъ отдавать въ награжденіе половину.“

1-го мая 1766 года Бецкой, препровождая въ Московскій Опекунскій Совѣтъ сенатскій указъ, писалъ: „что какъ опымъ указомъ положено опредѣлить къ клейменію въ Москвѣ и С. Петербургѣ при Мануфактуръ-Коллегіи и ея Конторѣ особыхъ офицеровъ и прочихъ либо отъ Воспитательнаго Дома или поручить это состоящимъ при клейменіи гербовой бумаги, то опредѣленіе о семъ должно учинить Коллегіи обще съ Опекунами.“ Мануфактуръ-Коллегія находилась въ то время въ Москвѣ, въ Нѣмецкой слободѣ въ сенатскомъ домѣ.

Въ подлинныхъ дѣлахъ конца прошедшаго столѣтія, именно въ бумагахъ Коммисіи 1796 года для разсмотрѣнія происшествій по Воспитательнымъ Домамъ усматривается, что отъ клейменія картъ Воспитательный Домъ получилъ изъ Мануфактуръ-Коллегіи дохода:

Въ 1767 году.	. . .	2.282 р.	40 к.
— 1768 —	. . .	2.941 —	87 ³ / ₄ к.
— 1769 —	. . .	3.947 —	47 ³ / ₄ к.

Еще 30 сентября 1768 г. Московскій Опекунскій Совѣтъ просилъ Мануфактуръ-Коллегію, чтобы она предоставила клейменіе картъ Воспитательному Дому; и въ то же время, представляя Бецкому, что клейменіе при Коллегіи происходитъ съ большимъ упущеніемъ, спрашивалъ его, нельзя-ли клеймить ихъ при Воспитательномъ Домѣ; а 5 января 1769 г. представлено было Бецкому, что за клейменіе картъ въ 1768 году Воспитательный Домъ ни откуда денегъ не получилъ, а слѣдовало получить изъ С. Петербурга 3247 руб. 47 ³/₄, а въ Москвѣ до 750 руб.—Убѣдясь изъ счетовъ, представленныхъ держателями въ Москвѣ карточныхъ фабрикъ, что въ Москвѣ играютъ большею частію неклеименными картами, число коихъ часть отъ часу умножается, противъ чего полиція мѣръ не принимала,—Опекунскій Совѣтъ вто-

рично представилъ Бецкому объ испрошеніи, чтобъ клейменіе ихъ было при Воспитательномъ Домѣ, а не при Мануфактуръ-Коллегіи.

Бецкой, желая устроить клейменіе выгоднѣйшимъ образомъ, представлялъ объ этомъ въ Сенатъ, но послѣдній далъ указъ не въ пользу Дома. Бецкой полагалъ войти къ Ея Императорскому Величеству со всеподданнѣйшимъ докладомъ и съ этою цѣлію въ августѣ 1769 г. требовалъ свѣдѣнія, сколько съ начала наложенія на карты пошлинъ поступило ихъ въ Домъ, а 6-го ноября, возвращая въ Совѣтъ объявленіе карточныхъ фабрикантовъ, просилъ „развѣдать всѣ подробности, отъ чего происходятъ такія противности, а съ Членами Мануфактуръ-Коллегіи переговорить, какимъ бы образомъ ихъ отвратить можно было; собравъ же свѣдѣнія обо всѣхъ обстоятельствахъ, его увѣдомить, дабы можно было приступить къ дальнѣйшему дѣйствию надлежащимъ порядкомъ.“

Настоянія Московскаго Опекунскаго Совѣта большаго однако успѣха не имѣли. Мануфактуръ-Коллегія, 30 апрѣля 1770 г., приглашала Членовъ Опекунскаго Совѣта прибыть на общую конференцію „о предоставленіи клейменія картъ при Воспитательномъ Домѣ“; тѣмъ же менѣе послѣдовавшимъ того года указомъ Сената, какъ видно изъ письма Бецкаго въ Совѣтъ 1770 г. 17 октября, клейменіе картъ оставлено при Мануфактуръ-Коллегіи; возвышена только пошлина на привозныя карты и подтверждено о томъ, чтобы клейменными картами не торговали.

Въ томъ же году Сенатъ (*), утверждая представленіе Главной надъ таможенными сборами Канцеляріи, 30 сентября и 11 октября указалъ: „1, чтобъ конфискованныя карты въ С. Петербургской пограничной таможнѣ 1767 дюж., коихъ съ платежемъ за клейменіе положенныхъ на Воспитательный Домъ по 10 коп. съ игры никто не покупаетъ, а поимщиковъ безъ награжденія оставить не можно, половину отдать въ пользу Воспитательнаго Дома, а дру-

(*) Изъ свѣдѣній, отысканныхъ гѣйств. ст. сов. Ивановичемъ въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи.

тую въ награжденіе поимщикамъ, не требуя таможенной пошлины, и 2) привезенныя къ Петербургскому порту ошибкою на голландскомъ кораблѣ 2364 игры, которыя хозяева оставляютъ за слѣдующую таможенную пошлину отдать въ пользу Воспитательнаго Дома, не требуя таможенной пошлины.“

Доходъ съ клейменія картъ уменьшился. Мануфактуръ-Коллегія доставила его въ Воспитательный Домъ:

въ 1770 г.	17 р. 87 к.
„ 1771 г.	1582 „ 10 „
„ 1773 г.	568 „ 95 „
а въ 1772 г. вовсе ничего не присылала.	

Это побудило Воспит. Домъ учредить свою собственную карточную фабрику. Бецкой въ ноябрѣ 1774 г. къ генераль-прокурору князю Александру Алексѣевичу Вяземскому, который былъ и почетнымъ благотворителемъ Дома, писалъ, между прочимъ: Хотя и сдѣланы Сенатомъ строгія предписанія о неимѣннѣи неклеименныхъ картъ, однако нашлись „превратители сиротскаго дохода въ собственную свою корысть,“ ибо оный столь годъ отъ году умалается, что даже по извѣстному употребленію въ Россіи картъ сборъ съ нихъ можетъ почитаться невѣроятнымъ; приписывая это подлогамъ, Опекунскій Совѣтъ проситъ Сенатъ о подтвержденіи непремѣннаго исполненія указовъ, и представляетъ его вниманію слѣдующее: 1. Воспитательный Домъ, заведя по своей привилегіи карточные фабрики въ С.Петербургѣ и Москвѣ, проситъ, чтобы карты, кромѣ Москвы и Петербурга, дѣлать нигдѣ не дозволять, а какъ можно удовольствоваться всю Имперію картами, только въ столицахъ дѣлаемыми, привозъ иностранныхъ картъ отмѣнить. 2. Кромѣ клейма на червопномъ тузѣ клеймить и винновую краю, по образцу, отпечатывая для нихъ листъ при Воспитат. Домѣ, такъ чтобы частныя фабриканты винновыхъ краля и тузовъ червопныхъ не отпечатывали, а доставляли бы доски для нихъ въ Домъ, гдѣ и печатали бы, платя пошлину. При семъ всѣ испорченныя листы принимаетъ Воспитательный Домъ на себя.“ 3. Для картъ, прежде клейменныхъ, опредѣлить срокъ для

переклейменія ихъ вновь. 4. О сихъ распоряженіяхъ произвести надлежащія публикаціи. 5. Открывателямъ злоупотребленій Домъ общаетъ не только половину изъ конфискованныхъ картъ, не дожидаясь продажи, но изъ штрафныхъ часть будетъ выдана тотчасъ же изъ Воспитат. Дома, кромѣ еще особаго награжденія отъ Опекунскаго Совѣта. 6. О подтвержденіи вообще всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, чтобы способствовали Воспитат. Дому въ семъ „преимущество.“

По сему письму предложено было Сенату генераль-прокуроромъ, что Бецкой „прислалъ къ нему сдѣланные при Воспитательномъ Домѣ съ новымъ клеймомъ карты, и по причинѣ, чтобы тѣ, кои уже надѣланы, отъ долгаго лежанія не могли повредиться, требуетъ увѣдомленія, можно ли оныя въ продажу выпустить съ припечатаніемъ о томъ и въ вѣдомостяхъ.“ Сенатъ такъ и разрѣшилъ, о чемъ князь Вяземскій увѣдомилъ Бецкаго 3-го декабря 1774 года.

Во всемъ этомъ пользы было мало: доходъ Дома отъ клейменія картъ составлялъ:

Въ 1774 г.	1047 р. 56 к.
„ 1775 г.	605 „ 50 „
„ 1776 г.	601 „ 60 „
„ 1777 г.	250 — —
„ 1779 г.	200 — —
а въ 1778 г. доходу не было.	

Опекунскій Совѣтъ продолжалъ ходатайствовать, чтобы клеймо было предоставлено Воспитательному Дому. Въ письмѣ, отъ 16 іюня 1775 г., Бецкой говоритъ, что „содержатели карточныхъ фабрикъ, не страшась Указа Ея Величества, продаютъ карты безъ всякаго заклеименія.“

Наконецъ по Именному указу Сенату, 22 ноября 1779 г., упразднена Мануфактуръ-Коллегія и С.Петербургская ея Контора; клейменіе же картъ, какъ доходъ установленный въ пользу Воспит. Дома, отдано въ полное распоряженіе Дома. Объ этомъ указъ Сената состоялся, 13 января 1780 года, и Московскій Опекунскій Совѣтъ тогда же сдѣлалъ такую публикацію:

„Клейменіе будетъ производиться въ Опекунскомъ Совѣтѣ слѣдующимъ образомъ:

„1) Въмѣсто прежнихъ клеймъ Мануфактуръ-

Коллегіи, по присылкѣ изъ оной уже уничтоженныхъ, отнынѣ учреждено клеймо Воспитательнаго Дома, означающее птицу съ подписью вокругъ: „себя не жалѣя питаетъ птенцовъ.“

„2) Для назначенія предѣла картамъ съ прежнимъ клеймомъ, всѣ имѣющіяся на фабрикахъ или лавкахъ здѣшнія или вывозныя карты въ теченіи 2-хъ мѣсяцевъ объявить въ Совѣтъ, для наложенія на нихъ новаго клейма безъ пошлныи.“

„3) Съ незаклейменныхъ до нынѣ картъ, по наложеніи клейма на червономъ тузѣ взято будетъ по публикаціи 7 Августа 1766 г. съ каждой игры русскихъ картъ по 5 коп., а съ иностранныхъ по 10 к.“

„4) Въмѣсто бывшей за открытіе неклеименныхъ картъ награды половины изъ штрафныхъ денегъ, назначается впредь награда не только половина изъ конфискованныхъ картъ, не дожидаясь продажи, но и половина изъ штрафа, какой положится; всякій работникъ фабрики или посторонній, если онъ достоверно докажетъ на мастеровъ или за кѣмъ усмотритъ поддѣлываніе штемпелей или поддѣлываніе ими, получить награжденіе 50 р. и имя его будетъ скрыто.“

„5) Послѣ двухъ-мѣсячнаго срока карты съ прежнимъ клеймомъ, какъ фальшивыя, будутъ конфискованы.“

„6) Хотя Воспитательный Домъ и не надѣется, чтобы кто захотѣлъ послѣ назначеннаго срока употреблять неклеименныя карты или подложныя на нихъ клейма въ собственную корысть, лишая бѣдныхъ сиротъ столь маловажной прибыли, но съ провинившихся въ томъ будетъ поступлено по всей строгости законовъ.“

Доходъ съ клейменія картъ не тотчасъ увеличился. Поступило его:

Въ 1780 году. . . .	1794 р. 49 к.
— 1781 — . . .	2477 — 80 к.
— 1782 — . . .	3794 — 76 к.

Опекунскій Совѣтъ рѣшился ввести бандероли, и 7 марта 1782 г. объявилъ:

„Какъ со времени Указа 22-го ноября 1779 г.

по нынѣ оказалось не малое число такихъ преступниковъ, кои производили торгъ неклеимеными картами, то въ отвращеніе впредь подобныхъ преступленій и наносимаго тѣмъ убытка Дому, Опекунскій Совѣтъ изобрѣлъ новое средство, по заклеименіи тузовъ обвертывать каждую игру и подложину игръ бандеролемъ или лентою, на которой поставленъ *эръ* Ея Императорскаго Величества съ подписью вокругъ, посему всѣмъ фабрикантамъ и купцамъ объявляется, дабы всѣ представили карты, не исключая и прежнихъ для полученія бандеролей безъ платы, срокомъ по 1-е Апрѣля, съ тѣмъ, что если послѣ сего у кого окажутся карты не переклейменныя, съ тѣмъ поступлено будетъ по всей строгости законовъ.“

Эта мѣра имѣла свое дѣйствіе: доходъ увеличился.

Въ 1783 г. получено:	6129 р. 32 к.
— 1784 — —	7593 — 50 к.
— 1785 — —	9163 — 45 к.
— 1786 — —	8298 — 30 к.
— 1787 — . —	9625 — 40 к.
— 1788 — —	8194 — 85 к.
— 1789 — —	7515 — 80 к.

Пониженіе дохода въ два послѣдніе года побудило Опекунскій Совѣтъ вновь просить полицію о дѣятельнѣйшемъ наблюденіи за карточными фабрикантами и установить новыя бандероли.

Съ первую цѣлю Совѣтъ отнесся къ почетному благотворителю Дома князю Александру Михайловичу Голицыну, 27-го ноябрю 1789 г. Препроводивъ къ нему выписку о доходѣ съ клейменія картъ въ разные годы, доставлявшемся прежде изъ Мануфактуръ-Коллегіи, а потомъ получавшемся прямо самимъ Совѣтомъ, по передачѣ въ него клейма, Опекунскій Совѣтъ указывалъ на возвышеніе дохода отъ клейменія, приписывая это дѣятельности бывшаго оберъ-полиціймейстера, а потомъ губернатора въ Москвѣ Николая Петровича Архарова, приказавшаго частнымъ приставамъ „дабы они съ являющимися отъ Совѣта немедленно шли на фабрику ли или къ торгующему картами и по-

могали бы; нынѣшній же годъ, — писалъ Совѣтъ, — увеличенія дохода нѣтъ, хотя по пространству города и умноженію фабрикъ надо было бы его ожидать, изъ чего заключить должно, что выработываемыхъ на фабрикахъ картъ всѣхъ клеймить въ Совѣтъ не приносятъ, а употребляютъ подъ фальшивымъ клеймомъ въ продажу,“ почему Опекунскій Совѣтъ просилъ князя, какъ почетнаго благотворителя и ходатая, спестись съ главнокомандующимъ, чтобы онъ приказалъ частнымъ приставамъ оказывать Воспитательному Дому всякое содѣйствіе.

Князь Голицынъ прислалъ въ Опекунскій Совѣтъ копии, какъ съ своихъ писемъ къ начальнику столицы Еропкину и оберъ-полицеймейстеру Толю, такъ и съ ихъ отзывовъ. Онъ общалъ Толю поощрять полицейскихъ служителей въ обыскѣ фальшивыхъ клеймъ награжденіемъ отъ Воспитательнаго Дома, въ томъ предположеніи, что не должно жалѣть нѣсколькихъ сотъ рублей, гдѣ можно получать нѣсколько тысячъ прибыли, „ибо такого рода люди во всѣхъ случаяхъ съ лучшею пользою двигаются и дѣйствуютъ тамъ, гдѣ они ожидаютъ себя награжденія.“ Князь Голицынъ предлагалъ Совѣту безотлагательно произвести генеральный обыскъ всѣхъ карточныхъ фабрикъ.

Ходатайство князя Еропкинымъ и Толемъ вполнѣ было удовлетворено.

Вотъ объявленіе, сдѣланное Совѣтомъ, 24 декабря 1789 года, о наложеніи новыхъ бандеролей:

„Не смотря на неоднократныя объявленія, къ крайнему сожалѣнію оказалось не мало такихъ преступниковъ, кои производили торгъ неклеяемыми картами и подъ фальшивыми бандеролями, почему въ отвлеченіе отъ подобныхъ преступленій, Совѣтъ разсудилъ помянутые бандероли съ 1-го января 1790 г. вовсе уничтожить и вмѣсто нихъ подъ тѣмъ же названіемъ по новому изобрѣтенію выпускать другіе на каждую полдюжину и игру картъ, почему и объявляется всѣмъ фабрикантамъ, чтобы приносили карты для наложенія новыхъ бандеролей вмѣсто старыхъ.“

Совѣтъ разсуждалъ такъ: „Опекунскій Со-

вѣтъ, убѣждаясь въ необходимости измѣнить бандероли съ новаго года, нашелъ, что для тисненія ихъ должно имѣть также новыя доски и притомъ содержимыя въ крайней тайнѣ, дабы уже за тѣмъ никто изъ постороннихъ не могъ ихъ поддѣлывать, а предохранить отъ сего нѣтъ другаго способа какъ имѣть при Домѣ особыхъ и честныхъ мастеровъ, которые для сего Оберъ-Директоромъ и присканы иностранцы, для вырѣзанія досокъ—Никола, съ обязательствомъ всякій разъ выдумывать разные манеры, такъ чтобы никто поддѣлать не могъ, а для тисненія типографшикъ Леманъ,—положилъ: означенныхъ мастеровъ опредѣлить съ жалованьемъ 400 и 250 руб. и привести ихъ къ присягѣ, о введеніи новыхъ бандеролей объявить въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, и напоследокъ всѣхъ содержателей карточныхъ фабрикъ пригласить въ Совѣтъ и стараться согласить ихъ, чтобы установили одинаковую и такую картамъ цѣну, которая бы достаточна была на платежъ и за матеріалы съ работою и за клеймо Воспитательному Дому, ибо примѣняясь къ собственной Дома фабрикъ нынѣшнія цѣны картъ крайне недостаточны, и если они согласятся на установленіе такой цѣны, тогда обязавъ ихъ не понижать цѣны, въ подрывъ другъ другу подъ опасеніемъ штрафа и Воспитательному Дому продавать свои карты за ту же цѣну.“ Все это записано въ журналѣ Совѣта, 28 декабря 1789 г.

Для достиженія своей цѣли, Совѣтъ относился въ Управу Благочинія объ описи у фабрикантовъ картъ съ прежними бандеролями и сообщилъ во всѣ Намѣстническія Правленія объ уничтоженіи прежнихъ бандеролей и составленіи описей картъ съ прежними бандеролями, въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ, при чемъ пояснилъ, что „новые бандероли будутъ накладываемы на карты Воспитательнаго Дома по двѣ красныя съ чернымъ гербомъ, а на карты партикулярныхъ фабрикъ черныя съ краснымъ гербомъ.“

Обо всѣхъ своихъ распоряженіяхъ Московскій Опекунскій Совѣтъ сообщилъ С. Петербургскому съ тѣмъ, чтобы сей послѣдній отнесся въ ближайшія къ нему Намѣстническія

Правленія. А какъ Московскому Совѣту сдѣлалось извѣстно, что по заведенной въ г. Харьковѣ Изюмской округи помѣщикомъ секундъ-маіоромъ Васи́лемъ Донецъ Захарь-Ржевскимъ карточной фабрикъ происходятъ въ клейменіи картъ злоупотребленія, то С.Петербургскому Совѣту, въ отвращеніе того, было сообщено, чтобы истребовалъ назадъ изъ Харьковскаго Правленія штемпель, съ тѣмъ, чтобы Захарь-Ржевскій клеймилъ свои карты лишь въ Воспитательныхъ Домахъ.

Съ содержателями карточныхъ фабрикъ въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ заключено, 22 января 1790 г., условіе, въ которомъ сказано: „1. Какъ нынѣшняя продажная карта цѣна, въ разсужденіи чрезвычайной во всемъ дороговизны едва достаточна на потребныя къ тому матеріалы, на содержаніе фабрики и проч., а за тѣмъ на платежъ за клеймо оныхъ Воспитательному Дому почти ничего уже не остается, и для того, какъ оному Воспитательному Дому, такъ и намъ всѣмъ содержателямъ продавать выработываемыя обыкновенныя игральныя карты каждую дюжину не ниже 1-й по три руб., 2-й по два руб. пятидесяти коп., 3-й по два руб., 4-й по одному руб. и 5-й руки по восьмидесяти коп., вистовыя 1-й по четыре руб., 2-й сорты по три руб., польскія по одному рублю пятидесяти коп., дабы симъ способомъ доставлено было каждому къ содержанію тѣхъ фабрикъ надлежащее удовлетвореніе и въ платежъ за клеймо Воспитательному Дому дохода въ силу Высочайшаго Ея Императорскаго Величества Указа не отяготительно; 2. Если паче чаянія мы содержатели ниже сей полагаемой цѣны продавать будемъ сказанныя по сортамъ карты и то подлинно найдено будетъ, въ такомъ случаѣ всякій нарушившій сіе постановленіе подастъ на себя подозрѣніе, что чинилъ продажу картъ съ фальшивымъ клеймомъ и бандеролями, или и совсѣмъ не клеймевыя и безъ бандеролей, слѣдовательно подвергнетъ себя неминуемо строгому сужденію и взысканію по законамъ, а при томъ какъ для каждаго изъ помянутыхъ картъ номера должны быть особливыя сорочки и съ особливыми знаками, то въ разсужденіе сего и обязуемся мы, чтобъ

тѣ карты продаваемы были посортно каждой съ своими сорочками и знаками непременно; когда же кто изъ насъ вопреки сему положенію поступиитъ, разумѣя, продаетъ карты съ сорочкою 1-го номера 2-й № и такъ далѣе, тотъ заплатитъ въ пользу воспитывающихся въ семъ домѣ сиротъ штрафу пятьсотъ руб; 3. Не безъ извѣстно, что многіе, снимая съ новыхъ картъ бандероли, продаютъ оныя тѣмъ, которыя скупая игральныя карты и обрѣзавъ ихъ съ тѣми бандеролями, не позволительнымъ образомъ продаютъ за новыя, то въ престѣненіе таковыхъ подрывовъ обязуемся мы получаемыя отъ Опекунскаго Совѣта бандероли на новыхъ картахъ наклеивать рыбьимъ клеемъ, а не клеемъ, какъ нынѣ у всѣхъ обыкновенно дѣлается, такъ, чтобъ ни подъ какимъ видомъ цѣлыми сняты быть не могли. 4. Каждый изъ насъ фабрикантъ долженъ представить въ Опекунскій Совѣтъ образцы сорочкамъ на продаваемыя нами карты, хотя бы и перемѣнялись они и какъ бы не часто, во избѣжаніе отъ кого какого либо предлога, ко всегдашнему сличенію; напротивъ же того и Опекунскій Совѣтъ съ своей стороны удостовѣряетъ, что сдѣланныя на фабрикѣ Воспитат. Дома карты по означеннымъ цѣнамъ продаваться будутъ непременно; къ тому же общаетъ всѣмъ содержателямъ карточныхъ фабрикъ въ облегченіе ихъ, однако жъ если они будутъ какъ честные люди безъ утайки клеймить всѣ ими выработываемыя карты, одиннадцатый тузъ клеймить безденежно, буде же кто изъ нихъ и за симъ снисхожденіемъ сдѣлаетъ въ томъ какую фальшь, то и болѣе за то всякій подвергнетъ себя строгому по законамъ наказанію, въ заключеніе чего сіе условіе въ вѣрномъ его наблюденіи подписали Опекунскій Совѣтъ и мы всѣ содержатели карточныхъ фабрикъ.“

Условіе это подписали: Князь Херхеулидзевъ, Иванъ Симонъ, Иванъ Грандмезонъ, Францоа Деберъ, Брюно Лемеръ, Василій Богалдинъ Таишевъ, Дидрихъ Венедиктъ Шеръ, Александръ Дедонъ, бригадиръ Александръ Протасовъ, секундъ-маіоръ Иванъ Ивановъ сынъ Давыдовъ, флота капитанъ-лейтенантъ Алексѣй Яковлевъ сынъ Плюсковъ, надворный со-

вѣтникъ Сергѣй Хитровъ, воспитанникъ Семенъ Петровъ сынъ Сомовъ, Люизъ Ванъ Хооброшъ.

Съ боку противъ нихъ подписались опекуны: Гейнрихъ Гогель, Михаилъ Ладыженской, Иванъ Арсеньевъ, Гаврила Боголюбовъ, а скрѣпилъ условіе контролеръ Гордѣй Бачмановъ.

Фабрикантъ Сарторій одинъ не согласился на это условіе и жаловался главнокомандующему, князю Александру Александровичу Прозоровскому; Совѣтъ же далъ князю 28 февраля такое объясненіе: „Въ сохраненіе дохода съ картъ и въ отвращеніе на фабрикахъ и въ продажѣ злоупотребленій употребляемы были разные способы перемѣною краски и бандеролей, и наконецъ, по соглашенію со всѣми фабрикантами, кромѣ Сарторія, возвышена на карты цѣна, сдѣланная по расчету собственной фабрики, которой отъ продажной цѣны за всѣми расходами ничего не осталось бы за клеймо, болѣе же всего къ тому побудило подозрѣніе, которое подтвердить никто не отречется, а именно что если Воспитательный Домъ на своей фабрикѣ вырабатываетъ и продаетъ отъ 30 до 40 т. дюжинъ картъ, то смѣло положить можно, что нынѣ существующія въ Москвѣ 16 карточныхъ фабрикъ, при ровномъ числѣ работниковъ, должны продать по крайней мѣрѣ 200 т. дюжинъ, за клейменіе которыхъ слѣдовало бы получить по 60 коп. съ дюжины, всего 120 т. руб.“ Совѣтъ полагалъ, что „жалобу приносить могутъ лишь одни въ домахъ служители потому, что у нихъ противъ прежняго отыметъ 50 коп. дохода съ дюжины, ибо прежде они покупали дюжину по 2 руб. 50 коп., а получали за нее во время игры по 6 руб.; теперь же должны покупать по 3 руб.“ За тѣмъ Опекунскій Совѣтъ опровергаетъ расчеты Сарторія и доказываетъ, что еслибы они были справедливы, то вся его прибыль отъ фабрики составляла бы до 218 р. 40 к., на которые онъ долженъ былъ бы содержать себя съ квартирою и прислугою. Совѣтъ заключаетъ, что Сарторій большую часть картъ продаетъ противно порядку и проситъ закрыть его фабрику, если онъ не подпишетъ постановленія.

Князь Прозоровскій далъ полиціи приказаніе,

но Сарторій вошелъ къ нему съ новой просьбой. Онъ „свидѣтельствовался Всемогущимъ Богомъ, что Воспитательный Домъ никогда прежде такой цѣны картамъ не ставилъ, что фабриканты платили указной акцизъ и что Воспитательный Домъ сдѣлалъ надбавку, безъ повелѣнія Государыни;“ онъ же съ своей стороны „желаетъ продавать въ розницу по той цѣнѣ, по которой Воспитательный Домъ продаетъ купцамъ гуртомъ, даже дешевле.“—Князь Прозоровскій далъ резолюцію: „При всей неясности сей просьбы, видно однакожь, что Сарторій будучи въ зависимости по своей фабрикѣ отъ Императорскаго Воспитательнаго Дома, не хочетъ повиноваться постановленію онаго, подтвержденному уже согласіемъ всѣхъ другихъ фабрикантовъ, и сдѣланному для общей ихъ и Воспитательнаго Дома пользы, дабы продажу по одинаковой цѣнѣ картъ не могли фабриканты одинъ другаго подрывать. Вся же отговорка Сарторія состоитъ въ томъ, для чего Воспитательный Домъ безъ Высочайшаго повелѣнія сдѣлалъ прибавку на карты, но возможно ль было сему Дому о такой малости утруждать своимъ докладомъ Ея Императорское Величество, да и карты не есть продуктъ нужный и необходимый для народа, а относящійся къ единой роскоши; сіе всякій благоразумный человекъ можетъ принять за неоспоримую истину. Напротивъ неосновательное отрицаніе Сарторія даетъ поводъ заключать объ немъ, что онъ намѣренъ сохранять единственно свои только выгоды съ нарушеніемъ вѣрнаго правила торга, ибо ни какой торгъ безъ вѣры процвѣтать не можетъ, или во вредъ другимъ, наконецъ непремѣннымъ почитаю правиломъ, чтобъ Сарторій согласился съ вышеозначеннымъ постановленіемъ Воспитательнаго Дома, если же онъ и за симъ останется въ своемъ упорствѣ, тогда принужденъ я буду принять другія, можетъ быть для него неприятыя, мѣры.“

Для усиленія сбыта своихъ картъ, Опекунскій Совѣтъ 1 апрѣля разрѣшилъ дѣлать служителямъ, приходящимъ покупать карты, такую же уступку, какую дѣлаютъ въ ихъ пользу частные фабриканты.

Все это соглашеніе было бесполезно. Самъ

Опекунскій Совѣтъ его отмѣнилъ, дабы доставить каждому вольную по его разсужденію продажу картъ; а фабрикантамъ объявилъ, что они съ тѣмъ вмѣстѣ лишаются уступки одиннадцатаго туза и должны платить по прежнему. Опекунскій Совѣтъ былъ вынужденъ это сдѣлать, потому что карточные фабриканты подписаннаго ими постановленія не исполняли и не смотря на штрафъ продавали карты дешевле Воспитательнаго Дома.

Время отъ времени Совѣтъ мѣнялъ бандероли. 22-го іюня 1792 г. онъ сообщилъ въ Московское Губернское Правленіе и во всѣ Намѣстническія Правленія о перемѣнѣ съ 1-го іюля бандеролей, извѣщая что краски по временамъ будутъ измѣняться. Въ іюль того же года Опекунскій Совѣтъ приказалъ бухгалтеру Оловсону „отправиться по всѣмъ извѣстнымъ въ Москвѣ карточнымъ фабрикантамъ и къ купцамъ, торгующимъ картами въ рядахъ для взятія съ нихъ подлински или сдѣланія описи о количествѣ находящихся у нихъ картъ съ прежними бандеролями для представленія въ Совѣтъ къ положенію новыхъ.“

О бандероляхъ Московскій Опекунскій Совѣтъ писалъ С.Петербургскому, что на нихъ годъ всегда будетъ черный, а гербъ—зеленый на картахъ съ собственной фабрики Дома, и красный на картахъ партикулярныхъ фабрикъ; впрочемъ цвѣтъ послѣдняго герба предполагалось время отъ времени перемѣнять.

Клейму подлежали и гадательныя карты. Въ мартѣ 1795 г. заклеено 47 коробокъ такихъ картъ съ фабрики Иванова, а въ маѣ того же года 25 коробокъ съ фабрики Пановскаго, съ платою по 5 коп. съ коробки.

Въ инструкціи, поручику Наказину, данной Совѣтомъ, 14 марта 1796 г., между прочимъ, сказано: „Поручается надзоръ надъ всѣми находящимися въ Москвѣ партикулярными карточными фабриками и торгующими картами, чтобы первыя не выпускали, а послѣдніе не продавали картъ иначе, какъ съ клеймами на червонныхъ тузахъ и бандеролями или перевязками на каждой полдюжинѣ и колодѣ отъ Воспитательнаго

Дома, если же усмотрится подлогъ или клеймы и бандероли не отъ Воспитательнаго Дома, то безъ упущенія времени, не давая замѣтить, кто это сдѣлалъ, явиться по мѣсту жительства виновнаго къ Частному Приставу и требовать у него, по силѣ данныхъ имъ предписаній Главпокомандующихъ въ Москвѣ Еропкина 1 декабря 1789 и князя Прозоровскаго 26 марта 1790 г., въ помощь себѣ чиновника, съ которымъ описавъ все непозволенное, опись и карты фальшивыя представить Совѣту, а виновнаго представить надзору того чиновника, въ ожиданіи резолюціи. По частому объѣзду фабрикъ замѣчать по числу лоцильныхъ камней и работниковъ, то ли число дѣлается и выпускается, которое они присылаютъ для клейменія въ Совѣтъ. Поступать со всѣми безъ грубости, вѣжливо. Ежемѣсячно представлять Совѣту о состояніи фабрикъ.“

Съ клейменія картъ получено:

Въ 1790 г.	16.081 р. 26 к.
— 1791 —	18.075 — 90 —
— 1792 —	16.707 — 60 —
— 1793 —	16.391 — 40 —
— 1794 —	15.814 — 80 —
— 1795 —	20.105 — 46 —
— 1796 —	21.212 — 43 —

О штрафахъ въ пользу Воспитательнаго Дома за неклеименныя карты съ 1774—1796 г. виденъ въ дѣлахъ какой нибудь десятокъ случаевъ. Штрафы присылались изъ разныхъ мѣстъ: изъ Московской Губернской Канцеляріи, Московскаго Магистрата, изъ Нѣжинской Таможни 26 р. за конфискованныя ею провезенныя „околоною дорогою“ карты, изъ Азовской Губернской Канцеляріи 36 р., взысканные съ одного донскаго казака, изъ Калужскаго Намѣстничества 276 р., взысканные съ купца Билибина за продажу имъ картъ съ фальшивыми бандеролями и клеймами, изъ Московскаго Губернскаго Правленія 24 р. съ купца Зуева за продажу имъ иностранныхъ картъ съ фальшивыми клеймами, оттуда же съ крестьянъ за сдѣланіе ими неклеименныхъ *шубныхъ* картъ и проч.

Первое извѣстіе объ учрежденіи при Москов-

скомъ Воспитательномъ Домѣ карточной фабрики относится къ 1774 году. Бецкой извѣщаетъ, что онъ отправилъ изъ Петербурга въ Воспитательный Домъ фабриканта для дѣланія при немъ картъ. Это былъ Иванъ Матъе съ сыномъ Николаемъ. Они, по кондиціямъ, заключеннымъ съ Бецкимъ, какъ видно изъ журнала Совѣта, 29 января 1775 г., обязались учредить при Воспитательномъ Домѣ карточную фабрику и работать на ней своими людьми самымъ наилучшимъ мастерствомъ, въ теченіе 5 лѣтъ, получая отъ Дома потребные матеріалы и нужныя къ тому *снасти*, бумагу и краски. Обязались они также обучать тому мастерству 20 человекъ воспитанниковъ обоего пола, не утаивая отъ нихъ ничего; при умноженіи же работъ на фабрикѣ брать имъ воспитанниковъ сколько нужно.

Изъ письма Бецкаго, 7 апрѣля того же года, видно, что карточная фабрика заведена и при С.Петербургскомъ отдѣленіи Воспитательнаго Дома.

Были выписаны заграничныя образцы картъ изъ Страсбурга и Амстердама еще въ 1771 году, за что комиссіонеру Мишейлю заплачено 80 р. 29 к.

Въ мартѣ 1775 г. Бецкой уже спрашивалъ „продаются ли дюжина картъ съ домашней фабрики по 1 р. 80 к. и по 1 р. 30 к., такъ какъ и на прочихъ фабрикахъ добротою еще лучше дюжина по 2 руб.“

Вѣроятно, вслѣдствіе этого, цѣна картамъ была понижена. Въ 1776 г. опубликовано въ газетахъ, „что будутъ при Воспитательномъ Домѣ продаваться дѣлаемые на *точной* его фабрикѣ карты: хорошія вмѣсто 1 р. 94 к. по 1 р. 50 к., а посредственныя вмѣсто 1 р. 64 к. по 1 руб. дюжина.“

Въ 1780 году донесено было Бецкому, что фабрика усилена 30-ю воспитанниками, что работающіе на ней питомцы содержатъ сами себя, не получая ни пищи, ни одежды, подобно 12-ти питомцамъ на чудочной фабрикѣ. Изъ дѣлъ же 1781 г. видно, что карточныхъ фабрикъ двѣ, на одной 21 воспитанникъ, на другой ихъ 18.

Съ продажи картъ получено:

Въ 1775 г.	. . .	979 р. 60 к.
— — 76 —	. . .	3649 — 96 к.
— — 77 —	. . .	9804 — 25 к.
— — 78 —	. . .	23 861 — 11 к.
— — 79 —	. . .	15.908 — 02 к.

Сохранился балансъ по *фабрикантской* конторѣ съ 1780—1796 г., бывшій въ разсмотрѣніи Слѣдственной Коммисіи, въ которомъ сказано: „счета по фабрикантской конторѣ ведены были прежде 1780 года бывшимъ при оной конторѣ бухгалтеромъ Делеромъ, находившимся при главномъ надзирателѣ Эссигѣ, который за упущеніе и замѣшательство оныхъ и отрѣшенъ былъ, посему до 1780 г. и невозможно выбрать по фабрикамъ точныхъ и вѣрныхъ счетовъ, ибо выдачи денегъ производились для фабрики изъ Экономіи и въ экономскихъ счетахъ означены.“

Изъ баланса извлекаемъ слѣдующія свѣдѣнія. На домовой карточной фабрикѣ сработано, въ теченіе означеннаго времени, 442. 744 р. дюжины продано картъ на 680.400 р. 94½ коп.; прибыли всей получено 118.649 р. 78 к.; если же присоединить прибыль отъ приписанныхъ къ векселямъ процентовъ и проч. 7.501 р. 84 коп., то вся прибыль составитъ 126,151 р. 62 к. Въ заключеніе баланса сказано:

„Если же бы карточная фабрика платила за клеймо, то съ проданныхъ картъ 414.116 дюжинъ по 60 к., пришлось бы заплатить 248 469 р. 60 к., такъ что, если изъ этой суммы вычесть прибыль 126.151 р. 62 к., то фабрика была бы въ убыткѣ на 122.317 р. 98 коп.“

Это показываетъ, что домовая фабрика не могла конкурировать съ частными фабрикантами, что подтверждается и опытомъ соглашенія съ ними Опекунскаго Совѣта; Воспитательному Дому оставалось только понижать цѣны картъ и продавать ихъ на векселя.

Булгалтеры Шульцъ и Таппауеръ, въ 1791 году, доносили Совѣту, что купцамъ, за дѣлаемую имъ уступкою 10%⁰, карты изъ Воспитательнаго Дома обходятся по 1 р. 26 коп. за

дюжину, между тѣмъ какъ частные фабриканты продаютъ по 1 р. 20 к. и ниже; продажа картъ поэтому остановилась, хотя ихъ на фабрикѣ готово до 8 т. дюжинъ. Бухгалтеры представляли о сбавкѣ цѣны. Опекунскій Совѣтъ, 9 октября, рѣшилъ понизить цѣну на 10 коп. съ дюжины.

Въ замѣчаніяхъ графа Миниха, вызвавшихъ учрежденіе особой Коммисіи для разсмотрѣнія происшествій по Воспитательнымъ Домамъ, весьма рѣзко выражена невыгода продажи картъ на векселя и вообще несостоятельность карточной фабрики.

Обвиняя Опекунскій Совѣтъ, графъ говоритъ: „Карточную фабрику попустилъ разстроиться до того, что вмѣсто 13 тысячъ рублей (прежде получавшагося дохода) нынѣ получаетъ только около 4 т. р. не деньгами, а векселями. Такихъ векселей на 41.994 р. 27 коп., изъ коихъ едва ли можно будетъ получить 16.467 р. 80³/₄ к.“

На это опекунъ Гогель отвѣчалъ:

„Фабрика карточная нисколько не разстроена, уменьшеніе же дохода произошло отъ малой продажи, которая почти остановилась послѣ запрещенія Графа продавать карты на векселя, и хотя это запрещеніе отмѣнено было 28 Февраля 1793 г., но поздно, ибо всѣ люди, пользовавшіеся до того времени кредитомъ, обратились къ другимъ партикулярнымъ фабрикамъ.“ Опекунъ *Ладыженской* признавалъ за лучшее всѣ карты продать по уменьшенной цѣнѣ; а опекунъ Арсеньевъ отозвался, что фабрикой управлялъ Гогель, по представленію котораго опредѣленъ особый чинovníкъ для взысканія по векселямъ; и что его, Арсеньева, предложеніе противъ векселей—было отринуто.

Въ предписаніи своемъ опекуну полковнику Гаврилову, управлявшему послѣ оберъ-директора Гогеля должностію главнаго надзирателя, графъ Минихъ по карточной фабрикѣ отозвался: „при прежнемъ мастерѣ Жанѣ Матѣе карты были негодныя по дурной ихъ склейкѣ и обрѣзу, и расходы въ убытокъ. Продажа картъ была на векселя.“ Гавриловъ донесъ на это: „мастеръ Матѣе уволенъ съ іюля 1795 года, у ны-

ншняго мастера карты лучше и съ него строго взыскивается; со времени запрещенія графомъ продажи въ долгъ не бываетъ, взысканіе же долговъ прежнихъ возложено на бухгалтера Оловсона, коимъ взыскано 9.311 р. 57¹/₄ коп.“

Стараніе улучшить карточную фабрику видно изъ публикаціи, 11 октября 1795 года, что дюжина картъ прежней выдѣлки будетъ продаваться: 1-го сорта 2 р. 50 к., 2-го сорта 2 р. и 3-го 1 р. 50 к. за дюжину, а вновь сдѣланныя,— 1-го сорта 3 р., 2-го 2 р. 50 к., 3-го 2 р. и 4-го 1 р. 50 к. тоже за дюжину.

Замѣчанія графа Миниха повторилъ впоследствии графъ Сиверсъ, Главный Попечитель и членъ Слѣдственной Коммисіи. Указывая вообще на безпорядки *фабрикантской* конторы, бухгалтеріи и аукціонной камеры и на трехъ старшихъ опекуновъ Ладыженскаго, Гогеля и Арсеньева, какъ на участниковъ въ томъ, графъ Сиверсъ говоритъ, „что по одной карточной фабрикѣ въ наличности оказалось картъ на 51 т. и векселей за взятія карты на 34.600 руб., изъ коихъ только 2600 р. надежными оказались, по приходу отъ клейменія Домъ имѣлъ убытку болѣе 130 т. р., что видно было послѣ первыхъ 5 лѣтъ, но фабрика продолжалась болѣе 20 лѣтъ.“

Ладыженскій и Арсеньевъ все относили къ одному Гогелю, отвѣтъ котораго былъ слѣдующій: „Карточная фабрика продолжала существовать по предписаніямъ Бецкаго, а остановка въ продажѣ картъ произошла отъ предписанія Графа Миниха, которое хотя и было отмѣнено, но уже поздно, ибо упавшая торговля почти никогда не возстановляется. Прежде купцы иногородные уплачивали часть суммы, а на остальную платили проценты на сроки; симъ способомъ продавалось ежегодно отъ 40 до 50 т. дюжинъ картъ. Расчетъ же о клейменіи не вѣренъ, ибо если бы Воспитательный Домъ то количество картъ не выработалъ и не выпустилъ, то оныя были бы куплены у частныхъ фабрикантовъ и клейменіе тузовъ не умножилось бы, ибо выпускаемыя ими во внутренніе города карты съ клеймами фальшивыми или во-

все безъ клеймъ. Противъ сего зла Опекунскій Совѣтъ посылалъ особыхъ *истцовъ* на ярмарки, фигуру клейма перемѣняли раза четыре въ годъ, приготовлялась особая краска для клейменія, изобрѣтенъ былъ и способъ вырѣзыванія на мѣдныхъ доскахъ бандеролей, которыя накладывались на каждую игру или полдюжину, на каждой бандероли члены Совѣта подписывали свои имена, наконецъ выписанъ былъ изъ Лейпцига типографщикъ, дѣлавшій лѣтныя бандероли, каковымъ способомъ почти доведено до желаемой цѣли, такъ что Графъ Минихъ, видѣвши это, истребовалъ этотъ способъ и для С.Петербургскаго Совѣта. „Гогель заключаетъ, что до вступленія его въ управление съ 1763 по 1779 г. получено доходу 13.845 р. 34³/₄ к., а съ 1780 по 1794 г. 138.104 р. 31¹/₄ к.“

Въ Высочайшемъ указѣ Слѣдственной Комисіи, 28 октября 1796 г., въ §. 14-мъ сказано: „установить клейменіе картъ такимъ образомъ, чтобы положена была преграда злоупотребленій и къ выгодѣ Воспитательнаго Дома изыскать средство тотъ доходъ возвысить.“

Графъ Сиверсъ, убѣдившись въ неудобности и невыгодности содержанія собственной фабрики, предписалъ (что заслушано Совѣтомъ 14 апрѣля 1797 г.) уничтожить состоящую при Домѣ фабрику, карточныя матеріалы продать вмѣстѣ съ другими шерстяными, шелковыми и золотопрядильными товарами, бывшими въ фабрикантской лавкѣ Воспитательнаго Дома; всего было по цѣнамъ на 12 т. р.

По уничтоженіи московской карточной фабрики, карточная привилегія передана, 4 марта 1798 г., въ распоряженіе С.Петербургскаго Воспитательнаго Дома, который отдалъ ее на откупъ.

Еще 15 марта 1783 г. С.Петербургскій Опекунскій Совѣтъ писалъ въ Московскій Совѣтъ, что армянскій купецъ Петръ Бабасиновъ предлагаетъ отдать ему клейменіе на откупъ съ платою Воспитательному Дому по 1200 руб. ежегодно и отдачею за конфискованныя неклеяемыя карты половины суммы. С.Петербургскій Совѣтъ, находя это выгоднымъ, положилъ съ Бабасиновымъ заключить условіе на 2 года. Въ

этомъ условіи, между прочимъ, было сказано: „клеить ему карты на червонномъ тузѣ, даннымъ отъ Опекунскаго Совѣта штемпелемъ, изображающимъ птицу (пеликана) съ надписью вокругъ:—„себя не жалѣя питаетъ птенцовъ.“— Если же въ теченіе 2-лѣтняго времени заведена будетъ при С.Петербургскомъ Домѣ карточная фабрика, то дѣлаемая на оной карты клеймены будутъ отъ Опекунскаго Совѣта, а ему Бабасинову до того дѣла нѣтъ.“

Въ 1790 году дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Бутурлинъ и статскій совѣтникъ Василій Нелидовъ просили объ отдачѣ имъ привилегіи клейменія картъ въ С.Петербургѣ и Москвѣ на 4 года за 2000 р. въ годъ. С.Петербургскій Опекунскій Совѣтъ отказалъ имъ, на томъ основаніи, что „какъ сборъ съ клейменія картъ предоставленъ Воспитательному Дому, не какъ привилегія, а какъ подаваніе, то и неприлично ввѣрять оное частнымъ лицамъ.“

Въ 1797 г. графъ Сиверсъ дозволилъ „отдать карточную продажу на откупъ только тѣмъ, которые въ городахъ, гдѣ карточныя фабрики, казенный винный откупъ на себя взяли.“

27 апрѣля того же года, Императрица Марія Ѳеодоровна повелѣла: „Гофмейстеру Почетному Члену и Опекуну С.Петербургскаго Опекунскаго Совѣта Дмитрію Александровичу Гурьеву имѣть въ вѣдѣніи Экспедицію о картахъ, а при немъ по сей части быть коллежскому совѣтнику Скванчи, съ тѣмъ, чтобъ они постановили условія на отдачу картъ на откупъ.“

Членъ Московскаго Опекунскаго Совѣта князь Лобановъ Ростовскій, между прочимъ, предлагалъ, „что какъ и безъ откупа отъ клейменія картъ въ Москвѣ доходъ простираться долженъ, судя по прежнимъ годамъ, отъ 30 до 40 т. руб., то по откупу на четыре года требовать не менѣе 170 т. р.“— Въ маѣ С.Петербургскій Совѣтъ нубликовалъ въ вѣдомостяхъ объ отдачѣ карточной продажи на откупъ на 4 года, начиная съ 4 марта 1799 г. Сначала карточныя фабриканты предлагали по 30 тыс. руб. въ годъ; но явившіеся въ октябрѣ въ С.Петербургскій Совѣтъ именитый гражданинъ Рюминъ и купцы Чоблоковъ и Кусовниковъ объ-

явили 100 т. руб. въ годъ; осталась цѣна за ними 140 т. р. Въ февралѣ 1799 г. заключенъ С.Петербургскимъ Опекунскимъ Совѣтомъ съ именитыми гражданами—рязанскимъ: Рюминымъ, петербургскими — Чоблоковымъ, Кусовниковымъ, Ольхинымъ и съ софійскимъ купцомъ и петербургскимъ гостемъ Юферовымъ, контрактъ на содержаніе карточного откупа во всей Россійской Имперіи съ 1-го апрѣля 1799 г. по 1-е апрѣля 1803 г., съ платою ежегодно по 140 т. руб. Воспитательному Дому. Продавать имъ карты: 1-го разбора въ С. Петербургѣ и Москвѣ дюжина по 5 руб., а игру по 42 коп., 2-го дюжину по 3 руб. 80 к., игру 32 коп., 3-го дюжину 2 р. 40 к., игру 20 к., въ Тобольской и Иркутской губерніяхъ: 1-го сорта дюжину 7 р., игру 59 к., 2-го дюж. 5 р. 80 к., игру 49 коп., 3-го дюж. 4 руб. 40 к., игру 37 к.; во всѣхъ же прочихъ губерніяхъ и уѣздныхъ городахъ С.Петербургской и Московской — 1-го сорта по 6 р., 2-го по 4 руб. 80 коп., 3-го по 3 р. дюжина.

Поднесенный о семъ С. Петербургскимъ Совѣтомъ, 14 мая, докладъ утвержденъ Императрицей.

Оба Опекунскіе Совѣты до 1831 года вели между собою по доходу съ картъ расчеты; въ этомъ же году, 30 мая, Высочайше утвержденъ докладъ С.Петербургскаго Опекунскаго Совѣта объ обращеніи всего дохода отъ продажи картъ въ пользу одного С.Петербургскаго Воспитательнаго Дома, „такъ какъ сей послѣдній получаетъ доходу менѣе, а расходовъ имѣетъ болѣе, чѣмъ Московскій Домъ, и притомъ все дѣлопроизводство о продажѣ картъ состоитъ въ завѣдываніи С.Петербургскаго Опекунскаго Совѣта.“

Въ Москвѣ карточный магазинъ помѣщался въ домъ Семеновой, который въ 1818 г. былъ купленъ для Московскаго Воспитательнаго Дома, а въ 1840 году этотъ магазинъ выведенъ въ наемное помѣщеніе.

АПТЕКА МОСКОВСКАГО ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ДОМА.

Уже упомянуто въ числѣ привилегій Дома, что ему предоставлено имѣть свою аптеку съ правомъ продавать лекарства въ публику.

Сначала лекарства для Воспитательнаго Дома брали, по дешевизнѣ, изъ Главной Аптеки чрезъ Контору Медицинской Канцеляріи; но главный надзиратель Миллеръ въ 1765 г., „по представленію медиковъ, въ нечаянныхъ припадкахъ, по отдаленности той аптеки, сталъ брать изъ частныхъ аптекъ, которая ближе,“ особенно изъ аптеки Майера и Таненберга. 19 октября 1767 г. Опекунскій Совѣтъ дозволилъ покупать лекарства и въ рядахъ.

По представленію главнаго надзирателя Вакергакена „о необходимости заведенія для перваго случая небольшой аптеки, съ употребленіемъ на разные инструменты и посуду до 300 р.“,

Опекунскій Совѣтъ разрѣшилъ, 25 августа 1767 г., „учредить также аптеку съ докторомъ и, пріиславъ потребнаго къ тому аптекаря, заключить съ нимъ контрактъ.“ 17 ноября, Опекунскій Совѣтъ, „разсуждая, что по заключеннымъ съ докторомъ Мертенсомъ кондиціямъ, обязанъ онъ всѣмъ неимущимъ и бѣднымъ людямъ, какого бы званія и пола они ни были, давать наставленія и рецепты безденежно, о чемъ и дано знать обществу въ августѣ мѣсяцѣ печатными объявленіями, вслѣдствіе чего къ нему не малое число весьма бѣдныхъ и неимущихъ приходитъ и въ томъ числѣ такихъ множество, которые не въ состояніи по даваемымъ рецептамъ купить лекарства, почему онъ и долженъ былъ купить медикаментовъ на свои деньги,“ — положилъ — „выдавать ему эти деньги, а

впредь такого рода медикаменты брать изъ домовой аптеки, гдѣ вести имъ особый счетъ.“

Въ маѣ 1768 г. положено было: „медикаменты служащимъ въ Домѣ выдавать изъ домовой аптеки, а при выдачѣ жалованья у служащихъ вычитать 2%. Впрочемъ такой вычетъ продолжался недолго; 21 мая 1772 г. положено производить его только у получающихъ болѣе 100 р., а 11 мая 1775 г. прекращенъ и у послѣднихъ вычетъ изъ жалованья, какъ несоставляющій большаго дохода для Дома.“

Относительно учрежденія своей аптеки Опекунскій Совѣтъ еще въ іюнѣ 1765 г. писалъ къ Бецкому „чтобы при Воспитательномъ Домѣ завести небольшую аптеку, какія бываютъ при полкахъ и госпиталяхъ, а лекарства для нея брать изъ казенной Главной Аптеки по истинной цѣнѣ, отчего не малая будетъ прибыль.“ А въ мартѣ 1768 года Совѣтъ уже представлялъ Бецкому о необходимости для Дома и пользѣ для общества, учредить при ономъ публичную аптеку, для чего потребно до 4 т. р., присокупивъ, что въ находящейся при Домѣ небольшой аптекѣ продается въ годъ лекарства на 1800 и 2000 р.; по указамъ же велѣно аптекамъ брать за всеми расходами 40%. Апрѣля 7-го Бецкой согласился на учрежденіе аптеки.

Для помѣщенія публичной аптеки были отдѣланы, состоявшіе на болверкѣ близъ Варварскихъ воротъ, каменные старые покои съ пристройкою небольшой деревянной связи. Открыть аптеку предполагали 21 апрѣля 1769 г.; но дѣло замедлилось за неполученіемъ таксы медикаментамъ, а потомъ—ожиданіемъ осмотра аптеки Медицинскою Конторою, неполучавшей указа о томъ изъ Медицинской Коллегіи. Аптека была открыта лишь 6-го августа, и о продажѣ въ ней лекарствъ для публики, было напечатано въ газетахъ; а 14 ноября дана была инструкция о продажѣ лекарствъ аптекарю Виллишу. Въ январѣ 1770 г., Опекунскій Совѣтъ положилъ, чтобы лица безвозмездно пользующіяся лекарствами возвращали въ аптеку сѣклянки и банки; за разбитую же посуду производить вычетъ изъ жалованья.“

Въ 1773 году аптека переведена изъ стараго помѣщенія близъ Варварскихъ воротъ въ де-

ревянное зданіе богадѣльни, въ которомъ до того времени помѣщался Опекунскій Совѣтъ.

Въ 1776 году предполагалось отдать аптеку на откупъ; но въ октябрѣ того года Опекунскій Совѣтъ донесъ Бецкому, что „отдавать на откупъ аптеку онъ находитъ за бесполезное; къ сему вызвался одинъ аптекаръ Виллишъ, прося 1000 руб. въ годъ за снабженіе медикаментами всего Воспитательнаго Дома; но это убыточно, ибо оныхъ выходитъ болѣе какъ до 700 рублей.“

Есть соображеніе Совѣта 1788 г. о томъ, „что съ учрежденія аптеки капитала Воспитательнаго Дома по 1787 г. употреблено 20344 р. 9¹/₄ к., медикаментовъ ежегодно употреблялось отъ 7500 до 8 т. р., которые еслибы покупать въ постороннихъ аптекахъ, то стоили бы отъ 19 до 20 т. р., сверхъ того она продаетъ лекарства отъ 1700 до 2 т. р. въ годъ, принося прибыли отъ 1 до 1200 р. При ней аптекаръ съ жалованьемъ 500 р., гезель 100 р., 7 учениковъ и 6 работниковъ; также два ботаническихъ сада, одинъ на Скотномъ Дворѣ, а другой при ней въ Москвѣ.“

4 января 1794 г. данъ былъ Опекунскимъ Совѣтомъ аптекарю наказъ слѣдующаго содержанія: 1. „Должность аптекаря состоитъ въ томъ, чтобы вести порядочную жизнь, сколько возможно оставаться дома, содержать аптеку въ наилучшемъ порядкѣ, надзирать за гезелями и учениками, отпускать лекарства по рецептамъ для питомцевъ Дома, начальниковъ и служащихъ, такъ и для публики хорошо, вѣрно и скоро; безъ предписаній Доктора или Штабъ-Лекарей медикаментовъ безденежно ни подъ какимъ видомъ ни для кого, кромѣ Оберъ-Директора, не отпускать. 2. Отданныхъ въ аптеку питомцевъ обучать аптекарскому искусству и смотрѣть за ихъ поведеніемъ. 3. Припасамъ, кои нужно выписать изъ чужихъ земель, составить роспись на апробацію медику Дома, который представляетъ ее Оберъ-Директору. 4. Приходъ аптеки составляется изъ денегъ по рецептамъ для публики и изъ выручаемыхъ ручною продажей. На каждомъ рецептѣ обозначать цѣну; со всехъ рецептовъ вписывать копии въ книгу съ цѣною ежедневно; въ другую книгу

вносить выручку отъ ручной продажи, дабы всегда можно было Оберъ-Директору освидѣтельствовать аптеку; но вообще состоитъ она подъ отчетомъ Фабрикантской Конторы Дома, которой и подается по аптекъ годовой отчетъ.“

На требованіе графомъ Минихомъ свѣдѣній о положеніи аптеки и о томъ—даетъ-ли она доходъ, главный надзиратель Гавриловъ отвѣчалъ, что „о положеніи аптеки подаются въ Совѣтъ ежемѣсячныя вѣдомости; по балансу же 1795 г. видно, что расходъ безденежныхъ медикаментовъ превышаетъ прибыль; нынѣ этотъ расходъ уменьшился, а особенно по словесному представленію моему объ уничтоженіи излишнихъ медикаментовъ.“

Графъ Сиверсъ въ замѣчаніяхъ, представленныхъ въ Коммисію разсмотрѣнія происшествій, въ пунктѣ 9-мъ, объ аптекъ выразился такъ: „Аптека пайдена въ непристойно сыромъ и дурномъ видѣ, почему посторонніе весьма мало покупаютъ лекарства и для дѣтей они безъ плода; старые опекуны употребили въ 10 л., кромѣ мелочи безъ записки на себя, болѣе 1800 руб. лекарства, и, что безстыдиѣ, почти до 800 руб. зельтерской воды; сію сумму полагаю съ нихъ взыскать, ибо они брали фунтами такія лекарства, которыя употребляются золотниками; брали они лекарства и для всѣхъ своихъ знакомыхъ.“

Въ отвѣтъ на это замѣчаніе представлены слѣдующія объясненія:

1) *Гогелемъ*: „Аптеку, сколько позволяло дурное мѣстоположеніе, исправлялъ, представлялъ Бецкому, чтобы перевести аптеку въ другой домъ, но этотъ планъ, хотя и былъ утвержденъ, не былъ приведенъ въ исполненіе. Графу Мишиху также было представляемо, и онъ рѣшился было купить домъ на углу Солянки, но этотъ домъ былъ подъ запрещеніемъ. По опредѣленію Опекунскаго Совѣта я имѣлъ право подписывать прописанія, по которымъ отпускались лекарства, но никогда власть свою во зло не употреблялъ; давалъ лекарства и бѣднымъ; господа опекуны по отсутствію докторовъ тоже просили меня подписывать ихъ рецепты, и вся сумма составила 1.800 р. въ 10 лѣтъ, что составитъ въ годъ 180 руб., сумму нераззорительную для

Дома. Зельтерскую воду употреблялъ я не изъ тшеславія или лакомства, а по предписанію докторовъ отъ каменной болѣзни. Аптекарь поставлялъ мнѣ ее не кувшинами, а ящиками, въ которыхъ рѣдко половина бутылокъ была годна къ употребленію. Если же ее употреблено на 800 р., то это составитъ въ годъ по 80 руб., считая тутъ и протухлую воду. Между тѣмъ полагается взыскать съ меня за тѣ лекарства, которыя употреблялъ для излеченія жестокой болѣзни, при которой не могъ бы исправлять свою должность.“ Въ заключеніе Гогель проситъ разсмотрѣть существо его поступковъ и взысканіе съ него сложить.

2) *Ладыженскиимъ*: Аптека оставлена на прежнемъ мѣстѣ, потому что лабораторія, гдѣ и запасныя лекарства, находится въ сухомъ мѣстѣ, частная же продажа мала потому, что аптекарь продаетъ лекарства очень дорого. Лекарства брали всѣ опекуны, и сумму надо раздѣлить потому, кто чаще былъ болѣвъ, меня же отъ сего Богъ сохранилъ; для излеченія отъ лихорадки, которою страдалъ, лекарствъ не много нужно; отъ ревматизма въ рукахъ отпускался мнѣ шафгаузенскій пластырь, можетъ быть и по фунту, для облегченія же аптеки, потому что намазывалъ я этотъ пластырь на лайку, которую покупалъ въ лавкѣ; рецептомъ этого пластыря аптекарь обязанъ мнѣ, потому что, получа его первый въ Москвѣ отъ особы, которая секретъ его открыла, я отдалъ сему вѣроломному аптекарю; всѣмъ знакомымъ совѣтовалъ брать лекарства въ аптекъ Дома; мелочныхъ же лекарствъ я никакихъ не бралъ, удивительнѣе же всего, что написали на меня зельтерскую воду, которой я ни одной капли не бралъ: для дочери же моей я покупалъ эту воду въ Яблочномъ ряду въ лавкѣ, которую и указать могу.“

1) *Арсеньевымъ*: „О неудобствѣ аптеки неоднократно было представляемо Главному Попечителю и преемнику его, по никакого предписанія не послѣдовало; лекарства же бралъ во время болѣзни, скрупулами и золотниками, а зельтерской воды не бралъ.“

Опекунскій Совѣтъ, 24 сентября 1796 г., „имѣя сужденіе о томъ, что съ давняго времени

отпускаются изъ аптеки для бѣдныхъ людей лекарства безденежно по рецептамъ служащихъ при Домѣ врачей, и что таковыхъ выходитъ въ годъ на сумму значительную, кромѣ того, что бѣдные служащіе при Домѣ лечатся безденежно въ людской больницѣ, — положилъ: — „какъ по возрастающимъ чрезмѣрно издержкамъ отъ возвысившихся цѣнъ расходы превышаютъ приходъ Дома, то впредь такой отпускъ для чужихъ бѣдныхъ лекарствъ уничтожить; впредь же отпускать безденежно лекарства только служащимъ, за ихъ подписью, не исключая и Гг. Опекуновъ, и съ утвержденія Главнаго Надзирателя, которому ежемѣсячно съ докторомъ свидѣтельствовать аптеку.“

20 апрѣля 1797 г., по предложенію Главнаго Попечителя о большихъ расходахъ по аптекамъ, происходившихъ отъ того, что прежде опекуны брали дорогія лекарства и капли безденежно цѣлыми фунтами, общимъ согласіемъ опекуновъ положено: „не отпускать изъ Аптеки лекарствъ безденежно Опекунамъ, прочимъ же служащимъ въ отпускъ лекарствъ поступать по прежнимъ положеніямъ.“ 1-го марта 1799 г. Опекунскій Совѣтъ, соображая согласно Высочайшаго повелѣнія, отъ 25 января, на имя почетнаго опекуна Протасова, не ограничить-ли дѣйствія аптеки по примѣру С.Петербургскаго Дома покупкою и отпусккомъ лекарствъ только для воспитанниковъ и служащихъ, или же продавать оныя и въ публику, — положилъ: „составить новый штатъ аптеки Почетному Опекуну Протасову, который, находя при ней много лишнихъ людей, надѣялся сократить ея содержаніе на половину.“

6 апрѣля, составленный Протасовымъ, вмѣстѣ съ главнымъ надзирателемъ, штатъ аптеки представленъ былъ на Высочайшее усмотрѣніе. При этомъ Совѣтъ утвердилъ такія правила: „1. Домовая аптека отпускаетъ питомцамъ и служащимъ лекарства безденежно по рецептамъ докторовъ сего Дома, Штабъ-Лекарей Отдѣленнаго Госпиталя и Оспеннаго Дома на время прививанія оспы. 2. Продажу лекарствъ для публики производить по казенной таксѣ. 3. Лекарства покупать по цѣнамъ одобреннымъ докторомъ. 4. Каждую треть докторамъ сви-

дѣтельствовать аптеку въ отношеніи къ лекарствамъ, матеріаламъ и успѣхамъ учениковъ. 5. Получаемыя съ вольной продажи деньги хранить въ особомъ запечатанномъ ящикѣ и ежемѣсячно высыпать при Главномъ Надзирателѣ и докторохъ. 6. Отпускаемыя въ Домъ лекарства записывать въ особую книгу.“

16 іюня Совѣтомъ опредѣлено: „деньги за проданныя публикѣ лекарства, по вышкѣ ежемѣсячно изъ кружки, по счетѣ ихъ и запискѣ въ книгу, оставлять аптекарю на расходы, а Совѣту подавать рапорты о ежемѣсячной выручкѣ по продажѣ;“ а 17 ноября 1801-го года предписано Главному Надзирателю съ докторами свидѣтельствовать ежемѣсячно приходы и расходы по аптекамъ.

Въ 1804 г. домовая аптека отдана въ содержаніе аптекарю Буттеру (*) на слѣдующихъ условіяхъ: „1. На покупку лекарствъ 1500 р. отпускать ему впередъ. 2. Лекарства въ Больницу бѣдныхъ отпускать по откупной цѣнѣ. 3. Отпускать ему казеннаго вина отъ 400 до 500 ведеръ. 4. Рецептурную и ручную продажу поручить ему безотчетно. 5. Жалованье производить ему по штату.“

7 августа 1808 г. прибавлено аптекарю 35 коп. на рубль, вслѣдствіе возвышенія аптекарской таксы на такой же процентъ, что составило 525 руб.; а 26 февраля 1811 года добавлено еще 975 руб. по дороговизнѣ ревеня, цѣна коего возвысилась до 265 р. за пудъ. Министромъ полиціи отпущено было въ домовую аптеку Воспитательнаго Дома 6 пудовъ его по 130 руб. пудъ; при этомъ министръ увѣдомлялъ, что впредь не будетъ возможности отпускать ремень по этой цѣнѣ.

При учрежденіи Вдовьяго Дома въ 1803г.(**), лекарства для него отпускались изъ аптеки Воспитательнаго Дома.

Во врачебно-полицейскомъ отношеніи аптека Воспитательнаго Дома была подчинена общимъ узаконеніямъ.

Въ 1812 году аптека сгорѣла; заботы Императрицы Маріи Θεодоровны по снабженію заве-

(*) Высоч. утв. докладъ Моск. Опеки Совѣта 5 февраля.

(**) Высоч. повелѣніе 29 іюня.

денія лекарствами изложены въ запискѣ о 1812 годѣ. Въ началѣ 1813 года начальство Дома было того мнѣнія, чтобы вновь аптеки не заводить; но рѣшеніе этого дѣла отложено до возвращенія въ Москву Опекунскаго Совѣта. 2-го іюля утвержденъ докладъ Совѣта о томъ, чтобы дѣло поручить прежнему аптекарю Буттеру, на слѣдующихъ условіяхъ: „1. На наемъ дома для аптеки и для служащихъ при ней выдавать ему ежегодно по 4000 р. съ тѣмъ, чтобы онъ нанялъ помѣщеніе, какъ можно ближе къ Воспитательному Дому. 2. Въмѣсто бывшей сгорѣвшей казенной аптечной посуды, инструментовъ и матеріаловъ выдать ему единовременно 8.815 р. 34 коп. съ тѣмъ, чтобы онъ на посуду и инструменты употребилъ не менѣе 3.057 руб. 60 коп., а остальное на медикаменты и чтобы впредь не требовалъ уже никакого вознагражденія. 3. По устройеніи аптеки выдавать ему ежегодно положенные по штату 1.500 руб. и добавочныхъ 1.500 руб., пока такса на лекарства не понизится, равно дрова, вино и проч. по прежнему положенію. 4. Отпускать лекарства въ больницы Дома и чиновникамъ, по точной силѣ Высочайше утвержденнаго съ нимъ условія.

При неоднократныхъ свидѣтельствахъ аптеки Буттера, находимы были въ ней разные безпорядки, вслѣдствіе чего, 8 іюля 1815 г., Опекунскій Совѣтъ положилъ представить на Высочайшее усмотрѣніе о передачѣ аптеки другому лицу; 31 августа послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ устройствѣ аптеки на томъ же основаніи, какъ при С.Петербургскомъ Воспитательномъ Домѣ. Посему Совѣтъ положилъ составить смѣту на постройку для аптеки дома или покупку его для аптеки у частныхъ лицъ; а между тѣмъ заключить условіе на поставку лекарствъ съ однимъ изъ московскихъ аптекарей. 10-го сентября утвержденъ докладъ Совѣта о прекращеніи выписки лекарствъ изъ аптеки Буттера, по продолжающейся его неисправности (*), и о заключеніи контракта, въ

(*) Въ 1826 г., по ходатайству вдовы Буттера, въ уваженіе долговременной службы мужа ея и крайне несчастнаго положенія ея семейства, положено сложить числившійся на Буттерѣ долгъ, въ количествѣ 3800 р. 67½ коп.

видѣ опыта, на годъ съ аптекаремъ Шиллингомъ съ такими условіями:

1. Аптеку Шиллинга считать аптекою Воспитательнаго Дома и состоять ей подѣ покровительствомъ Дома. 2. Шиллингу считаться на службу Воспитательнаго Дома со всѣми правами для прочихъ въ немъ служащихъ установленными. 3. Выдаваемое Буттеру по штату жалованье, равно гезелю, ученикамъ и работникамъ выдавать Шиллингу въ свое время. 4. На содержаніе аптеки, до пониженія на медикаменты и матеріалы цѣнъ, 3000 руб. и на наемъ для аптеки дома 4000 руб., отпускаяшійся Буттеру, отпускать и Шиллингу, также пользоваться ему покупкою хлѣбнаго вина по казенной цѣнѣ отъ 400 до 500 ведеръ, возкою отъ Воспитательнаго Дома воды и безденежнымъ отъ него полученіемъ 200 сажень дровъ, съ тѣмъ, что со всѣми сими правами онъ принимаетъ и обязанность Буттера; кромѣ того онъ обязывается не требовать отъ Воспитательнаго Дома пособій, какъ это дѣлалъ Буттеръ, ибо онъ имѣетъ достаточный кредитъ.—Хотя же другой содержатель аптеки на Полянкѣ Кубе и уступалъ 100 саж. дровъ, но по отдаленности его аптеки отъ Дома, Опекунскій Совѣтъ полагалъ Шиллингу дать преимущество, тѣмъ болѣе, что онъ представилъ за себя поручителей. Въ то же время отъ Медицинской Конторы былъ командированъ чиновникъ для свидѣтельства медикаментовъ, посуды и матеріаловъ, которые Шиллингъ принималъ отъ Буттера.

13 марта 1816 г. Опекунскій Совѣтъ представилъ было докладъ, объ устройствѣ особой для Дома аптеки; но этотъ докладъ оставался безъ утвержденія,—и 12 іюля Ея Величество, изволила отозваться, что по чрезмѣрно высокой исчисленной на то суммы никогда Высочайшаго соизволенія не послѣдуетъ.

Съ Шиллингомъ возобновлены условія въ 1816 и 1817 г. (*).

2 ноября 1817 г. утвержденъ докладъ Совѣта объ оставленіи Шиллинга, согласно его жела-

(*) Выс. утвержд. доклады Совѣта. 30 ноября 1816 г. и 24 апрѣля 1817 г.

нію, въ службѣ Дома на безсрочное время на прежнемъ положеніи, но съ тѣмъ, что если когда разсуждено будетъ Совѣтомъ условія съ нимъ прекратить, то предварительно объявить ему за 3 мѣсяца, равно если и онъ не пожелаетъ на тѣхъ условіяхъ снабжать Домъ и другія заведенія лекарствами, долженъ также объявить за 3 мѣсяца.

6 августа 1819 г. разрѣшено прибавить Шиллингу къ получаемымъ имъ 3000 руб. на содержаніе аптеки 1.500 руб. въ годъ, что и продолжать въ теченіе 3 лѣтъ; въ случаѣ же пониженія цѣнъ къ тому времени на аптекарскіе матеріалы и вещи, означенную прибавку прекратить.

По докладу Совѣта о вознагражденіи Шиллинга за убытки отъ возвышенія цѣнъ на вино, 31 декабря 1820 г., Высочайше повелѣно Совѣту—представить мнѣніе о количествѣ употребленнаго аптекаремъ Шиллингомъ въ 1819 и 1820 годахъ собственно на лекарства для Дома вина и слѣдуемому ему вознагражденію, такъ какъ невозможно, чтобы все количество, 500 ведеръ, было употреблено на лекарства для одного Дома, ибо это составило бы $1\frac{1}{2}$ ведра въ день; но что вѣроятно значительнѣйшая часть этого количества употреблена имъ на лекарства, продаваемые по вольной цѣнѣ, за которыя онъ получалъ и соразмѣрныя выгоды. Согласно сему утверждень, 4 марта 1821 г., докладъ Совѣта о выдачѣ аптекарю Шиллингу денегъ переплаченныхъ имъ противъ бывшей казенной цѣны, за вино употребленное на лекарства въ 1819 и 1820 годахъ, въ количествѣ 460 ведеръ, всего 1056 руб. и о производствѣ ему платы и впредь на семь же основаніи.

По сломкѣ для нынѣшняго зданія Совѣта дома кн. Гагарина, гдѣ помѣщалась аптека, она перемѣщена въ домъ де-Броглію; выдача квартирныхъ денегъ аптекарю сохранена, но въ вознагражденіи его за перемѣщеніе отказано (*).

28 марта 1823 года, послѣдовало Высочайшее замѣчаніе, что аптекарю Шиллингу еще въ октябрѣ 1822 года слѣдовало бы прекратить прибавку 1.500 руб., потому что изъ отчетовъ

всѣхъ больницъ видно пониженіе цѣнъ на аптекарскіе матеріалы. Но Совѣтъ представилъ о продолженіи производства аптекарю Шиллингу, по случаю продолжающихся высокихъ цѣнъ на аптекарскую посуду, прибавочныхъ 1.500 руб. къ 3,000 руб. по истеченіи 3-лѣтняго срока, до тѣхъ поръ, пока цѣны на посуду не понизятся. Этотъ докладъ утвержденъ 21 августа. Такое же распоряженіе было въ 1824, 1826, 1827 и 1829 годахъ. Въ послѣднемъ изъ этихъ годовъ основаніемъ, для рѣшенія Совѣта, послужили: во 1-хъ, увѣдомленіе Медицинской Конторы, что выгоды содержателей аптекъ въ то время противъ 1815 г. уменьшились $\frac{1}{4}$ частію и что цѣны на лекарства по таксѣ 1826 г. вообще можно почитать равными цѣнамъ по таксѣ 1815 года; во 2-хъ то, что число пользующихся медикаментами изъ аптеки Воспитательнаго Дома съ 1815 г. увеличилось. При этомъ постановленіи кромѣ того заключено ежегодно собирать справки о цѣнахъ на аптекарскіе матеріалы, медикаменты и посуду, и въ случаѣ непониженія ихъ, производить, по истеченіи года, и впредь Шиллингу прибавку по 1500 руб.

Въ 1840 г. хотя цѣны на аптекарскіе матеріалы и понизились, но добавочныя деньги аптекарю уплачены по уваженію дороговизны съѣстныхъ припасовъ (*).

Въ 1843 г. положено Шиллингу, какъ находящемуся въ службѣ Дома со всѣми правами прочихъ служащихъ, производить 5-лѣтнія прибавки къ жалованью, со времени класснаго званія его на службѣ, не удовлетворяя однако его прибавочною суммою за прошлые года (**).

Въ 1845 году, Шиллингъ обратился въ Совѣтъ съ просьбою объ оказаніи ему нѣкотораго вспомошествованія, вслѣдствіе возроставшаго годъ отъ году отпуска изъ его аптеки лекарствъ въ Воспитательный Домъ, по случаю увеличившагося числа родильницъ въ Родильныхъ Госпиталяхъ, числа кроватей въ больницахъ, а также числа чиновниковъ и приставницъ въ Воспитательномъ Домѣ. Вслѣдствіе

(*) Высочайше утверж. докладъ Совѣта 22 октября 1821 года.

(*) 25 ноября 1840 г., журн. Моск. Оп. Сов.

(**) 22 мая 1843 г., журн. Моск. Оп. Сов.

чего положено было, въ вознагражденіе долго-временной службы Шиллинга, трудовъ его и увеличившагося расхода по аптекъ, прибавить къ производившемуся ему жалованью 250 р. сер. еще 250 руб. сер., не распространяя только права на 5-лѣтнія прибавки за прошедшее время съ сего новаго прибавленія (*).

Въ 1849 году, по смерти Шиллинга, заключено было съ сыномъ его провизоромъ Шиллингомъ, новое условіе, на основаніи коего, вмѣсто отпускавшихся отцу его на содержаніе аптеки, наемъ дома, покупку медикаментовъ и вина 2.460 руб., положено платить ему 3,500 руб. ежегодно, и сверхъ того, какъ и прежде, отпускать на отопленіе аптеки въ годъ 200 саж. дровъ; съ своей же стороны Шиллингъ обязался снабжать медикаментами лучшаго качества всѣ больницы Воспитательнаго Дома, Родильнаго Госпиталя и Повивальнаго Института, равно отпускать лекарства для чиновниковъ и нижнихъ служителей съ ихъ семействами (**).

По журналу Совѣта 7 іюня 1843 г., отпускъ лекарствъ для Вдовьяго Дома изъ аптеки Воспитательнаго Дома прекращенъ, съ тѣмъ, чтобы лекарства отпускались изъ аптеки Маріинской больницы, въ которой сердобольныя вдовы исправляютъ дежурства.

Въ 1858 году возобновилъ условіе съ Воспитательнымъ Домомъ аптекарь Ланге, купившій аптеку у Шиллинга. Но уже 2-го октября того же года, онъ просилъ о прибавкѣ ему платы и заключеніи съ нимъ условія на новыхъ основаніяхъ, потому что цѣны на жизненные припасы и аптекарскіе матеріалы возвысились, расходъ лекарствъ въ больницахъ удвоился, и наконецъ увеличился пріемъ грудныхъ младенцевъ и составъ служащихъ. Основаніе предполагаемаго новаго условія заключалось въ томъ, чтобы за лекарства, отпускаемая по рецептамъ врачей Воспитательнаго Дома, для всѣхъ служащихъ, производить Ланге плату по аптекарской таксѣ, изъ кото-

рой онъ уступалъ 30%, а за лекарства патентованныя платить ему по цѣнамъ, существующимъ у матеріалистовъ.

Главный докторъ, съ своей стороны, ходатайствовалъ о заключеніи съ Ланге контракта, болѣе соответствующаго настоящимъ потребностямъ заведенія, такъ какъ сумма, назначенная на содержаніе аптеки, далеко не покрываетъ собственныхъ расходовъ аптекаря. Инспекторъ по медицинской части также отозвался, что просьбу Ланге слѣдуетъ уважить.

По представленію о семъ Опекунскаго Совѣта, послѣдовало Высочайшее соизволеніе (*) на то „чтобы заключенный въ 1858 году съ аптекаремъ Ланге контрактъ на поставку лекарствъ для здѣшняго Воспитательнаго Дома и подвѣдомственныхъ ему заведеній, равно для состоящихъ въ Совѣтѣ чиновниковъ, нижнихъ служителей и ихъ семействъ, продолженъ былъ до 1861 года и чтобы сверхъ опредѣленной въ томъ контрактѣ суммы 3.500 руб. производима была ему за приготовляемая въ аптекъ лекарства, которыми будутъ пользоваться чиновники, особая отъ Воспитательнаго Дома плата по аптекарской таксѣ за вычетомъ 30%, а за патентованныя лекарства по торговой цѣнѣ, каковая прибавка составитъ въ годъ примѣрно до 3 т. руб., съ отпускомъ сихъ денегъ изъ общихъ Воспитательнаго Дома доходовъ.“

24 сентября 1859 по возбужденному вопросу, Совѣтомъ пояснено, что „къ семействамъ служащихъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ и Воспитательномъ Домѣ, пользующихся правомъ безденежнаго полученія лекарствъ изъ аптеки Ланге, по заключенному съ нимъ условію, слѣдуетъ отнести не только жену и дѣтей, а при служащихъ лицахъ женскаго пола мужа съ дѣтьми, но также родныхъ братьевъ и сестеръ ихъ, составляющихъ семейство служащаго лица, и живущихъ вмѣстѣ съ нимъ, не распространяя права безденежнаго пользованія лекарствами на прислугу, которая обязана имѣть адресные билеты и въ случаѣ болѣзни лечиться безденежно въ учрежденныхъ для чернорабочаго класса больницахъ; что же касается учителей, изъ ко-

(*) Высочайше утвержд. докладъ Московск. Опекунскаго Совѣта, 15 мая 1843 г.

(**) Журн. Моск. Опекун. Совѣта, 19 января 1849.

(*) Журналъ Моск. Опекун. Совѣта 22-го марта 1859 года.

ихъ многіе сверхъ службы при Воспитательномъ Домѣ состоятъ еще въ другихъ вѣдомствахъ, съ полученіемъ отъ оныхъ и содержанія, то на семь основаніи, право безвозмезднаго пользованія лекарствами, предоставить только тѣмъ изъ нихъ, которые служатъ исключительно при одномъ Воспитательномъ Домѣ, принимая ихъ семейства въ вышеобъясненномъ объемѣ и значеніи.“

На основаніи отзывовъ гг. главнаго доктора и главнаго акушера, о неимѣннй надобности въ измѣненіи условій контракта, начальство Московскаго Воспитательнаго Дома полагало заключить съ аптекаремъ Ланге условіе еще на два года на прежнихъ основаніяхъ, такъ какъ онѣ выгодны для Воспитательнаго Дома, тѣмъ болѣе, что за отдѣленіемъ отъ вѣдомства Опекунскаго Совѣта Сохранной и Ссудной Казны и Сберегательной Кассы число чиновниковъ, пользующихся изъ аптеки Г. Ланге, уменьшилось, о чемъ и представлено было Совѣту 23 ноября 1860 года.

Его Величеству благоугодно было Всемилоствѣйше соизволить на отпускъ, изъ общихъ доходовъ Воспитательнаго Дома, потребной для сего ежегодно суммы, которая за отдѣленіемъ отъ вѣдомства Совѣта кредитныхъ учреждений и уменьшеніемъ за тѣмъ числа пользующихся изъ аптеки чиновниковъ должна быть ниже цифры, употреблявшейся Совѣтомъ на тотъ же предметъ суммы до 6.500 руб., ежегодно (*).

По истеченіи срока сему контракту, когда Совѣтъ испрашивалъ разрѣшенія продлить оный еще на годъ, Государю Императору благоугодно было предоставить Совѣту право утверждать на будущее время условія для поставки лекарствъ, на прежнемъ основаніи, не испрашивая на сіе каждый разъ Высочайшаго соизволенія (**).

(*) Журналь Моск. Опек. Совѣта 9-го января 1861 года.

(**) Журналь Московскаго Опекунскаго Совѣта 13 апрѣля 1863 г.

О ПРИНОШЕНІЯХЪ ВЪ ПОЛЬЗУ ВОСПИТАТЕЛЬНАГО ДОМА И НѢКОТОРЫХЪ ДРУГИХЪ ЕГО ДОХОДАХЪ.

При учрежденіи Воспитательнаго Дома имѣлось въ виду не обременять Казны его содержаніемъ: надѣялись найти достаточныя для того средства въ „общемъ подаяніи“ благотворительныхъ лицъ. Первыя приношенія сдѣланы Императрицею Екатериною II-ю—100 т. р., и Наслѣдникомъ Престола Павломъ Петровичемъ—50 т. р. За пожертвованія, смотря по значительности ихъ, предоставлялись разныя льготы и раздавались благодарственные листы, почетныя званія, медали и даже чины, что безъ сомнѣнія служило поощреніемъ.

Воспитательный Домъ принималъ съ признательностью всякое даяніе и не только деньгами, но съѣстными припасами и другими предметами.

Въ 1-й Части Плана Воспитательнаго Дома, главѣ 4-й, о средствахъ учрежденія, говорится:

1. Возлагается упованіе на щедрыя подаянія

публики по примѣру Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества.

2. Подаянія могутъ состоять не въ однихъ деньгахъ, но и въ съѣстныхъ припасахъ, матеріалахъ и выработанныхъ вещахъ.

3. Для отчета во всѣхъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ доходахъ, Экономъ содержитъ генеральную приходную книгу, въ которую записываются всѣ доходы, въ чемъ бы они ни состояли.

4. Для отвращенія же похищенія и поощренія общенародства къ милосердію: 1, принесшему подаяніе выдается росписка за рукою Главнаго Надзирателя и Эконома; 2, ежемѣсячно публикуются извѣстія о полученныхъ подаяніяхъ, а въ концѣ года генеральный реэстръ.....

Помогали собирать пожертвованія попечители и почетные благотворители. Объ учрежденіи

званія попечителя говорится въ 1-й главѣ 1-й части Плана въ § 3. Они назначались для сбора подацій и для защиты питомцевъ по выходѣ изъ Дома и избирались „изъ знатнѣйшихъ жителей духовныхъ и свѣтскихъ.“ Имена попечителей записывались въ Опекунскомъ Совѣтѣ въ особую книгу, печатались въ вѣдомостяхъ и имъ выдавались благодарственные листы. Кроме того выставлялись портреты попечителей, сдѣлавшихъ значительныя пожертванія. О почетныхъ благотворителяхъ упоминается въ изданіи Бецкаго 1789 г., гдѣ въ предварительномъ объясненіи сказано, что въ крайнихъ случаяхъ собирается генеральное собраніе, которое составляется изъ главнаго попечителя, почетныхъ благотворителей, оберъ-директора, опекуновъ и контролеровъ. Въ почетные благотворители приглашались 12 человекъ изъ знатнѣйшихъ въ государствѣ особъ, въ томъ числѣ духовникъ Ея Императорскаго Величества и два архіепископа. Обязанности ихъ изложены въ письмѣ къ нимъ Бецкаго, напечатанномъ во 2-мъ томѣ извѣстій.

Благодарственные листы на званіе попечителей и почетныхъ благотворителей выдавались за подписью Главнаго Попечителя и Опекунскаго Совѣта по формѣ, напечатанной въ изданіи Бецкаго 1774 г., т. 1-й дополн. стр. 16 и 17. Вызовъ почетныхъ благотворителей, письмо Бецкаго и подписи на немъ изъявившихъ согласіе принять на себя обязанности этого званія напечатаны въ томъ же изданіи стр. 38—42.

Бецкой желалъ имѣть попечителей по всей Имперіи; почему, въ ноябрѣ 1765 года, писано было отъ Опекунскаго Совѣта ко всѣмъ губернаторамъ о приглашеніи въ попечители дворянства и купечества. При выборѣ попечителей Бецкой совѣтывалъ крайнюю разборчивость: „въ носящихъ это званіе, — говорилъ онъ, — должна быть извѣданная честность, дабы на Домъ не пало какого безславія.“

Члены Опекунскаго Совѣта, по сложеніи съ себя этого званія, оставались попечителями.

Благотворителямъ и попечителямъ раздавались медали, выбитыя въ память основанія Дома. Медали эти были золотыя, серебряныя и бронзовыя. На выдачу медалей положитель-

ныхъ правилъ установлено не было: онѣ раздавались по усмотрѣнію Бецкаго, который руководился при этомъ конечно количествомъ пожертванія, а также другими соображеніями. 11 мая 1766 г. Бецкой прислалъ въ Совѣтъ для храненія 6 мѣдныхъ и одну серебряную медаль, а 23 февраля 1767 г. — 20 золотыхъ, 142 серебряныхъ и 664 бронзовыхъ.

При медали обыкновенно выдавались и объяснительныя къ ней листочки (письмо Бецкаго 19 апрѣля 1771 г.).

Въ брошюрѣ „Исторія основанія и открытія Воспитательнаго Дома“ 1836 г. сказано, что золотыя медали сначала розданы были только 11 лицамъ: гр. А. П. Бестужеву-Рюмину, гр. А. Г. Разумовскому, гр. Г. Г. Орлову, гр. А. Г. Орлову, кн. Я. П. Шаховскому, Н. И. Панину, гр. Эрнсту фонъ-Миниху, графинѣ П. А. Брюсъ, И. И. Козлову, кн. Д. М. Голицыну и кн. Д. А. Голицыну. Въ послѣдствіи въ 1765 г. даны были золотыя медали: 3 февраля Московскому купечеству 1-й гильдіи (2-й гильдіи дана серебряная медаль); 25 апрѣля благотворителю въ Амстердамѣ Логину Говію; 16 іюня опекупу Ѳ. И. Бобарыкину; 11 марта 1767 г. попечителю Бахметеву и 20 апрѣля 1772 г. П. А. Демидову. — Золотыя медали получали и члены Опекунскаго Совѣта; это видно изъ письма членовъ Московскаго Совѣта къ Бецкому отъ 10 апрѣля 1775 г., въ которомъ они ссылаясь на прежнихъ членовъ Совѣта, получавшихъ золотыя медали при вступленіи ихъ въ это званіе, просили снабдить ихъ такими же медалями. По представленію Опекунскаго Совѣта, отъ 19 августа 1779 г., была выдана золотая медаль благодѣтелю, директору заводовъ Я. Б. Твердышеву. — 12 іюня поднесена золотая медаль графу Фалькенштейну (Императору Іосифу II) при посѣщеніи имъ Московскаго Воспитательнаго Дома (*).

Бронзовыя медали выдавались сначала попечителямъ: такъ надо заключить изъ распоряженія Бецкаго, 4 февраля 1765 г., а 26 октя-

(*) С.Петербургскій Вѣстникъ ч. V. іюнь, стр. 479.

бря 1766 г. Бецкой назначилъ выдавать такіа медали за подаянія не менѣе 50 рублей (*).

Воззваніе къ благотворительности не было щетнымъ. Списокъ приносившихъ пожертвованія въ пользу Воспитательнаго Дома весьма длиненъ. Въ предлагаемомъ изданіи помѣщенъ особый списокъ всѣхъ благотворителей Воспитательнаго Дома, съ указаніемъ количества пожертвованій съ основанія Воспитательнаго Дома, до настоящаго времени. Приношенія были раздѣлены на окладныя и не окладныя. Къ числу первыхъ принадлежатъ всемилостивѣйшія пожалованія Императрицы Екатерины II-й и Цесаревича Павла Петровича. Въ пользу Московскаго Воспитательнаго Дома ежегодно назначаемыя пожалованія Ея Величествомъ поступали до 1782 г.; а съ этого времени отпускъ этихъ денегъ прекращенъ и назначенъ на содержаніе С.Петербургскаго Воспитательнаго Дома. Самая выдача всемилостивѣйшихъ подаяній производилась изъ Кабинета Ея Величества, но не всегда въ назначенный срокъ, такъ что Бецкой выпужденъ былъ иногда дѣлать Кабинету напоминовенія. Не всегда исправны были и частныя лица, подписавшіяся на окладное подаяніе: въ апрѣль 1775 г. Бецкой предлагалъ Опекунскому Совѣту воспользоваться присутствіемъ Двора въ Москвѣ, чтобы получить окладныя пожертвованія, изъ коихъ многія не были внесены до того времени.

Съ теченіемъ времени пожертвованія стали рѣже. Бецкой относилъ это въ письмѣ своемъ Московскому Опекунскому Совѣту къ неумѣреннымъ издержкамъ начальства Воспитательнаго Дома, возбуждавшимъ ропотъ благотворителей.

Въ слѣдующей таблицѣ исчислены пожертво-

(*) 29 апрѣля 1802 года Императрица Марія Ѳеодоровна повелѣла прислать Ея Величеству, если есть при Московскомъ Воспитательномъ Домѣ, золотыя и серебряныя медали, обыкновенно даваемыя за какія либо Дому оказываемыя услуги. Ея Величество, избравъ изъ сихъ медалей 3 золотыя, 63 серебряныя и 83 бронзовыя, изволила отослать ихъ въ С.Петербургскій Опекунскій Совѣтъ для употребленія по назначенію Ея Величества; остальные медали возвращены обратно при повелѣніи, 14 мая, хранить для разнаго употребленія; прочія же медали и монеты, пожертвованныя Дому въ разное время, повелѣно было хранить при Московскомъ Восп. Домѣ, какъ собственность его, въ память усердія подарившихъ оныя.

ванія, поступившія въ пользу Воспитательнаго Дома отъ Императрицы Екатерины II-й и Цесаревича Павла Петровича.

годы. отъ Императрицы. отъ Государя наследника.

1763	20.000 р.	20.000 р.
1764	11.000 —	— —
1765	70.000 —	33.333 — 33 к.
1766	50.000 —	19.999 — 99 ¹ / ₂
1767	75.000 —	19.999 — 99 ¹ / ₂
1768	38.321 — 91 ¹ / ₂ к.	19.999 — 99 ¹ / ₂
1769	41.333 — 33 —	19.999 — 99 ¹ / ₂
1770	89.899 — 99 —	19.999 — 99 ¹ / ₂
1771	52.099 — 99 ¹ / ₂ —	19.999 — 99 ¹ / ₂
1772	35.999 — 99 ¹ / ₂ —	19.999 — 99 ¹ / ₂
1773	63.999 — 99 ¹ / ₂ —	19.999 — 99 ¹ / ₂
1774	49.999 — 99 ¹ / ₂ —	19.974 — 99 ¹ / ₂
1775	85.466 — 66 —	26.666 — 66 —
1776	74.999 — 99 ¹ / ₂ —	19.999 — 99 ¹ / ₂
1777	33.333 — 33 ¹ / ₂ —	13.333 — 33 —
1778	49.999 — 99 ¹ / ₂ —	19.999 — 99 ¹ / ₂
1779	49.399 — — —	19.999 — 99 ¹ / ₂
1780	49.999 — 99 ¹ / ₂ —	19.999 — 99 ¹ / ₂
1781	16.666 — 66 ¹ / ₂ —	19.999 — 99 ¹ / ₂
1782		26.666 — 67 —
1783		20.000
1784		20.000
1785		20.000
1786		20.000
1787		20.000
1788		20.000
1789		20.000
1790		20.000
1791		20.000
1792		20.000
1793		20.000
1794		20.000
1795		20.000
1796		20.000

До открытія Сохранной Казны нѣкоторые лица уже закладывали свои имѣнія Воспитательному Дому и при полученіи ссудъ, назначали, по своему усмотрѣнію, извѣстный процентъ со всего займа или общую сумму, какую они желали пожертвовать въ пользу Воспитательнаго Дома.

Въ пользу Дома учрежденъ былъ еще кружечный сборъ. Кружки выставались въ са-

момъ заведеніи и при церквахъ, какъ православныхъ, такъ и иновѣрческихъ. У поставленныхъ для подаенія кружекъ была надпись, которая напечатана въ изданіи Бецкаго 1774 г. (Т. I-й дополн. стр. 15). Она взываетъ къ милосердію проходящихъ, напоминая Евангельскія событія—благословеніе дѣтей Спасителемъ и наставленіе, данное Имъ богачу для наследованія царствія небеснаго; а также указывая на челоуѣколюбіе Государыни.

Учрежденію кружекъ при церквахъ и монастыряхъ содѣйствовалъ Амвросій, архіепископъ московскій и калужскій, бывшій членомъ Московскаго Опекунскаго Совѣта.

Въ Воспитательномъ Домѣ кружки стояли при входѣ въ „квадратъ“, въ экономскои конторѣ и въ „Китайскомъ“ домѣ. Иногда, во время экзаменовъ воспитанниковъ, кружки подносились были посѣтителямъ, для сбора пожертвованій; такъ въ апрѣлѣ 1771 г., кружки съ этою цѣлю носили генералъ-аншефъ Петръ Ивановичъ Панинъ и его супруга.

Деньги изъ церковныхъ кружекъ, доставлялись Московскою Духовною Консистоііею, а иногда Преосвященнымъ Амвросіемъ. Кружечный сборъ, доставлялся и изъ другихъ епархій, какъ-то: отъ Аѳанасія, епископа ростовскаго, Геннадія, епископа переяславскаго и дмитровскаго (1773), изъ Алатырской Духовной Консистоііи (1778), Нижегородской и Ростовской Консистоііи (1779) и Корниліева Казанскаго Монастыря. Такой же сборъ поступалъ изъ церквей Армянской, старо и ново-Лютеранской, Реформатской, Голландской и Римско-Католической (1772). Сборъ этотъ изъ Армянской церкви доставлялъ оберъ-директоръ коммерціи и попечитель Воспитательнаго Дома В. М. Хастатовъ, въ домѣ котораго находилась и самая церковь.

Лишь одинъ 1768-й годъ особенно былъ счастливъ по количеству кружечнаго сбора и то потому только, что 15 января этого года Государыня Императрица, въ бытность свою въ Воспитательномъ Домѣ, положила въ кружку собственноручную записку на имя Адама Ва-

сильевича Олсуфьева объ отпускѣ Воспитательному Дому 10 т. рублей.

Всего въ 1768 г. высыпано изъ кружекъ 10108 р. 18¹/₄ к., а въ 1767 г. 1371 р. 55¹/₂ коп., за тѣмъ съ 1769 по 1796 г. включительно поступило во все время только 915 р. 88 к.

Генеральнаго плана, части 1 й, главы 6-й о привилегіяхъ Дома сказано въ пунктахъ:

10. Кто изъ дворянства опредѣлитъ Дому отъ 600 р. и болѣе ежегоднаго по жизнь свою дохода, такого имя въ книгахъ сего Дома и портретъ хранится должны. Если же кто сдѣлаетъ такое пожертвованіе изъ купечества и другихъ чиновъ, кромѣ крѣпостныхъ, то пользуется чиномъ Камерира отъ Коллегіи, имя его и портретъ также будутъ хранимы. Кто же дастъ единовременно 1000 руб., тотъ получаетъ чинъ комиссара коллегіи, (*) письменное въ томъ свидѣтельство и по желанію его публикуется въ вѣдомостяхъ. (**) Если же кто свыше того наличными деньгами, деревнями, дворами и прочимъ, знатную въ тотъ Домъ отдачу учинитъ; того не только вышеписаннымъ почтитъ, ежели онъ того по званію своему пожелаетъ, но яко благодѣтеля, въ церквахъ сего Дома въ жизнь и по кончинѣ въ молитвахъ поминать, должно.

11. Если кто не изъ дворянъ дастъ въ подаеніе отъ 25 р., то за безчестіе получаетъ противъ подаенія, а за увѣче вдвое, во свидѣтельство чего выдается ему видъ отъ Опекунскаго Совѣта и публикуется въ вѣдомостяхъ; если же при обидѣ не получить черезъ недѣлю удовлетворенія, то вступаются за него опекуны и попечители, а при неуспѣхѣ Главный Попечитель доноситъ Ея Императорскому Величеству.

Отъ лицъ, получившихъ комиссарскіе чины, внесено:

(*) Право Восп. Дома награждать за денежныя пожертвованія чинами отмѣнено установленіемъ по Восп. Домамъ 23 декабря 1797 г. н. 10.

(**) Кромѣ свидѣтельства на чинъ выдавались отъ В. Дома шпаги, которыя въ первое время покупались французскія, цѣною по 10 рублей.

Въ 1766	4000 р.	Въ 1781	1000 р.
— 1769	2000	— 1782	2250
— 1770	3000	— 1783	1000
— 1771	3000	— 1785	2000
— 1772	3000	— 1787	1000
— 1773	1000	— 1788	4000
— 1776	2000	— 1791	4000
— 1777	1000	— 1794	3000
— 1778	1000	— 1795	2000
— 1779	1000	— 1796	1000
— 1780	1000		43.250 р.

Деньги эти внесли неслужащій дворянинъ, 2 канцеляриста, 7 мѣщанъ, 2 казака, 2 фабриканта, пѣвчій Московскаго митрополита, нѣсколько свободныхъ и вольныхъ людей.

Вольноотпущенные, приносившіе пожертвовапія, принимались сначала на службу въ Воспитательный Домъ сержантами. Такъ наприм. уволенный отъ кн. Долгоруковой Лапшинъ принятъ на службу въ Домъ сержантомъ, по письму Бецкаго 29 августа 1771 г. Сержантскіе же чины получили Сердюковъ и Порываевъ, по письму Бецкаго 21 октября того же года. Но 13 мая 1776 г. Бецкой писалъ, что не находитъ препятствія къ производству въ чины получающихъ вѣчную свободу людей, желающихъ пользоваться чиномъ и почтеніемъ противъ комиссара, почему позволялъ производить въ сіи званія прямо, безъ всякихъ другихъ обрядовъ. Съ согласія же Бецкаго награжденъ чиномъ пѣвчій митрополита Тимооѳея, дьяконскій сынъ Иванъ Аѳанасьевъ, женившійся на вдовѣ майора А. Г. Васильчикова, хотя по проискавъ родственниковъ своей жены, умершей въ чуму, онъ и находился подъ судомъ. 22 мая 1766 г. Бецкой писалъ, что если Аѳанасьевъ, по учиненной въ Консистеріи справкѣ, не крѣпостной и не записанъ въ подушный окладъ, то въ награжденіи его комиссарскимъ чиномъ онъ сомнѣнія не находитъ; слѣдствіе же о его женидбѣ до плана Воспитательнаго Дома не принадлежитъ; а если есть какія другія обстоятельства, то передаетъ благоусмотрѣнію Совѣта. Аѳанасьевъ, попавшій въ послѣдствіи въ тюрьму, просилъ выручки у Опекунскаго Совѣта, который ему въ томъ отка-

залъ, возвративъ и прошеніе. Бецкой нашелъ (9 мая 1774 г.) такое распоряженіе Совѣта предосудительнымъ, полагая, что „въ потребномъ случаѣ, въ соблюденіи долга благотворенія, заступленіемъ или пристойною помощію по благоусмотрѣнію Совѣта похвально бѣ было, чтобъ не былъ оставленъ.“

Давать какіе либо другія права, кромѣ чина, вносившимъ по 1000 руб., Бецкой не находилъ возможнымъ и въ подобной просьбѣ прямо отказалъ двоимъ Бородкинымъ и Сафонову (5 января 1766 г.).

Впрочемъ и самъ Бецкой находилъ, что заступничество Воспитательнаго Дома должно было имѣть свои предѣлы. Такъ, въ письмѣ 29 мая 1776 г., онъ, говоря о имѣющемъ чинъ комиссара Арсеньевъ, котораго полиція, „по его неисправимой неводержности, требовала или прислать въ Совѣтъ или предать суду,“ объяснилъ, что „покровительство Воспитательнаго Дома должно быть оказываемо единственно вслучаѣ дѣлаемаго такимъ лицамъ притѣсненія, а не въ отмѣну полагаемаго закономъ справедливаго осужденія; поэтому, преступающіе законы, какъ нерадящіе о себѣ, въ томъ числѣ и Арсеньевъ, какъ непоправляемый ни прежнею защитою, ни увѣщаніями Совѣта, долженъ подлежать тому мѣсту, до котораго касается осужденіе или оправданіе такихъ людей.“

Въ дѣлахъ 1780 г. сохранилась жалоба комиссара острогожскаго жителя Бородкина о томъ, что онъ не признается начальствомъ и судами за чиновника, подвергается насмѣшкамъ и презрительнымъ утѣсненіямъ и, вмѣсто прежней казацкой службы, платитъ положенную бывшимъ харьковскимъ губернаторомъ Щербининымъ годовую подушную подать въ 95 коп. По сему поводу представлено было Бецкимъ на разсужденіе Генеральнаго Собранія почетныхъ благотворителей, происходившаго 10 августа 1781 года, слѣдующее: „въ силу Генеральнаго Плана положено давать благодѣтельствующимъ взносителямъ по 1.000 р. свидѣтельства на комиссарскіе чины; но какъ изъ опытовъ по принесеннымъ жалобамъ видно, что въ противность того Плана показываются препятствія къ ихъ

неудовольствію, то и положено единогласно Генеральнымъ Собраніемъ въ тѣхъ свидѣльствахъ прописывать: *такой-то награждается чиномъ и почетомъ противъ комиссара отъ Коллеій въ 14 классъ*, что точно назначая его достоинство, уже не можетъ впредь навлекать никакихъ противныхъ толковъ.^(*)

По случаю пожертвованія смоленскаго мѣщанина Филиппа Щедрина, произошли различныя затрудненія и обстоятельства этого дѣла восходили на рѣшеніе Сената. Со стороны родственниковъ Щедрина началась тяжба о его имѣніи еще прежде уступки его Воспитательному Дому и по спору этихъ родственниковъ просьба Щедрина о взятіи имѣнія его въ сохраненіе Дома не могла имѣть дѣйствія и капиталъ въ Воспитательный Домъ не поступилъ, тѣмъ болѣе, что Филиппъ Щедринъ былъ несовершеннолѣтній, а по указу 23 марта 1714 года никакимъ актамъ отъ имени малолѣтнихъ вѣрить не велѣно. Почему Сенатомъ въ ходѣйствѣ по сему дѣлу было отказано.

Къ числу прежнихъ доходовъ Воспитательнаго Дома должно отнести штрафы, поступавшіе въ пользу его, или съ отдѣльныхъ лицъ, или съ цѣлыхъ обществъ.

О взысканіи такихъ штрафовъ, въ Планѣ Дома ничего не говорится. Всѣ штрафы, о коихъ упоминается въ дѣлахъ, поступали или по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ, или по опредѣленію правительственныхъ мѣстъ.

Поэтому предмету найдено только одно опредѣлительное узаконеніе. Это именно указъ Генералъ Полиціймейстеру 25 мая 1771 г. (№ 13611 пол. соб. зак.) о строжайшемъ запрещеніи ѣздить и ходить на пожаръ изъ одного любопытства. Съ преступниковъ сего повелѣно взыскивать на Воспитательный Домъ треть оклада жалованья съ имѣющихъ чины. Но поступали ли штрафы этого рода, свѣдѣній въ дѣлахъ нѣтъ; да и вообще съ 1774 года ни о какихъ штрафахъ уже не упоминается, кромѣ развѣ по продажѣ картъ, о чемъ изложено въ статьѣ о привилегіяхъ Дома.

Въ 1765 г., по опредѣленію Государствен-

ной Коллеіи, изъ штрафовъ съ Войска Донскаго 10 т. руб., назначено на Воспитательный Домъ 2 т. руб.

По Высочайшему повелѣнію наложенъ былъ на Орловское купечество штрафъ 7,200 р. за чинимые имъ раздоры и прочіе проступки. Въ это число поступило 21 ноября 1765 г. съ купца Дубровина 1000 р., 6 апрѣля 1766 г. вообще 2 т. р., 12 іюня—906 р. 71½ к., 22 іюня—550 р., 20 іюля—300 р., 29 ноября—съ Орловскаго купечества и ратмана Болховскаго Магистрата Медынцева 105 р., 11 декабря—50 р. и 13 іюля съ Орловскаго воеводы Черкасова 200 р.

При письмѣ Бецкаго, 16 февраля 1766 г., сообщенъ указъ Сената о взысканіи въ штрафъ въ пользу Воспитательнаго Дома съ присутствующихъ и секретаря Мануфактуръ Конторы мѣсячнаго жалованья.

Въ томъ же году, 15 мая, изъ учрежденной по именному Ея Императорскаго Величества указу Коммисіи о происшедшей въ с. Петровскомъ дракѣ, присланъ штрафъ съ виновныхъ 9 рублей; а 11 декабря 1766 г. съ кн. Долгорукова поступило въ штрафъ 300 руб.

Въ 1768 г., по Высочайшему повелѣнію, прощенъ былъ купецъ Неручевъ и возвращенъ изъ ссылки въ Оренбургъ, со взысканіемъ съ него въ пользу Воспитательнаго Дома 1500 р. Повелѣніе это объявлено Бецкому тайнымъ совѣтникомъ Г. П. Тепловымъ и сообщено имъ Совѣту 7 февраля.

Въ 1769 г., по указу Сената, поступило въ штрафъ съ московскаго 1-й гильдіи купца Федотова 1,000 р.,—съ Бѣлгородскаго губернатора дѣйствит. ст. сов. Г. И. Шаховскаго—500 р., и наконецъ въ декабрѣ Бецкой извѣстилъ о 50 руб., присланныхъ къ нему изъ Государственной Коммерцъ-Коллеіи въ штрафъ съ браковщиковъ, отлучившихся съ дежурства.

Изъ денегъ, „данныхъ во взятку“, поступило въ доходъ Воспитательнаго Дома: 26 ноября 1763 г., изъ Коллеіи Экономіи 70 р., принесенные прокурору ея Зыбину премьеръ-маіоромъ Петрищевымъ; 19 апрѣля 1769 г., изъ Московской Полиціймейстерской Канцеляріи 30 руб., данные архитектору В. Яковлеву под-

(*) Извѣст. Восп. Дома Т. II. 1791 г. стр. 244 и 245.

рядчикомъ крестьяниномъ Никитинымъ и 10 руб., данные поручику Бабаеву ямщикомъ Тихономъ.

5 августа 1765 г. прислано изъ Конторы Государственной Военной Коллеги, принесенныя лекарю Коризнѣ въ подарокъ за представленнаго въ рекруты крестьянина отъ отдатчика Знайкина 5 руб.

8 июля 1767 г. сенатскіе курьеры и сторожа прислали къ заводчику П. А. Демидову письмо, въ коемъ, поздравляя его со днемъ ангела, просили на всю сенатскую команду денегъ 20 руб., которые Демидовъ и далъ посланному. При допросѣ же въ Сенатѣ Демидовъ показалъ, „что къ нему въ домъ, Сенатскихъ ротъ приходилъ нѣкто, поздравлялъ его съ именинами, подалъ письмо; но послѣдняго онъ не взялъ и далъ 20 руб. на всю команду.“ Сенатъ опредѣлилъ: „какъ поступокъ и отзывъ Демидова не только весьма непристоенъ, но и поводомъ служить могутъ къ прельщенію и лакомству такихъ людей, то, дабы впредь ему и другимъ того чинить было не повадно, взыскать съ Демидова въ штрафъ 200 руб. и отдать Воспитательному Дому.“ 27 сентября изъ Канцеляріи конфискаціи присланы были 20 руб., данные Демидовымъ сенатскому курьеру съ товарищами; а 15 октября и наложенный на него Сенатомъ штрафъ—200 р.

Въ томъ же году присланы были въ Воспитательный Домъ взысканные по дѣлу бригадира князя С. Кантемира съ извѣстныхъ особъ 2848 р. 60 коп.

По указу Сената 21 августа 1773 г. взыскано съ московскаго купца Семена Спѣсивцева въ штрафъ 250 р., за то, что, будучи подрядчикомъ провіанта, принесъ подпоручику Шишкину 50 рублевую ассигнацію въ подарокъ, для склоненія его къ принятію негоднаго провіанта.

Къ доходамъ Воспитательнаго Дома также должны быть причислены: аукціонъ, лотереи, и принятіе на себя ходатайства по дѣламъ частныхъ лицъ.

Аукціонъ при Воспитательномъ Домѣ учрежденъ былъ еще до открытія Ссудной и Сохранной Казны. Продавались вещи, пожертвованныя разными благотворителями, но не нужныя

для Дома, а также нѣкоторыя вещи по комисіи отъ частныхъ лицъ, за что взимаемо было по 2 коп. съ рубля. Такимъ исполненіемъ комисіи получено въ 3 года только 37 руб. Почему Бецкой, 2 апрѣля 1770 г., писалъ Совѣту, что „онъ полагалъ бы оставить такую продажу, ибо отъ ней ни чести, ни пользы Дому нѣтъ.“ Однако такая продажа производилась и послѣ того; въ 1781 году продавалась по комисіи камчатская мягкая рухлядь, бобры и проч. Вещи для продажи съ аукціона присылались и изъ Академіи Художествъ. Въ 1766 г., присланъ былъ, въ числѣ прочихъ вещей, бюстъ камеръ-юнгферы Настасьи Ивановны Соколовой, дочери Бецкаго (*). Графъ Минихъ окончательно отмѣнилъ продажу по комисіи и писалъ Совѣту 2 мая 1795 г., „постороннихъ вещей, не стоящихъ вниманія и безобразящихъ только аукціонную палату, не принимать и не держать; таковыхъ я множество видѣлъ; а по чрезмѣрнымъ цѣнамъ, они никогда и проданы быть не могутъ, поэтому таковыя возвратить ихъ хозяевамъ.“

О назначеніи аукціоновъ публиковалось въ газетахъ; оцѣнку вещей дѣлали купцы рядовъ—холщеваго, серебрянаго, сайдашнаго, астраханскаго что на хорахъ, маслянаго, кафтаннаго и пр.

Изъ журнала Опекунскаго Совѣта 10 декабря 1766 г. видно, что для пріѣзжавшихъ на аукціонъ знатныхъ лицъ куплено было по дюжинѣ крашенныхъ дубовыхъ и орѣховыхъ стульевъ; для угощенія ихъ чаемъ и кофеемъ 2 жаровни, 2 чайника для согрѣванія воды, чаю жулану 2 ф. по 3 р. 40 к., цыбишнаго 1 ф. въ 2 р. 80 к., кофе 11 ф. по 25 к., сахару пекарскаго 39¹/₂ ф. по 22 к., спирту для нагрѣванія чаю на 16 к., и пр.

На лотереи, какъ средство дохода, указано было въ привилегіяхъ Дома.

На сообщенный Бецкому планъ лотереи, онъ отвѣчалъ: „о розыгрышѣ въ лотъ по желанію Его сіятельства князя Якова Петровича Шаховскаго вещей съ пользою Дому я согла-

(*) Изъ свѣдѣній, доставленныхъ П. В. Шереметевскимъ.

суюсь, а притомъ объявить имѣю не лучше ли вмѣсто назначаемыхъ для подписокъ лотовъ тетрадей, учинить на картахъ номера съ приложеніемъ печати Дома и съ подписаніемъ одного изъ господъ опекуновъ, коимъ, принявъ на себя трудъ по нѣскольку оныхъ и описаніе вещамъ, имѣвъ при себѣ въ случаяхъ свиданія, кто сколько тѣхъ номеровъ пожелаетъ раздавать, принимая деньги почему за лотъ положено будетъ; а нѣсколько для раздачи здѣсь охотникамъ и ко мнѣ переслать и когда все число лотовъ, сколько оныхъ быть разсуждено будетъ, раздадутся, тогда печатнымъ объявленіемъ назначить день, въ который розыгрышъ быть имѣетъ.“

Князь Я. П. Шаховской представилъ для розыгрыванія верховую лошадь нормандской породы съ богатымъ приборомъ, пару пистолетовъ французскаго мастера Фромерія, фузею итальянскаго мастера Лазарисса Коминація и телескопъ англійскаго мастера Шарта.

18 апрѣля 1771 г. Совѣтъ сообщилъ Бецкому, что всѣхъ лотерейныхъ билетовъ было 582, по 2 р. каждый; изъ нихъ 100 билетовъ послано 13 февраля Бецкому, который увѣдомилъ, что нѣсколько билетовъ изволила взять Ея Величество. 16 марта назначено было разыгрываніе лошади съ приборомъ, которая послѣ продана съ аукціона за 221 руб., что сдѣлано вѣроятно съ согласія выигравшаго.

Можно полагать, что къ этому источнику дохода болѣе не обращались; потому что уже въ 1775 году Опекунскій Совѣтъ отвергнулъ предложенный иностранцемъ Веберомъ планъ разыгрыванія лотереи при Воспитательномъ Домѣ „не предвидя отъ нея никакой пользы для Дома.“ А Бецкой въ 1778 году не согласился даже на розыгрышъ въ лотерею накопившихся въ Ссудной Казнѣ ручныхъ закладовъ, которые долгое время не могли быть проданы съ аукціона, находя „невозможностію и неудобнымъ посредствомъ къ чистому возвращенію недосмотрѣнной потери.“

Въ 1801 году маіорша Шефъ получила отъ Воспитательнаго Дома дозволеніе разыграть въ залѣ Петровскаго Театра лотерею на 200 т. р. съ уплатою за то въ пользу Дома 4 т. р. Въ

число этой суммы было внесено 3050 р; по случаю же смерти маіорши Шефъ и несчастнаго хода лотереи, дочь ея Алѣева просила Совѣтъ возвратитъ деньги, но послѣдній въ этомъ отказалъ.

24 марта 1822 г. Высочайше дозволено было приобрести, по примѣру С.Петербургскаго Опекунскаго Совѣта, 8 билетовъ лотереи, учрежденной по дѣламъ покойнаго оберъ-шенка графа Головина. Изъ этихъ билетовъ 4 взяты для Воспитательнаго Дома, и по 2 для Вдовьяго Дома и Больницы для бѣдныхъ.

О ходатайствахъ Воспитательнаго Дома по дѣламъ частныхъ лицъ свѣдѣнія заключаются въ письмахъ Бецкаго, отъ котораго шли по сему предмету предложенія Опекунскому Совѣту. При Совѣтѣ состояли для этого стряпчіе: сержантъ Казанцевъ съ 1778 г. по день смерти его, т. е. по февраль 1782 г; послѣ него упоминается въ 1784 г. о стряпчемъ Ѳедосѣевѣ, произведенномъ въ коллежскіе комиссары. Сохранилась его просьба о назначеніи ему, по бѣдности, жалованья. Въ 1805 г. еще былъ стряпчимъ при Опекунскомъ Совѣтѣ титулярный совѣтникъ Ильинъ.

Бецкой предлагалъ Опекунскому Совѣту принимать ходатайство по разнымъ дѣламъ, какъ наприм. 27 октября 1768 г.—дѣвицы Бестужевой о 10 т. р. пожилыхъ денегъ за бѣлаго ея крестьянина; по этому иску Бестужева уступала Дому половину слѣдующихъ ей денегъ; 13, 24 марта, 20 ноября 1769 г.—жены олонецкаго купца Шестаго, о взыскаіи капитала и прибыльныхъ денегъ по обязательству мужа ея и купцовъ Яковлева и Старцева;—придворнаго комиссара Конрадія, о взыскаіи денегъ съ гр. Апраксина и купца Грена;—титулярнаго совѣтника Иванова, о разныхъ дѣлахъ, ходатайство по коимъ Бецкой предоставлялъ усмотрѣнію Опекунскаго Совѣта, такъ какъ не было извѣстно, справедливы ли иски Иванова; „не будетъ ли,—писалъ онъ,—соперникамъ его безвинно какихъ притѣсненій и обидъ, знать не можно; да чтобъ и другимъ таковымъ же въ тяжбныхъ дѣлахъ искамъ не подать поводу и тѣмъ не нанести Дому безславія, чего весьма остерегаться должно; ибо пользы Дому отъ

того быть не уповательно, то и отдаю на благо-разсмотрѣніе Совѣта.“

Какъ ни разнообразны были источники доходовъ Воспитательнаго Дома, но при необходимости значительныхъ издержекъ, въ первые годы существованія этого учрежденія, оно очень нуждалось въ деньгахъ. Доходы Дома установились не вдругъ: въ отпускъ самага Высочайшаго подаянія, какъ объяснено выше, происходили задержки. Причины этого были разныя; такъ наприм. въ 1764 году Бергъ-Конторы Московскій Департаментъ по монетнымъ дѣламъ увѣдомлялъ Опекунскій Совѣтъ, что „въ число назначенныхъ для Воспитательнаго Дома отъ Ея Величества 50 т. р. отпущено будетъ новою серебряною монетою по мѣрѣ выдѣлки ея изъ 100 пудовъ колыванскаго серебра.“

Деньги Воспитательнаго Дома отдавались въ Государственный Банкъ для дворянства. Въ 1766 г., было ихъ тамъ до 150 т. р. Въ наличныхъ деньгахъ иногда ощущался большой недостатокъ; такъ къ 1 января 1766 г. принято было отъ казначея Молчанова наличной суммы 2 десятирублевыхъ золотыхъ имперіала, 2 золотыхъ червонца, 594 р. 75 к. серебряною монетою и 21.169 р. 64½ мѣдью. Въ мартѣ же мѣсяцѣ Опекунскій Совѣтъ уже жаловался Бецкому, что наличныхъ денегъ только 3400 р., а расходовъ предстоитъ много.

Процентовъ съ капитала, хранившагося въ Банкѣ, не доставало для покрытія всѣхъ расходовъ, почему выбиралась часть капитала. Наприм. въ 1768 году взято было капитала 17 т. р. Между тѣмъ и Банкъ не могъ отпускать денегъ по первому требованію; такъ въ августѣ въ Совѣтъ денегъ почти не было, а Банкъ от-

вѣчалъ, что прежде трехъ мѣсяцевъ выслать не можетъ.

Хотя впоследствии, особенно когда начали приниматься вклады и выдаваться ссуды еще до полнаго открытія кредитныхъ учреждений, денежный балансъ Воспитательнаго Дома установился; за всѣмъ тѣмъ прежніе случаи безденежья повторялись. Изъ письма Бецкаго 5 іюля 1775 г. видно, что Совѣтъ, какъ и прежде, обращался съ просьбою о ссудѣ къ Демидову, который далъ было 60 т. р., но, по неудовольствію на Совѣтъ, взялъ обратно.

Касса Воспитательнаго Дома находилась первоначально въ Колычевскомъ домѣ въ Китай-городѣ, откуда переведена была въ кладовую въ Васильевскомъ саду. Деньги получались изъ Штатсъ-Конторы отъ Каменнаго моста большею частию мѣдною монетою. Такъ въ февралѣ 1766 г. привезено было 6666 р. 66½ к. на 18 подводахъ съ платою за каждую по 13 коп.

По введеніи ассигнацій, довѣріе къ нимъ утвердилось не скоро 10 іюля 1788 г. Опекунскій Совѣтъ писалъ Бецкому: „съ давняго времени хотя Воспитательный Домъ и претерпѣвалъ иногда недостатокъ въ мѣдной монетѣ на мелочныя издержки, но болѣе нуждался въ платежѣ за воспитаніе дѣтей по деревнямъ и даже служащимъ жалованья, поелику никто не хотѣлъ брать онаго ассигнаціями, опасаясь убытка, по причинѣ платежа на нихъ лажныхъ. По отношеніямъ Опекунскаго Совѣта главнокомандующій въ Москвѣ изъ Казенной Палаты по 700 р. въ недѣлю присылалъ, а старый директоръ Банка по небольшому числу; нынѣ же все сіе пресѣклось и Опекунскій Совѣтъ долженъ вымѣнивать у частныхъ людей, платя по 5 к. на рубль лажныхъ.“

БЛАГОТВОРИТЕЛИ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ДОМА.

По Генеральному Плану должны были сохраняться въ Воспитательномъ Домѣ портреты опекуновъ, главныхъ надзирателей и благотворителей.

Въ іюль 1787 г. Бецкой, заботясь объ окончательномъ убранствѣ залъ С.Петербургскаго Опекунскаго Совѣта, требовалъ отъ Московскаго Совѣта списка всѣхъ благотворителей Дома.

Въ „Извѣстіяхъ же Воспитательнаго Дома“, изданныхъ въ 1791 году, сказано, что Бецкой предполагалъ увѣковѣчить всѣхъ благодѣтелей Воспитательнаго Дома „представленіемъ ихъ въ барельефахъ въ нарочно приготовляемыхъ для сего залахъ въ С.Петербургѣ и Москвѣ, съ приложеніемъ описаній ихъ усердія къ пользѣ человѣчества.“

Сохранилась опись имущества Воспитательнаго Дома за 1808 годъ, составленная главнымъ надзирателемъ Тутолминымъ, для представленія Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Въ этой описи поименованы портреты и бюсты, украшавшіе портретный залъ въ Корделожи. Названы портреты Императрицы Екатерины II, Бецкаго, „преемника Главнаго Попечителя“ фельдмаршала князя Голицына, Главнаго Попечителя Маслова; благотворителей: Демидова, Шубскаго, дѣвицы Кашкадамовой, казанскаго ландрихтера Кашкадамова, архіепископа Амвросія и крестьянина Сеземова; опекуновъ: Умскаго, Тютчева, князя Гагарина, Вырубова и Дурново. Въ описи упоминается о мраморныхъ бюстахъ Бецкаго

и благотворителей: князя Шаховскаго и Демидова. Въ присутственной комнатѣ Опекунскаго Совѣта были въ то время портреты: Императрицъ Екатерины II и Маріи Ѳеодоровны, а также Бецкаго и принцессы Гессенъ-Гомбургской.

По повелѣніямъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, 24 октября 1815 г. и 25 іюля 1816 г., поставлены въ Домѣ портреты главнаго надзирателя Тутолмина и почетнаго опекуна Лунина.

При капитальныхъ перестройкахъ въ Воспитательномъ Домѣ, происходившихъ въ 1854—1857 годахъ, по мысли главнаго надзирателя Багдадова, обращенъ въ портретную галерею переходъ изъ церкви Дома въ рекреационную залу Николаевскаго Института. Въ это время поновлены сохранившіеся портреты, а вмѣсто утратившагося портрета крестьянина Сеземова прислана была копія Ѳ. И. Прянишниковымъ.

Съ Высочайшаго соизволенія, записаннаго въ журналъ Совѣта 1 декабря 1855 г., поставлены портретъ почетнаго опекуна князя Оболенскаго и бюстъ главной надзирательницы фонъ-Цеймернъ.

По Высочайшему же соизволенію, послѣдовавшему 19 сентября 1856 г., поставленъ портретъ главнаго попечителя графа Сиверса. Этотъ портретъ, черезъ посредство почетнаго опекуна М. К. Цеймерна, доставленъ дочерью Сиверса, баронессою Иксуль.

Въ 1857 году праздновался пятидесятилѣтній

юбилей службы князя С. М. Голицына въ званіи почетнаго опекуна. По этому случаю, также съ Высочайшаго соизволенія, галерея украсилась портретомъ князя, работы г. Зарянки.

По смерти князя, принадлежавшій ему портретъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, племянникомъ его М. А. Голицынымъ пожертвованъ Воспитательному Дому. Это было доведено до Высочайшаго свѣдѣнія (*).

При устройствѣ портретной галереи поставлены двѣ мраморныя доски съ именами благотворителей. Разумѣется, что на доскахъ можно было помѣстить лишь немногія, важнѣйшія имена. Управление Воспитательнаго Дома, ко дню столѣтняго юбилея своего заведенія, желало составить полный списокъ благотворителей и возобновить въ памяти потомства дѣянія истекшаго столѣтія, столь легко изглаживаемыя впечатлѣніями ближайшихъ событій, или шумомъ и интересами современности.

Основаніемъ этому списку послужилъ тотъ, который представленъ былъ Бецкому въ 1787 году; употреблено всякое стараніе для дополненія онаго свѣдѣніями, извлеченными изъ позднѣйшихъ дѣлъ, и довести списокъ до настоящаго времени. Въ первоначальномъ списокѣ различаются: 1. почетные благотворители, 2. попечители и воспитатели, 3. „благодѣтели, оказавшіе Дому одолженіе опредѣленіемъ ежегоднаго окладнаго подаенія,“ и 4. „благодѣтели, оказавшіе Дому одолженіе неокладными подаеніями.“

Во главѣ списка должно бы, конечно, стоять имя Бецкаго; но подвиги его усердія предполагается изложить въ особой статьѣ, для которой не всѣ матеріалы еще собраны.

ПОЧЕТНЫЕ БЛАГОТВОРИТЕЛИ.

Приглашенные въ маѣ 1773 года.

1. Генералъ-фельдмаршалъ графъ Кирила Григорьевичъ Разумовскій.

2. Генералъ-фельдмаршалъ князь Александръ Михайловичъ Голицынъ.

3. Генералъ-фельдмаршалъ графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышовъ. Онъ разъ отказался было отъ этого званія, но 23 января 1778 г. опять принялъ его.

4. Въ рангъ генералъ-фельдмаршала графъ Никита Ивановичъ Панинъ.

5. Дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Эрнстъ фонъ-Минихъ.

6. Оберъ-каммергеръ князь Александръ Михайловичъ Голицынъ. Въ 1792 г., онъ внесъ 40 т. р. съ тѣмъ, чтобы пожизненно получать ему съ нихъ по 6%, а по смерти его употребить „на богоугодное употребленіе по его назначенію.“

7. Дѣйствительный тайный совѣтникъ, генералъ-прокуроръ князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій.

8. Государственной Адмиралтействъ-Коллегии вице-президентъ графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышовъ.

9. Генералъ-аншефъ князь Михаилъ Никитичъ Волконскій.

10. Генералъ кригсъ-коммисаръ Александръ Ивановичъ Глѣбовъ.

11. Дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Яковъ Петровичъ Шаховской.

12. Тайный совѣтникъ, сенаторъ Григорій Николаевичъ Тепловъ.

Въ маѣ же 1773 г. Бецкой писалъ Совѣту о приглашеніи въ почетные благотворители и начальника Москвы Петра Дмитріевича Еропкина, котораго однако нѣтъ въ сохранившемся списокѣ благотворителей.

По смерти князя Шаховскаго, 24 іюня 1777 г., и Теплова, въ 1779 г. избраны:

13. Генералъ-фельдмаршалъ князь Григорій Александровичъ Потемкинъ въ маѣ 1778 г.

14. Генералъ-аншефъ князь Василій Михайловичъ Долгоруковъ-Крымскій въ августъ 1781 г. По смерти его, 10 января 1782 г., избранъ:

15. Генералъ-фельдмаршалъ графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ - Задунайскій, съ августа 1782 г.

(*) Журналъ Моск. Опеки Совѣта, 5-го октября 1889 года.

16. Генераль-аншефъ графъ Яковъ Александровичъ Брюсъ, съ сентября 1784 г.

17. Генераль-аншефъ Николай Ивановичъ Салтыковъ, съ сентября 1784 г.

18. Генераль-аншефъ князь Николай Васильевичъ Репнинъ, съ августа 1783 г.

19. Генераль-аншефъ графъ Валентинъ Платоновичъ Мусинъ Пушкинъ, съ августа 1783 г.

20. Митрополитъ кievскій Самуиль, съ апрѣля 1778 г.

21. Епископъ смоленскій Парѣеній, съ 1 мая 1779 г.

Изъ сообщенія С.Петербургскаго Опекунскаго Совѣта Московскому, отъ 31 октября 1793 г., видно, что въ генеральномъ собраніи избраны были въ почетные благотворители:

22. Дѣйствительный тайный совѣтникъ, вице-канцлеръ графъ Иванъ Андреевичъ Остерманъ.

23. Дѣйствительный тайный совѣтникъ, оберъ-гофмейстеръ графъ Александръ Андреевичъ Безбородко.

24. Дѣйствительный тайный совѣтникъ, генераль-прокуроръ графъ Александръ Николаевичъ Самойловъ.

25. Генераль-фельдцейхмейстеръ, Екатеринославскаго Намѣстничества и Таврической Области генераль-губернаторъ, графъ Платонъ Александровичъ Зубовъ.

ПОПЕЧИТЕЛИ.

1763 г.

1. Почетный благотворитель князь Шаховской.

2. Почетный благотворитель графъ Панинъ.

3. Супруга почетнаго благотворителя, статсъ-дама графиня Прасковья Александровна Брюсъ.

4. Почетный благотворитель графъ фонъ-Минихъ.

5. Генераль-аншефъ графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій.

1764 г.

6. Дѣйствительный тайный совѣтникъ и полномочный министръ въ Вѣнѣ, князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ.

7. Дѣйствительный тайный совѣтникъ сенаторъ Козловъ.

8. Тайный совѣтникъ, полномочный министръ при французскомъ дворѣ, князь Дмитрій Алексѣевичъ Голицынъ.

Подъ 11 числомъ ноября 1764 г. въ книгѣ входящихъ записаны прошенія о желаніи принять на себя званіе попечителей гор. Острогжска острогжскаго слободскаго полку подпрапорщика Игнатія Путилова и майора, города Корачева воеводскаго товарища Данилы Похвиснева. Вмѣстѣ съ тѣмъ они просили себѣ и книги для сбора подаяній. Но ихъ нѣтъ въ спискѣ попечителей Опекунскаго Совѣта 1787 г.

1765 г.

9. Генераль-поручикъ Загряжскій.

10. Полковникъ Кошелевъ.

11. Дѣйствительный камергеръ графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ.

12. Города Переяславля Рязанскаго полотняной фабрики содержатель Ипатьевъ.

1766 г.

Острогжскіе жители комиссары:

13. Бородкинъ и

14. Тюльпинъ.

15. Вологодскій купецъ и фабрикантъ Желубцевъ.

16. Новгородскій губернаторъ генераль-майоръ графъ фонъ-Сиверсъ, впоследствии Главный Попечитель Воспитательнаго Дома.

17. Оренбургскій губернаторъ тайный совѣтникъ князь Путятинъ.

18. Иркутскій губернаторъ генераль-майоръ фонъ-Фраусендорфъ.

19. Иркутскій купецъ Глазуновъ.

1767 г.

20. Коллежскій совѣтникъ Натальинъ.

21. Дѣйствительный камергеръ Похвисневъ, по увольненіи отъ званія опекуна.

1768 г.

22. Каргопольскій купецъ и сельдянаго промысла коронный повѣренный Марковъ.

мою дешевою цѣною бумагу хлопчатую непряденную по 7 р., а верблюжью шерсть по 1 р. 20 к. за пудъ, съ платою за провозъ по 55 к. съ пуда; всего съ провозомъ на 235 руб., а по цѣнамъ въ Москвѣ это стоило бы болѣе 400 руб.

1781 г.

52. Полковникъ московскій оберъ-полицей-мейстеръ Островской.

53. Полковникъ князь Ухтомскій.

54. Тульскій купецъ Солодовниковъ.

1784 г.

55. Коллежскій совѣтникъ армянинъ Иванъ Лазаревичъ Лазаревъ. Лазаревъ былъ душеприкащикомъ армянина Вемьянова, который внесъ въ 1778 году въ Сохранную Казну 7.000р. съ тѣмъ, чтобы ему пользоваться процентами, а по смерти предоставлялъ капиталъ въ подаяніе Воспитательному Дому. Вемьяновъ въ завѣщаніи своемъ обязывался изъ этихъ денегъ „никому, ни сродникамъ, ни для души своей не дѣлать ни копѣйки, ни полукопѣйки, хотя бы и родитель мой, который многіе годы умре, изъ мертвыхъ воскресъ, я и ему отъ оныхъ 7.000 руб. капитала конечно ни полукопѣйки дѣлать не стану.“

1786 г.

56. Малороссійскаго переяславскаго полку сотенный атаманъ Кандиба.

Малороссійскіе помѣщики:

57. Бунчуковъ товарищъ Макаровичъ.

58. Войсковой товарищъ Соломаха.

59. Статскій совѣтникъ Вишневскій.

1797 г.

60. Докторъ Воспитательнаго Дома надворный совѣтникъ Янишъ.

Сверхъ того были попечителями два иностранца:

61. „Денисъ Дидро“ членъ академіи наукъ Берлинской и С.Петербургской, съ 24 февраля 1774 г.

62. Иосифъ Даллоіо (Dall'Oglio), агентъ Его Величества короля Польскаго при Республикѣ Венеціанской, съ 8 января 1774 г.

ВОСПИТАТЕЛИ.

1766 г.

1. Нижегородскій губернскій прокуроръ Бахметевъ,—устроилъ въ своемъ домѣ въ Нижнемъ приѣмъ несчастнорожденныхъ младенцевъ для воспитанія до извѣстнаго возраста и отправленія за тѣмъ въ Московскій Воспитательный Домъ.

1771 г.

2. Олонецкій купецъ Вашкаловъ.

1773 г.

3. Воронежскій купецъ и суконный фабрикантъ Михаилъ Сахаровъ.

4. Воронежскій купецъ и суконный фабрикантъ Петръ Сахаровъ.

5. „Мѣщанство города Осташкова.“

6. „Юрьевскаго уѣзда Повольскаго“ крестьянинъ Прямпловъ.

1774 г.

7. Города „Бѣлаозера“ купецъ Макаревъ.

1775 г.

8. Переяславской епархіи села Капустинецъ протоіерей Василій Тимковскій,—устроилъ въ своемъ селѣ воспитательный домъ, изъ котораго доставилъ въ Москву 73 воспитанника, большею частію собственнымъ коштомъ, и отдалъ Дому все, по смерти своей, движимое и недвижимое имѣніе, въ числѣ 38 душъ.

1776 г.

9. Коллежскій ассесоръ Кандиба, помощникъ Тимковскаго

10. Архангелогородскаго Намѣстничества Губернскаго Магистрата, стряпчій казенныхъ дѣлъ Буренинъ,—прислалъ въ Домъ 46 дѣтей, которыхъ содержалъ на свой счетъ.

Въ „Извѣстіяхъ Воспитательнаго Дома“ за 1779 г. (Том. II, стр. 162—170) напечатано, что стараніемъ Буренина, „Общество города Архангельска, 20 января 1778 года, послѣ благодарственнаго молебствія о рожденіи Великаго Князя Александра Павловича, въ приговорѣ

своемъ, подписанномъ 70-ю гражданами, постановило: ежегодно 30 числа мая, въ память дня рожденія Государя Императора Петра Великаго, учредить по всѣмъ посадамъ Имперіи „добровольнымъ согласіемъ гражданъ торжественное, на мѣстѣ общихъ гражданскихъ совѣтовъ, предводительствуемыхъ старостами, собирапіе добровольныхъ подаяній въ пользу злосчастныхъ младенцевъ, принадлежащихъ къ воспитанію въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ; изъ собираемаго подаянія часть отправлять въ Воспитательный Домъ, а на остальные содержать въ Архангельскомъ городѣ несчастныхъ младенцевъ до урочныхъ лѣтъ, въ надеждѣ будущаго отправленія ихъ въ Москву для совершеннѣйшаго воспитанія въ Императорскій Воспитательный Домъ.“ Мнѣніе Архангельскаго посада объявлено было приглашеніемъ „каждому Россійскому Посаду“ съ просьбою, чтобы „на ожидаемое рѣшеніе благоволили сообщить въ списокъ въ Опекунскій Совѣтъ Московскаго Воспитательнаго Дома.“ Бецкой, узнавъ объ этомъ, благодарилъ архангельскихъ гражданъ, а Опекунскому Совѣту поручилъ послать главнымъ участникамъ медали.

1777 г.

11. Переяславской епархіи села Оржанецъ священникъ Шеневскій.

1778 г.

12. Малороссійскаго стародубскаго полку „абшитованный“ сотенный атаманъ Солодковскій.

13. Малороссійскаго переяславскаго полку уволенный полковой атаманъ Зубковскій.

1780 г.

14. Полковникъ Вишневскій.

1781 г.

15. Генералъ-поручикъ Кречетниковъ, — въ бытность калужскимъ генералъ-губернаторомъ устроилъ въ Калугѣ домъ для несчастнорожденныхъ младенцевъ.

1782 г.

16. Титулярный совѣтникъ Сумароковъ.

1785 г.

17. Енисейскій купецъ Тельныхъ. Устроилъ воспитательный домъ въ Енисейскѣ.

«БЛАГОДѢТЕЛИ, ОПРЕДѢЛИВШІЕ ДОМУ ЕЖЕГОДНОЕ
ОКЛАДНОЕ ПОДАЯНІЕ.»

1763 г.

Рубли.

Генералъ-фельдмаршалъ гр. Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ.	7.421(*)
Оберъ-гофмейстерина, дѣйствительная штатсъ-дама графиня Марья Андреевна Румянцова	180
Генералъ-аншефъ Александръ Ивановичъ Глѣбовъ, изъ получаемаго жалованья десятую часть.	2.326
Графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышовъ	350
Генералъ-аншефъ графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ на 5 лѣтъ.	2.500
Оберъ-штабмейстеръ Сумароковъ	50
Графъ Брюсъ.	566
Гофмейстерина Елена Александровна Нарышкина.	90
Генералъ-аншефъ князь Волконскій	600
Генералъ-аншефъ оберъ-гофмаршалъ графъ Карлъ Вфимовичъ Сиверсъ.	1.000
Генералъ-фельдцейхмейстеръ Вильбоа.	50
Графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышовъ.	480
Генералъ-полиціймейстеръ Дивовъ.	488
Генералъ-фельдмаршалъ князь Голицынъ.	350
Дѣйствительный камергеръ графъ Головинъ.	200
Графъ Никита Ивановичъ Панинъ.	1.466
Генералъ-аншефъ Нарышкинъ.	1.307
Генералъ-аншефъ гр. Скавронскій.	1.300

(*) Противъ каждого жертвователя обозначена общая сумма поступившаго отъ него окладнаго подаянія.

	Рубли.
Дмитрій, митрополитъ новгородскій.	600
Гавріиль, митрополитъ санктпетербургскій и новгородскій.	900
Лаврентій, архимандритъ Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.	100
Симонъ, архимандритъ новоспаскскій, потомъ кирило-бѣлозерскій.	250
Оберъ-прокуроръ Синода, впоследствии кураторъ московскаго университета и опекунъ Мелиссино.	120
Вице-адмиралъ Мордвиновъ	219
Дѣйствительный тайный совѣтникъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ.	2.300
Оберъ-шенкъ Нарышкинъ.	1.050
Вице-адмиралъ, санктпетербургскій губернаторъ князь Несвицкій.	40
Генералъ-поручикъ Овцынъ.	483
Генералъ-аншефъ Вадковскій.	806
1764 г.	
Каммергеръ Пассекъ	420
Каммергеръ князь Василій Борисовичъ Голицынъ.	90
Генералъ-аншефъ и директоръ надъ всеми полиціями Корфъ	347
Аѳанасій, епископъ ростовскій	300
Лейбъ-гвардіи маіоръ князь Гагаринъ	133
Архитекторъ Кокориновъ.	70
Адмиралъ Талызинъ	886
Оберъ-каммергеръ кн. Александръ Михайловичъ Голицынъ.	800
Ротмистръ Ушаковскій.	50
Каммеръ-юнкеръ, при французскомъ дворѣ полномочный министръ князь Дмитрій Алексѣевичъ Голицынъ	2.300
Лейбъ-гвардіи капитанъ - поручикъ князь Кантеміръ	500
Дѣйствительный статскій совѣтникъ Щербачевъ.	5
Генералъ-аншефъ князь Долгоруковъ-Крымскій.	1.800
Секундъ-маіоръ Матюшкинъ.	40

	Рубли.
Генералъ-аншефъ графъ Петръ Ивановичъ Панинъ.	1.200
Генералъ-аншефъ Леонтьевъ.	994
Тайный совѣтникъ Веселовскій.	160
1765 г.	
Генералъ-поручикъ Загряжскій.	375
Полковникъ Кошелевъ	200
Секундъ-маіоръ Венрейскій	110
Лейбъ-гвардіи капитанъ князь Щербатовъ	30
Профессоръ Ростъ, бывший первымъ главнымъ надзирателемъ Воспитательнаго Дома	144
Г-жа Иванова	91
Сверхъ того вычтено изъ жалованья у разныхъ лицъ подписавшихся въ книгѣ подаяній.	755
Всего же окладныхъ подаяній по 1787 годъ 39.397 р. Видно, что двое изъ знатныхъ лицъ своего общанія не исполняли.	
«БЛАГОДѢТЕЛИ, ОКАЗАВШЕ ДОМУ ОДОЛЖЕНІЕ ДАЧЕЮ ДЕНЕЖНЫХЪ СУММЪ ВЪ НЕОКЛАДНОЕ ПОДАЯНІЕ».	
1763 г.	
Генералъ-маіоръ Измайловъ.	100
Неизвѣстный.	70
1764 г.	
Генералъ-фельдмаршалъ, гр. Петръ Семеновичъ Салтыковъ.	100
Генералъ-поручикъ князь Борисъ Александровичъ Куракинъ.	120
Оберъ-шталмейстеръ Левъ Александровичъ Нарышкинъ, въ разное время.	500
Графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій.	3.000
Генералъ-фельдмаршалъ, гр. фонъ-Минихъ.	1.000
Московской суконной фабрики содержатель Сериковъ.	100
Онъ же подарилъ Дому своихъ крестьянъ и дворъ, купленный у Ассесора Чебышева, въ приходѣ Николая Чудотворца, что въ Мыльникахъ.	

	Рубл.
Московскій губернаторъ Юшковъ.	100
Димитрій, митрополитъ новгородскій.	300
Гавріилъ, епископъ петербургскій.	250
Аванасій, епископъ ростовскій.	200
Архимандритъ Лаврентій.	150
Генералъ-поручикъ и бывшій губернаторъ бѣлогородскій Нарышкинъ.	100
Иностранные купцы Риттеръ, Тортоузъ и Кали.	250
У нихъ же вычтено въ 1767 г. изъ денегъ, слѣдовавшихъ имъ за взятый для Ея Величества „угодности“ большой брилліантъ.	250
Отъ нихъ же въ 1774 г.	250
Отъ разныхъ лицъ по малымъ суммамъ.	989

Дочь комнатнаго стольника Собакина дѣвица Татьяна Петровна при кончинѣ отказала Воспитательному Дому посуду серебряную, мѣдную, оловянную и нѣсколько платья.

1765 г.

Князь Мещерскій	100
Баронъ Черкасовъ	100
Московской суконной мануфактуры содержатель Суровщиковъ	100
Московское купечество первой гильдіи	3.000
Второй гильдіи	500
Фабрикантъ Журавлевъ	100
Шелковой фабрикантъ Бабушкинъ.	100
Дворяне Никита и Алексѣй Никитичи Демидовы.	1.000
Коллежскій ассесоръ Савва Яковлевъ	1.000
С.Петербургскій фабрикантъ Володиміровъ.	1.000
Михаилъ Гусятниковъ.	200
Полковникъ опекунъ Бобарыкинъ.	1.000
Логинъ Говій, комисіонеръ Воспит. Дома въ Амстердамъ.	1.000

Въ 1772 г. Говій прислалъ въ даръ 24 голландскія коровы.

	Рубл.
Петербургскій купецъ Озеровъ.	500
Тульское купечество.	2.300
Астраханское купечество.	1.000
Серпуховское купечество.	145
Іоасафъ, епископъ архангелогородскій и холмогорскій	300
Новоторжское купечество	205
Калужское купечество	1.000
Лейбъ-гвардіи вицъ-вахмистръ Кольчевъ	200
Вологодское купечество.	142
Полотняной фабрики содержатель Ипатьевъ	100
По малымъ суммамъ	1.057
Заводчики Александръ, Павелъ и Петръ Демидовы 3.000 пудъ желѣза.	

Статскій совѣтникъ Никита Акинфіевичъ Демидовъ 2.000 листовъ чернаго аршиннаго кровельнаго желѣза.

Въ январѣ 1765 г. Опекунскій Совѣтъ писалъ Бецкому о желаніи статскаго совѣтника Якова Алексѣевича Шубскаго пожертвовать Воспитательному Дому свое имѣніе. Бецкой 3 февраля отвѣчалъ: „надлежитъ получить всѣ предосторожности и очистки, дабы впредь къ Дому, который наипаче правдѣ слѣдовать долженъ, никакой привязки и другимъ обиды быть не могло, и потому, разсмотря пользу, принять.“ Жертвуемое имѣніе находилось въ Рославскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи и заключало въ себѣ деревни: Горенову, или Троицкое, въ Лабушевскомъ стану и въ Ветлицкомъ—Будище, Творожкову и Шибкову.

Въ имѣніи было душъ 407, пахотной земли, сѣнныхъ покосовъ и лѣсныхъ угодій 11.940 десятинъ.

Жертвуя имѣніе, Шубскій полагалъ условіемъ, чтобы Опекунскій Совѣтъ производилъ ему на содержаніе,—на первый годъ 800 руб., а въ послѣдующіе за тѣмъ годы по 600 р., по день смерти. Опекунскій Совѣтъ, соображая, что при хорошемъ хозяйствѣ можно получать съ имѣнія доходу до 1.000 р., и что Шубскій первый дѣлаеть такого рода подаваніе, согласился принять имѣніе съ благодарностію. Условенныя

письмъ десять тысячъ рублей серебряною монетою получены, и по желанію неизвѣстныхъ сея особы, точное учинено исполненіе: изъ получаемыхъ ежегодно шести сотъ руб. процентныхъ денегъ, содержатся обоюго пола двадцать питомцевъ, что дѣлаетъ по 30 руб. въ годъ на cadaго: названы они отнынѣ впредь во вѣчные роды *Гомбургцами*: въ одѣяніи отъ другихъ нѣсколько отличены, и въ память толь великія добродѣтели портретъ Ея Свѣтлости покойной Ландграфини, наследной Принцессы Гессенгомбургской Анастасіи Ивановны, въ залѣ Совѣта поставленъ.“

Въ 1774 г. Опекунскій Совѣтъ, на запросъ Бецкаго, отвѣчалъ: „именующіеся Гомбургцами питомцы 10 мальчиковъ и 10 дѣвочекъ воспитываются на извѣстное подаяніе въ 10 т. руб.; въ отмѣтку носятъ: мальчики на кафтанахъ знаки на подобіе бантиковъ изъ зеленой ленты, а дѣвочки на головахъ изъ того же на подобіе вѣлочковъ; процентовъ на содержаніе cadaго причитается по 30 р. въ годъ.“ 26 іюля того же года С.Петербургское Отдѣленіе сообщило Московскому Опекунскому Совѣту, что въ засѣданіи его московскій опекунъ князь Михайлъ Ивановичъ Долгорукій и члены засѣданія имѣли разсужденіе: „какъ питомцамъ, именуемымъ Гомбургцами, такъ и впоследствии другимъ на такомъ же основаніи нашивать на платьяхъ знаки шелками.“ Въ одномъ дѣлѣ 1800 г. найденъ аттестатъ, выданный отъ 7 августа 1785 г., за подписаніемъ бухгалтера Таннауера, находившемуся при немъ воспитаннику, Михайлу Михайлову Гомбургцу; однако прозвище это долгое время не употреблялось, ибо 13 августа 1800 г. Московскій Совѣтъ на запросъ С.Петербургскаго—„отъ чего означенный Михайлъ Михайловъ, какъ служащій въ С.Петербургскомъ Совѣтѣ по спискамъ служащихъ въ Московскомъ Совѣтѣ не значится Гомбургцевымъ, отвѣчалъ—„что для Совѣта все равно, кто бы какъ не назывался. Но 9 сего Августа имъ постановлено, чтобы воспитаннику здѣшняго Дома Губернскому Секретарю Михайлу Михайлову именоваться Гомбургцевымъ, хотя до сихъ поръ ни кто съ такою фамиліею не выпускался.“ 9 іюля 1806 г. послѣдовало повелѣніе Импе-

ратрицы Маріи, коимъ возстановленъ „обычай давать фамиліи благотворителей тѣмъ питомцамъ, кои были содержимы на ихъ пожертвованія и потому изъ процентовъ внесенныхъ ими капиталовъ, содержать нѣкоторое число питомцевъ обоюго пола сверхъ комплекта 600, съ повязкою на рукахъ, какъ у пансіонеровъ съ тѣмъ отличіемъ, что на оныхъ повязкахъ изображена должна быть первая или двѣ литеры того благотворителя, на счетъ подаянія котораго оныя питомцы содержатся, а питомцевъ называть по имени того вкладчика.“ —Повелѣніе это касается впрочемъ до пенсіонеровъ Собакина, Логинова, Кашкадамовой и кн. Кантемира, но о пенсіонерахъ принцессы гессенъ-гомбургской въ немъ не упоминается; изъ чего заключить можно, что обычай давать фамилію Гомбургцевыхъ, согласно приведенному положенію Опекунскаго Совѣта, сохранялся. Такъ фамилія „Гомбургцовъ“ измѣнилась на „Гомбургцевыхъ.“

1768 г.

Рубли.

Дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ.	1.000
Коммерціи оберъ-директоръ и шелковой мануфактуры содержатель Хастатовъ.	766
Хастатовъ просилъ за это подаяніе свидѣтельства. Опекунскій Совѣтъ, 5 мая, писалъ Бецкому о присылкѣ формы, ибо это былъ первый случай.	
Ржевскій купецъ Созоновъ.	200
Вѣдомства Коллегіи-Экономіи Ярославскаго уѣзда Черемужскаго стана деревни Пироговой крестьянинъ Павелъ Ильинъ.	200
Статскій совѣтникъ Никита Акинѣевичъ Демидовъ.	1.000
Московское купечество, по случаю освобожденія Ея Величества отъ оспы.	500
Дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Яковъ Петровичъ Шаховской, 9 ноября по тому же случаю.	500
Въ томъ же году, 22 августа, князь представилъ въ пользу Воспитательнаго Дома при-	

сужденные ему за безчестіе съ подполковника Милославскаго 3600 р., о присылкѣ коихъ Опекунскій Совѣтъ писалъ въ Судный приказъ 16 іюля 1769 г.

Отъ него же въ другіе годы . . . 1.150 р.

Въ „Извѣстіяхъ Воспитательнаго Дома“ 1791 г. (стр. 54—63) о князѣ Шаховскомъ сказано, что онъ не пропускалъ ни одного случая, чтобы не принести пользу Воспитательному Дому, — увеличивать его доходы разными средствами, особенно значительными для того времени сборами приношеній; по званію же сенатора подкрѣплялъ своими мнѣніями „основанія Воспитательнаго Дома;“ въ память благодѣяній князя, Бецкой положилъ поставить въ Домѣ мраморный бюстъ его.

По малымъ суммамъ. Рубли 1.121

1769 г.

Смоленскій мѣщанинъ Филиппъ Щедринъ. 1.000

Самуилъ, епископъ бѣлоградскій и обоянскій, въ бытность въ Воспитательномъ Домѣ, по совершеніи имъ литургіи и по обозрѣніи заведенія . . . 100

Дѣйствит. тайн. совѣт. Никита Михайловичъ Желябовскій. 100

Олопецкій купецъ Шестаго 100

По малымъ суммамъ. 544

Бецкой прислалъ, 11 декабря, малиновый кроватный уборъ, отданный въ пользу Дома.

Декабря 31 изъ Астрахани отъ индійскихъ купцовъ Амардаса Малташева и Менгра Чантрипалова. 100

Эти деньги присланы при такомъ объявленіи: „Когда я Амардасъ Малташевъ, по нѣкоторымъ корыстолюбивыхъ людей нападкамъ былъ везенъ въ г. Москву и проѣхалъ мимо Богоугодно учрежденнаго Императорскаго Воспитательнаго Дома, случилось мнѣ видѣть смотрящихъ изъ оконъ того Дома многихъ младенцевъ, тогда я положилъ въ сердце своемъ твердое намѣреніе по освобожденіи своемъ отъ напасти для сихъ питомцевъ внести въ оный Домъ 100 руб. Но какъ въ самой

вещи правосудіемъ Правительствующаго Сената со мной сіе и учинилось, то признаю, что не иначе я отъ бѣдственнаго моего приключенія освободился, какъ единственно молитвами оныхъ питомцевъ, потому наипаче, что по иностранству моему въ Москвѣ никогда я не бывалъ; знакомцевъ и помощателей не имѣлъ, слѣдовательно за долгъ мой признаю обѣщаніе мое теперь исполнить и вышепомянутую сумму при семъ въ предписанный Совѣтъ высокопочтенный и вношу.“ На подлинномъ объявленіи жертвователи имена свои подписали по-индійски.

Княгиня Екатерина Дмитриевна Голицына, рожденная княжна Кантеміръ, супруга дѣйствит. тайн. совѣтника князя Дмитрія Михайловича Голицына, русскаго посла въ Вѣнѣ. 22.000 р.

По завѣщанію ея, сдѣланному въ Парижѣ, въ присутствіи Бецкаго, эта сумма внесена съ тѣмъ, чтобъ изъ получаемыхъ на нее процентовъ употреблять на посылку въ чужія государства молодыхъ русскихъ недостаточнаго состоянія, каждая 6 лѣтъ по три человѣка, для обученія „медицинѣ, хирургіи, повивальному искусству, докторству и другимъ потребнымъ къ тому наукамъ.“ О пожертвованіи княгини Голицыной подробно напечатано въ „Извѣстіяхъ Воспитательнаго Дома“ за августъ 1778 г. (изд. Бецкаго, 1791 г., т. II, стр. 99—111.) Тамъ сказано, что 22 августа неизвѣстный подалъ въ Совѣтъ письмо, отъ 3 іюля, съ надписью Ч. Л. Въ письмѣ означено желаніе благодѣтеля подарить Воспитательному Дому 20 т. руб., на проценты коихъ воспитывать сиротъ.

Въ августѣ мѣсяцъ и самыя деньги присланы въ Совѣтъ, при письмѣ князя Дмитрія Голицына изъ Вѣны 2 августа 1769 г.

Въ этомъ письмѣ, также напечатанномъ въ „Извѣстіяхъ“, воля завѣщательницы княгини Голицыной изъяснена подробно. Опекунскій Совѣтъ благодарилъ князя Голицына; а 24 ноября Бецкой просилъ Совѣтъ, — назначить трехъ молодыхъ надежныхъ людей, которыхъ полагалъ послать въ Страсбургъ весною 1770 г. Юня 11-го 1770 г. отправлены изъ Петербурга на корабль въ Страсбургъ три студента: Мартынъ Тереховскій (лекарь), Несторъ Максимовичъ Амбодикъ и Яковъ Риндеръ, съ жа-

лованьемъ на ихъ содержаніе и обученіе. По 6-лѣтнемъ пребываніи за границею—они учились и въ Вѣнѣ—„первые двое возвратились съ аттестатами знаменитыхъ професоровъ о великомъ ихъ знаніи въ медицинѣ, удостоены тамошнимъ Университетомъ званія докторовъ, а третій по отзыву професора Коха долженъ былъ возвратиться въ концѣ года (1778 г.).“ На мѣсто этихъ молодыхъ людей посланы за границу другіе.

Въ заграничные пенсіонеры Дома просились: иностранецъ Витбергъ, о которомъ Бецкой, въ письмѣ отъ 31 января 1776 г., поручалъ Совѣту развѣдать;—придворный лейбъ-хирургъ Иванъ Филипповичъ Бекъ ходатайствовалъ о 18-лѣтнемъ сиротѣ Фридрихѣ Волгерѣ, продолжавшемъ ученіе уже два года въ страбургскомъ университетѣ, единственно по своей склонности, сборомъ отъ доброхотныхъ людей нѣкоторой суммы. Но приняты были въ число пенсіонеровъ княгини Голицыной: Волгеръ, студентъ Александръ Шумлянскій и Фелькнеръ, отецъ котораго служилъ въ Петербургскомъ Воспитательномъ Домѣ. Въ 1780 г., упоминается и о студентѣ Карпинскомъ, на двухгодичное содержаніе котораго отправлено было въ Страсбургъ 446 р. 68 коп. (1718 ливровъ). На мѣсто Александра Шумлянского отправленъ въ 1784 г. лекаръ Павелъ Шумлянскій, а на мѣсто Волгера въ томъ же году подлекарь Колбе; „хотя и сказано, чтобы отправлять молодыхъ людей отъ 15 до 20 лѣтъ, но въ немъ довольно усмотрѣно отличныхъ способностей и остроты разума.“ Въ 1787 посланъ въ Страсбургъ лекаръ Григорій Базилевичъ, а въ 1789 г. лекаръ Штренге. Это была послѣдняя посылка молодыхъ людей за-границу (*). 17 июня 1798 г., но Высочайшему повелѣнію, приказано всѣхъ обучающихся за-границей возвратить, „на томъ основаніи, что живущіе за границей Россіяне подъ видомъ писемъ и счетовъ къ родственни-

(*) Изъ сообщеній С.Петербургскаго Опекунскаго Совѣта Московскому, 16 мая 1777 г., 14 мая 1778, 17 іюля 1780, 16 марта 1781, 13 августа 1782, 23 января и 13 сентября 1784, 8 марта 1785, 3 іюня 1787, г., 16 іюля 1789 и 29 декабря 1793 гг.

камъ въ Россію пересылаютъ запрещенныя сочиненія.“

3 декабря 1800 г., Главный Попечитель Малословъ поднесъ Государышѣ докладъ: „какъ теперь въ чужіе края никого посылать, за силою Указа, не возможно, то выбравъ изъ воспитанниковъ Московскаго Воспитательнаго Дома троихъ отличнѣйшихъ по наукамъ и по поведенію, отдать ихъ въ находящійся при Университетѣ на Моховой пансіонъ съ платою за содержаніе каждаго по 150 руб. въ годъ“. Докладъ утвержденъ 10 декабря; вслѣдствіе сего выбраны изъ портнаго класса Иванъ Петровъ, № 687, 12 лѣтъ, и Иванъ Сергѣевъ, № 1070—1796 г., 11 лѣтъ, и башмачнаго—Иванъ Александровъ, № 1063—1790 г. 10 лѣтъ. Изъ Петербургскаго Воспитательнаго Дома отправлены въ пансіонъ въ 1801 году два питомца, оба 13 лѣтъ, а въ 1804 г., еще трое, 12, 13 и 16 лѣтъ. Тогда же изъ мастерскихъ классовъ Московскаго Дома восемь питомцевъ помѣщены въ Университетѣ, согласно Высочайшей резолюціи на докладъ Совѣта, отъ 5 декабря:—„изъ процентовъ съ капитала Кн. Голицыной содержать въ Университетѣ сверхъ находящихся уже тамъ трехъ еще шесть питомцевъ.“

1770 г.

Вологодскій купецъ и содержатель фабрикъ Турунтаевскій, взысканные имъ въ безчестіе съ купца и фабриканта Желобцова. 120 р.

По завѣщанію золотыхъ дѣлъ мастера въ Москвѣ Ивана Оріота, отъ душеприкащиковъ его англійскихъ купцовъ Жоржа Томсона, Жамесъ Рованда и Франца Гарднера 1.000

Объ этомъ завѣщаніи напечатано во 2-мъ томѣ „Извѣстій Воспитательнаго Дома“, изд. 1791 г. (стр. 207—212). Сверхъ 1000 р., въ пользу Воспитательнаго Дома, Оріотъ отказалъ остальной капиталъ 5.000 руб. племяннику своей жены, Ивану Яковлеву Комисарову, который, оставшись въ бѣдности и сиротствѣ еще младенцемъ, отданъ былъ въ Воспитательный Домъ, подъ № 1., а въ 1767 г. переведенъ въ Ака-

демію Художествъ. Завѣщатель просилъ душеприкащиковъ не объявлять его воспитаннику о предоставленномъ ему капиталѣ до совершеннѣйшаго, чтобы онъ не надѣялся на ожидаемое наследство; наставнику же его дѣлать небольшой подарокъ, „для поощренія любви къ младенцу“. Въ случаѣ смерти Комисарова, капиталъ долженъ былъ поступить въ пользу Академіи Художествъ. Комисаровъ выпущенъ изъ Академіи въ 1779 году, съ аттестатомъ по архитектурной части, и такъ какъ по уставу онъ не былъ включенъ въ число пенсіонеровъ, которыхъ Академія посылала въ иностранныя государства для усовершенствованія, то его послали на проценты съ завѣщаннаго ему капитала; за вычетомъ для этой цѣли 600 р., капиталъ его съ процентами, въ числѣ 7.200 р., отданъ на приращеніе въ С.Петербургское Отдѣленіе Воспитательнаго Дома.

Рубли
 Бригадиръ князь Сергій Дмитріевичъ Кантеміръ 4.000

По смерти князя Кантеміра, прислано въ 1774 г. 390

По егоже завѣщанію изъ внесенныхъ имъ въ разное время въ Сохранную Казну, на имя дочери его статской совѣтницы Елены Сергѣевны Алфимовой, по смерти ея, въ неокладное подаеніе питомцамъ Дома. 24.652

1806 г. 9 іюля, Высочайше повелѣно на проценты съ капитала князя Кантеміра содержать двухъ мальчиковъ и двухъ дѣвочекъ, съ фамиліями „Кантеміровыхъ.“

Крестьянинъ графа Шереметева села Выхони Никифоръ Артемьевъ Сеземовъ обѣщаль въ подаеніе 20 т. р.

Изъ дѣлъ видно, что Сеземовъ въ 1770 и 1774 годахъ прислалъ. . . 14.788

Бецкой приказалъ, въ знакъ благодарности, хранить портретъ Сеземова; самый портретъ заказанъ за 50 р. художнику Левицкому и присланъ, 1 марта 1771 г., въ Москву.

Супруга князя Барятинскаго Екате-

Рубли
 рина Петровна, рожденная принцесса фопъ-Гольдштейнбекъ. 2.500

Нижегородскій губернскій прокуроръ Бахметьевъ. 378

По смерти Теофила, игумена Крестовоздвиженскаго монастыря, прислано Московскою Духовною Консисторіею. 232

Принцъ Прусскій, при посѣщеніи имъ Воспитательнаго Дома. 200

По малымъ суммамъ. 560

Въ 1770 г., 26 января, подано привратнику въ 9 часу утра отъ неизвѣстнаго 20 руб., при стихахъ, подъ заглавіемъ—„Къ безсмертію Имени Второй Екатерины.“

Въ 1770 г., какъ видно изъ письма Бецкаго, поступали приношенія на учрежденіе въ Петербургъ Отдѣленія Воспитательнаго Дома. На этотъ предметъ дали:

Оберъ-каммергеръ Петръ Борисовичъ Шереметевъ. 3.000

Оберъ-шенкъ Александръ Александровичъ Нарышкинъ. 1.500

Дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Петръ Григорьевичъ Чернышовъ. 2.400

Генералъ-фельдмаршалъ графъ Кирилла Григорьевичъ Разумовскій. 1.500

1771 г.

Казанскій купецъ Крюковъ. 188

По малымъ суммамъ. 717

Бецкой, 24 мая, увѣдомилъ Совѣтъ, что въ С.Петербургскій Воспитательный Домъ содержателемъ игольной фабрики Рюминимъ пожертвовано 100.000 иголь, „сдѣланныхъ на російской его фабрикѣ и російскими людьми;“ а вслѣдъ за тѣмъ Бецкой сообщилъ, что Рюминъ пожертвовалъ и Московскому Воспитательному Дому 600.000 иголь. Бецкой поручалъ Совѣту продать ихъ въ Москвѣ, такъ какъ въ Петербургѣ охотниковъ на нихъ не нашлось.

Въ письмахъ, 31-го мая и 28 іюня, Бецкой извѣщаетъ, что отъ неизвѣстныхъ подателей прислано въ С.Петербургскій Воспитательный Домъ:

„1. Кабинетъ съ ящиками и съ мѣдною опра-

вою и внутренними замками, хорошей работы, подъ цвѣтъ краснаго дерева. 2. Портретъ Ея Величества въ золоченой рамѣ съ зеленою тафтяною завѣскою. 3. Одноколка въ исправной оковѣ на ходу, обитая зеленымъ сукномъ съ подушкою, обложенною бахромой. 4. Ширмы изъ бѣлаго желѣза. 5. Два аршина пунцоваго бархату. 6. Два пуда свинцу. 7. Мраморные солнечные часы. 8. Двѣ головы канарскаго сахару—и 9. Большая пожарная заливная труба съ принадлежностями.“

Въ іюлѣ 1771 года, Бецкой писалъ въ Советъ о полковникѣ Алексѣѣ Алексѣевичѣ Юровѣ, который, по волѣ бабки своей Ирины Козьминичны Кормилицыной, завѣщалъ Воспитательному Дому до 500 душъ въ разныхъ уѣздахъ. Объ этомъ подаяніи Бецкой получилъ извѣстіе отъ поручика Кушника, который вслѣдъ за тѣмъ предъявилъ, выданную ему 11 іюля 1768 г., копию съ опредѣленія Юстицъ-Коллегіи, о томъ, чтобы Московскій Опекунскій Советъ „благоволилъ предостеречь отъ себя, дабы означенное отданное въ тотъ Домъ недвижимое имѣніе было въ цѣлости и до рѣшенія по духовной раззорено и расхищено не было.“

Къ этому же времени относятся подаянія извѣстнаго Демидова;—но о нихъ особо.

1772 г.

По завѣщанію капитана Николая Карловича фонъ-Лиліенфельда, по взысканіи векселей. 4.000

Неизвѣстный „оставшимся послѣ смерти родителей сиротствующимъ дѣтямъ.“ 100

Дѣвица Марѳа Дмитріевна Кашкадамова завѣщала Дому, для своего поминавенія. 2.000

И недвижимое казанское имѣніе 535 душъ. По этому случаю Бецкой подносилъ всеподданнѣйшій докладъ:

„Покойная дѣвица Марѳа Дмитріева дочь Кашкадамова при смерти своей завѣщала оставшія отца ея деревни, состоящія въ Казанской губерніи, продать и деньги отдать въ Воспитатель-

ный Домъ для поминавенія души ея; о чемъ получа отъ статскаго совѣтника Василья Толстова письменное свѣдѣніе какъ отъ Опекунскаго Совета, такъ и отъ Государственной Вотчинной Коллегіи, чтобъ явились наслѣдники, опубликовано, но никого не нашлось, почему та Коллегія опредѣленіемъ утвердила, что она дѣвица осталась въ фамиліи Кашкадамовыхъ послѣдняя въ родѣ; то все оное ея выморочное имѣніе, въ силу Имянныхъ 1712 и 1714 годовъ указовъ, отписать на Ваше Императорское Величество, а дабы воля завѣщательницы по желанію ея исполниться могла, то Ваше Императорское Величество всеподданнѣйше прошу объ отдачѣ изъ вѣденія Канцеляріи Конфискаціи завѣщаннаго покойною дѣвицею Кашкадамовою собственнаго ея недвижимаго имѣнія съ доходами со дня смерти ея во владѣніе Императорскаго Воспитательнаго Дома опредѣлить Вашего Императорскаго Величества Всемилоствѣйшимъ указомъ.“—Докладъ утвержденъ 6 мая 1771 г. Препровождая его, 10 мая, въ Московскій Опекунскій Советъ, Бецкой писалъ: „мною представлено о семъ въ Сенатъ съ приложеніемъ копии и съ требованіемъ, дабы о исполненіи по тому Государственную Вотчинную Коллегію, Канцелярію Конфискаціи и куда надлежитъ опредѣлить указами.“ Сенатъ это исполнилъ.

Советъ представилъ было, 18 іюля, о продажѣ Кашкадамовскихъ деревень, но Бецкой отозвался: „спѣшить публикаціею о продажѣ не для чего, потому что достоинство и цѣна имѣнія неизвѣстны, не лучше ли поступить такъ, какъ было сдѣлано съ деревнями Шубскаго. А какъ Василій Борисовичъ Толстой довольно показалъ своего усердія къ Воспитательному Дому, то надѣюсь, что онъ не отречется присмотрѣть нѣкоторое время за Кашкадамовскими деревнями и сообщить нужныя Совету извѣстія; сынъ его Толстаго отозвался мнѣ, что отецъ его охотно приметъ на себя этотъ трудъ.“ Бецкой предлагалъ Совету написать объ этомъ самому Толстому.

По поводу просьбы Толстаго, отдать ему, находившуюся при покойной Кашкадамовой, кормилицу ея съ мужемъ и за то принять отъ него

50 руб., Бецкой, 5 августа, писалъ: „Когда почтеннѣйшій Совѣтъ во уваженіе принять изволить, колико она покойная дѣвица челоуѣколюбивымъ и благотворительнымъ своимъ завѣщаніемъ учинила Воспитательному Дому благодаренія, не менѣе жъ и Его Высокородіе усердствуя къ дѣтямъ великодушнымъ объявленіемъ того завѣщанія соблагодѣтельствовалъ; то не токмо за сіи добродѣтели отъ него Г. Толстова за ту кормилицу деньги взять не подлежитъ; но въ знакъ нашей благодарности должно намъ всѣ мѣры употребить волю ея покойницы во всемъ исполнить, такъ, дабы не токмо кормилица съ мужемъ (и съ дѣтми буде есть) по смерть ихъ во всякомъ удовольствіи изжить могли, но и всѣмъ тѣмъ, которые ей служили, а паче которыхъ она любила, а Г. Толстой хотя бы не имѣлъ такого случая себя оказать, то довольно того, что онъ ей покойницѣ былъ дядя, и потому мы уже ему въ двое обязаны, къ тому жъ въ церквахъ нашихъ по ней всегдашнее поминовеніе быть надлежитъ и стараться хорошо портретъ ея написать для поставленія съ прочими; объявя вышеписанное мнѣніе оставляю на благоразсужденіе Совѣта.“

Бецкой согласился съ Совѣтомъ, чтобы для управленія деревнями Кашкадамовой отправить прискапнаго Совѣтомъ Еврейнова, давъ ему достаточное наставленіе. „Для поощренія хорошо дать ему,—писалъ Бецкой, 21 октября,—на первое время сержантскій чинъ, но только временно, до усмотрѣнія исправнаго его въ той должности исполненія, а за услуги свои онъ всегда надѣяться можетъ на Опекунскій Совѣтъ, что отъ него самого и зависеть будетъ.“ Мѣсто Еврейнова заступилъ коллежскій протоколистъ Боженовъ, которому въ 1774 г. выдано свидѣтельство, что за усердіе его и полезныя услуги по управленію имѣніемъ Воспитательнаго Дома въ Казанскомъ уѣздѣ онъ награжденъ отъ Опекунскаго Совѣта чиномъ экспедитора.

Когда же Совѣтъ донесъ, что портретъ Кашкадамовой поставленъ и поминовеніе дѣлается, тогда Бецкой, 22 ноября 1773 г., отвѣчалъ: „усматриваю о сдѣланной Домомъ благодарности, что и портретъ благодарствующей персоны

въ Домѣ постановленъ, и поминовеніе дѣлается, очень изрядно; да что нужнѣе, то я нахожу недокончено; то есть съ тѣми, которые при жизни ея были, вѣрно служили, ею любимы, въ бытность же ея довольствованы, остались безъ всякаго воспоминаія, кромѣ что отпущены на волю; почтенный Совѣтъ я чаю самъ легко въ оное войти можетъ; воля или свобода, еще не совсѣмъ челоуѣку дѣлаетъ за услугу награжденіе, а особливо или престарѣлому въ лѣтахъ, или немѣющему рукодѣлія и немоущему тѣмъ себя пропитать; стало быть, и самая та воля принуждена сдѣлаться должна неволею, то есть, таковымъ людямъ должно будетъ итти или по миру или припяться къ другому Господину, и вмѣсто ожидаемаго спокойствія сносить можетъ быть случится ни по лѣтамъ ни по заслугамъ прежней своей Госпожѣ, полагаемую работу, а чрезъ то почувствовать худо заплаченными за услуги: и такъ надѣюсь, что почтенный Совѣтъ сего благотворительнаго случая не оставитъ безъ удовлетворительнаго исполненія, то есть тѣмъ ея любимымъ людямъ неприменетъ въ возможной скорости сыскавъ ихъ, хотя бъ гдѣ они находились и въ отдаленности опредѣлить имъ такое къ пропитанію по смерти ихъ удовольствіе, чтобъ прямо могли быть и съ дѣтками своими, буде у нихъ есть, беззаботны, въ защитѣ, въ спокойствіи, и подъ опекою отъ Воспитательнаго Дома, не думая, ни о чемъ пужномъ, дабы видя то чувствовали добродѣтель и по смерти благодарствующей госпожи своей, и что челоуѣколюбіе въ Воспитательномъ Домѣ прямо въ своей силѣ наблюдается. Также и прочимъ соучаствующимъ добродѣтелямъ сей благотворительницы соотвѣтствуя самой той благодарности, непремѣнно въ память того всегда знакъ особаго почитанія оказываемъ быть долженъ или приглашеніемъ въ Домѣ или почестью рукодѣлія воспитанниковъ съ прочимъ удобопредразсужденіемъ о томъ.“

Въ 1777 г. Московскій Опекунскій Совѣтъ выдалъ 200 руб. людямъ, служившимъ Кашкадамовой; къ родственнику ея Толстому двое членовъ Совѣта ѣздили изъяслять благодарность, а питомцы поднесли ему камзолъ и золотыя

пуговицы своего рукодѣля; Бецкой всё эти дѣйствія Совѣта нашель „весьма пристойными“;— „что жъ принадлежитъ,—продолжалъ онъ,—до увѣдомленія публики, для напечатанія въ издаваемыхъ ежемѣсячныхъ извѣстїяхъ, то оно писано изрядно, только какъ водится пространно сказано, что въ издаваемыхъ въ печать подвержено быть можетъ критикѣ и для того сократя на будущей почтѣ прислать имѣю.“

Въ 1774 году имѣніе продано полковнику Зубову, съ разсрочкою платежа, за 32.200 р.

Въ 1809 г., 23 февраля, Высочайше повелѣно на проценты съ капитала Кашкадамовой содержать 3-хъ воспитанниковъ и 2-хъ воспитанницъ, съ фамиліей „Кашкадамовыхъ.“

1773 г.

„Оренбургской подгородной Сейтовой слободы торговый татаринъ Искандеръ-Бекъ Чентѣевъ изъ Оренбурга, съ тѣмъ чтобы его не выбрали въ старшины“. 300 р.

Феофанъ, епископъ нижегородскій и алатырскій. 100

Статскій совѣтникъ Ермолаевъ, на построеніе Корделожи. 600

По малымъ суммамъ 281

Баронъ Фридрихъ подарилъ Воспитательному Дому станокъ для позументной фабрики съ принадлежностями. По этому случаю Бецкой обѣщаль прислать и мастера, для установки станка.

1774 г.

По завѣщанію сенатора Михаила Григорьевича Собакина, отъ главнокомандующаго въ Москвѣ Петра Дмитриевича Еропкина, внесено. 2.500 р.

14 мая 1773 г. предписано Бецкимъ, чтобъ на получаемые проценты, во всегдашнюю его память, содержать 4 или 5 воспитанниковъ, съ особымъ на ихъ платѣ знакомъ.

Въ 1806 г., 9 июля, Высочайше повелѣно на проценты съ капитала Собакина содержать одного воспитанника и называть его Собакинскимъ.

Титулярный совѣтникъ Нечаевъ, за взысканіе по векселямъ его денегъ. 1.228 р.

Опекунъ Нащокинъ уступилъ свое жалованье, объявивъ, что объ употребленіи онаго впредь дастъ знать; всего получено отъ Нащокина. 1.000 р.

Проценты съ этихъ денегъ, по желанію Нащокина, должно было раздавать отличившимся на экзаменѣ воспитаннику и воспитанницѣ. При увольненіи, въ 1799 г., Нащокина отъ званія почетнаго опекуна, Императрица Марія Феодоровна приказала: „дать ему просимое имъ (о сдѣланномъ имъ приношеніи) свидѣтельство, объявить ему Мое благоволеніе, а съ процентами внесеннаго имъ капитала поступать по его желанію, отдавая оныя ежегодно пополамъ воспитаннику и воспитанницѣ, которые наиболее отличатся въ добромъ поведеніи и успѣхахъ въ ремеслахъ.“

Рубли.

Опекунъ князь Долгоруковъ, изъ жалованья своего. 1.000

Проценты съ этихъ денегъ выдавались отличившимся воспитанникамъ.

Лаврентій, епископъ вятскій и великопермскій 100

По увѣщанію князя Шаховскаго, генераль-аншефъ графъ Иванъ Степановичъ Гендриковъ 1.115

Московскимъ откупщикомъ Логиновымъ 3.000

Неизвѣстнымъ. 50

прислано Бецкому при запискѣ: „На воспитаніе сиротъ въ Главномъ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ спасаемыхъ щедротой и челоуѣколюбіемъ безсмертная Екатерины посылаетъ включенную при семъ маловажную сумму въ торжественный день, освященный въ сердцахъ жителей Лифляндскихъ и всѣхъ истинныхъ патріотовъ (т. е: въ 24 число Ноября 1774 года новаго стilia) истинной набожности преданный и къ благодарности обязанный Лифляндскій старикъ и патріотъ.“

По малымъ суммамъ. 828

1775 г.

Артиллеріи капитанъ Кожинъ. 105

Московскій 1-й гильдіи купецъ и публичный нотаріусъ Татаринъ. 150

25 апрѣля, Императрица Екатерина II
посѣтила Воспитательный Домъ и по-
жаловала. 2.000

Неизвѣстный. 50.000

Это тѣ деньги, которыя получены Главнымъ
Попечителемъ, при письмѣ, отъ 3 марта 1774 г.;
тогда же доставлено было 10.000 р., а 3 июня
остальныя 40.000 р. Все это неизвѣстный благо-
творитель предоставилъ въ полное распоряженіе
Бецкаго. Письмо было прислано ночью съ ящи-
комъ, запечатаннымъ печатью, изображающею
солнце, освѣщающее шаръ земной, съ надписью:
„non sibi sed populi.“ Неизвѣстный писалъ:
„я родился не въ Россіи, но отечеству обя-
занъ только рожденіемъ, а Россіи тысячу не-
сравненно превосходящихъ выгодъ.“

По малымъ суммамъ. 391 р.

1776 г.

Неизвѣстный. 100

По малымъ суммамъ. 245

1777 г.

По малымъ суммамъ. 310

1778 г.

По завѣщанію секундъ-маіора Хло-
пова. 500

Коллежскій совѣтникъ и опекунъ
Павель Григорьевичъ Демидовъ за двѣ
трети жалованья. 666

Бецкой, 2 марта, писалъ: „это бла-
годѣяніе тѣмъ болѣе достойно воз-
благодаренія, что онъ равнодушно тру-
дятся съ прочими членами желаетъ быть
незаплатимымъ.“ Демидову даны сви-
дѣтельство и медаль.

Генералъ-поручикъ Кречетниковъ. 100

Неизвѣстнымъ подано швейцару. . . 200

Собрано попечителемъ Красильтни-
ковымъ. 157

„Содержатель С.Петербургскихъ и Москов-
скихъ питейныхъ сборовъ купецъ Иванъ Вла-
совичъ Логиновъ для всеобщей радости даро-
ванной Россіи рожденіемъ Великаго князя Але-
ксандра Павловича, 12 декабря 1777 г.; на
содержаніе умножающагося числа воспитанни-
ковъ.“ 10.000 р.

Велѣно содержать 5 мальчиковъ и 5 дѣвочекъ
„подъ именемъ и отѣннымъ знакомъ благо-
творителя.“

Въ 1806 г., 9 іюля, Высочайше повелѣно
на проценты съ капитала Логинова содержать
одного воспитанника и одну воспитанницу, съ
фамиліями „Логиновскихъ.“

По малымъ суммамъ. 126 р.

Въ „Извѣстіяхъ Воспитательнаго Дома,“
упоминается: 16 августа препровождены въ
Московскій Опекунскій Совѣтъ 200 р., съ тѣмъ,
чтобы деньги эти раздѣлить между воспитанни-
ками, для поощренія къ трудамъ. Изъ журнала
Совѣта, 23 августа, видно, что деньги далъ Саму-
илъ, архіепископъ ростовскій. Совѣтъ положилъ
раздавать эти деньги отличившимся воспитан-
никамъ.

24 іюня попечитель Петръ Борисовичъ Бѣла-
винъ, по случаю назначенія Опекунскимъ Со-
вѣтомъ одного изъ питомцевъ, по одобренію
мастера, въ должность подмастерья волочильнаго
дѣла золота и серебра, подарилъ ему 100 р.,
а жена его прислала въ подарокъ воспитанни-
цѣ большаго возраста Аннѣ Антоновой, №2501
—1766 г., гродетуровую пару платья съ сере-
бряною накладкою.

17 іюля почетный благотворитель графъ Ки-
риллъ Григорьевичъ Разумовскій, при посѣще-
ніи Воспитательнаго Дома въ Москвѣ, разсма-
тривалъ работы питомцевъ, былъ въ Коммерче-
скомъ при Домѣ Училищѣ, и на представленіи
русской комической оперы и балета; въ знакъ
своего удовольствія подарилъ 500 руб., для раз-
дачи лучшимъ питомцамъ.

19 декабря 1777 г. С.Петербургское Отдѣ-
леніе Воспитательнаго Дома сообщило Москов-
скому Опекунскому Совѣту, что чрезвычайный
посланникъ при Саксонскомъ дворѣ, князь Ан-
дрей Михайловичъ Бѣлосельскій, предоставилъ
Воспитательному Дому безвозвратно въ Нижегородской губ. 642 души, оцѣня оное имѣніе
въ 40.000 р., съ тѣмъ, чтобы ему платить по
смерть по 12% съ рубля.

Изъ Высочайшаго повелѣнія 25 августа 1807 г.
видно, что въ 1778 г. пожертвовано г. Бурав-

цевымъ 1000 р. съ тѣмъ, чтобы проценты съ этого капитала раздавать въ милостыню, или выкупать бѣднаго или выдать съ помощію ихъ въ замужство сироту несчастную, что и дѣлать 8 мая. Это во-время не исполнялось, такъ что накопилось въ 1807 г. процентовъ 300 р. Посему, повелѣно, выдавать проценты, согласно завѣщанію, съ 1300 р.

1779 г.

	Рубли.
По завѣщанію прокурора Ларионова	150
Дѣвица Машкова.	100
По малымъ суммамъ.	468

По жертвованіи Американской Компаніи для промысловъ въ Сѣверо-Восточномъ морѣ и Камчаткѣ:

Въ 1776 г. Московскій 2-й гильдіи купецъ Серебренниковъ увѣдомилъ Опекунскій Совѣтъ, что онъ заключилъ договоръ съ Компаніей о пожертвованіи въ пользу Воспитательнаго Дома пая съ судна св. Александръ Невскій. Продажу этого пая, состоявшаго въ бобрахъ и прочей мягкой рухляди и высылку денегъ принялъ на себя, по приглашенію Совѣта, иркутскій губернаторъ Нѣмцовъ, который полагалъ продавать ихъ на китайской границѣ (*).

Деньгами и за проданные мѣха, въ особенности за бобры, получено съ 1779 г. всего въ разное время. 1.975 р.

Въ 1776 г. купцы соликамскій Лапинъ, великоустюжскій Шиловъ и тульскій оружейникъ Орѣховъ назначили въ подаваніе Воспитательному Дому по полунаю съ судовъ своихъ св. Павла и Владиміра. Эти приношенія доставили въ 1781 и 1783 годахъ. 2.900

Въ „Извѣстіяхъ“ за 1779 г. упоминается, что 23 апрѣля, при празднованіи дня рожденія Императрицы, графъ П. И. Панинъ, архіепископъ московскій и калужскій Платонъ, княгиня Барятинская и проч. дали въ пользу питомцевъ. 110

(*) Письма Совѣта Бецкому, отъ 11 апрѣля и 13 декабря 1776 года.

Рубли.

1780 г.

Премьеръ-маіоръ и опекунъ графъ Борисъ Ивановичъ Толстой.	100
Неизвѣстный.	500
По малымъ суммамъ.	211

1781 г.

Княгиня Анна Ѳедоровна Бѣлосельская.	1.000
По малымъ суммамъ.	24

1782 г.

Поручикъ Николай Ивановичъ Новиковъ.	200
По завѣщанію англійскаго купца Томсона.	100
Отъ Оренбургскаго татарина Ахмета Бабкаева, при выдачѣ ему денегъ за поставленныя на фабрику бумагу и кумачъ.	111
По малымъ суммамъ.	6

Опекунскій Совѣтъ выдалъ одобрительное свидѣтельство доктору Янишу, который изъ получаемаго имъ жалованья, 1800 р., ежегодно съ 1773 года уступалъ 800 р. въ пользу Дома; а въ 1785 г. уступилъ и еще 400 р.

Въ 1797 году, Янишъ подалъ въ Опекунскій Совѣтъ прошеніе, и ссылаясь на свою 39-лѣтнюю службу и 24-лѣтнія занятія по Воспитательному Дому, куда Бецкой назначилъ его главнымъ докторомъ, между прочимъ по уваженію заслугъ его по оспопрививанію въ Академіи Художествъ и Кадетскомъ Корпусѣ, — просилъ званія попечителя Воспитательнаго Дома, котораго и былъ удостоенъ.

Въ бумагахъ 1782 г. есть извѣстія о пожертвованіяхъ имѣній Протопоповымъ и Ивановымъ. О Протопоповѣ видно только, что онъ дарилъ 40 душъ въ Краснокутскомъ уѣздѣ Харьковскаго намѣстничества. По поводу завѣщаннаго Ивановымъ имѣнія въ Медынскомъ уѣздѣ, калужскій генералъ-губернаторъ Кречетниковъ писалъ Бецкому, что полезно было бы прислать чиновника въ помощь казенныхъ дѣлъ стряпчему, для хожденія по этому дѣлу,

такъ какъ Уѣздный Судъ уничтожалъ завѣщаніе. Споръ съ наследниками кончился тѣмъ, что Воспитательному Дому предоставлены лишь благопріобрѣтенныя Ивановымъ шесть пустошей. Эти пустоши, всего 264 десятины, Опекунскій Совѣтъ продалъ въ 1800 г. за 2.376 р.

1783 г.

По завѣщанію княгини Натальи Ѳеодоровны Долгорукой.	Рубл.	1.000
---	-------	-------

По завѣщанію подполковницы Елизаветы Петровны Елчаниновой, по отцѣ Хлоповой.		500
--	--	-----

По малымъ суммамъ.		20
----------------------------	--	----

1784 г.

Архимандритъ Златоустовскаго монастыря, Воспитательнаго Дома катихизаторъ Варлаамъ Барановичъ.		7.020
--	--	-------

Барановичъ желалъ, чтобы изъ процентовъ на эту сумму выдавать ежегодно пяти воспитанницамъ, выходящимъ въ замужество, по 100 р. Воля Барановича была исполнена тогда, когда накопилось достаточно процентовъ.

По поводу выданнаго Совѣтомъ изъ денегъ Барановича одной воспитанницѣ награжденія, Императрица Марія Ѳеодоровна, въ 1801 г. 5 ноября, замѣтила: „этой выдачи не слѣдовало, потому что по завѣщанію выдачи сіи простираются на воспитывающихся въ Домѣ 5 дѣвицъ, поступками и поведеніемъ добропорядочныхъ, при выходѣ въ замужество, каждый годъ, а не на тѣхъ, которыя давно не токмо изъ Дому выпущены, но уже и замужъ вышли, при томъ и Совѣтомъ положено сію выдачу производить только прямо изъ Воспитательнаго Дома выходящимъ замужъ воспитанницамъ.“

Барановичъ умеръ 15 мая 1784 года, ничего по себѣ не оставилъ, такъ что Опекунскій Совѣтъ принялъ на свой счетъ погребеніе, на которое и употребилъ 287 руб. 18 к.

Княгиня Варвара Александровна Шаховская.		3.705 р.
--	--	----------

Въ Высочайшемъ повелѣніи, 26 іюля 1806 года, упоминается о капиталѣ княгини Шаховской, какъ такомъ, проценты съ котораго назначены на выдачу въ приданое воспитанницамъ.

Рубл.

Отъ продажи имѣнія Бобарыкина.	500
--	-----

Гвардіи капитанъ-поручикъ Бобарыкинъ, въ началѣ 1778 года, сообщилъ главному надзирателю Коваленскому о желаніи своемъ отдать въ пользу Дома имѣніе въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ 26 душъ. Совѣтъ писалъ объ этомъ Бецкому, который приказалъ выдать Бобарыкину свидѣтельство и медаль.

По малымъ суммамъ.	60
----------------------------	----

1785 г.

Директоръ мѣдныхъ и желѣзныхъ заводовъ коллежскій ассесоръ Яковъ Борисовичъ Твердышовъ внесъ въ Московскую Сохранную Казну 180.000 р., съ тѣмъ, чтобы Опекунскій Совѣтъ возвратилъ эти деньги въ Банкъ, въ уплату такой же суммы, занятой Твердышовымъ изъ Оренбургской Банковой Экспедиціи. Этимъ оборотомъ Домъ пріобрѣталъ четыре процента со всей суммы,—и полученная имъ выгода показана по бумагамъ въ 37.800 р.

Бывшая по этому поводу переписка доказываетъ осмотрительность Бецкаго. Получивъ уведомленіе отъ Московскаго Опекунскаго Совѣта „о желаніи неизвѣстнаго сдѣлать знатную прибыль Воспитательному Дому отдачею на 7 лѣтъ 180.000 р., за что бы дать ему чинъ ассесорскій,“—Бецкой отвѣчалъ 21 сентября 1778 года, что „желалъ бы приступить къ старанію о томъ, но напередъ нужно знать, итъ ли въ разсужденіи обязанностей его съ казеннымъ мѣстомъ какихъ неудобствъ, которыя въ продолженіи семи лѣтъ могли бы произвести препятствія разрушающія воображаемую прибыль Воспитательному Дому?“ Извѣстясь потомъ о предложенномъ Твердышовымъ оборотѣ, Бецкой предложилъ взять съ него письменное обязательство: „что по учиненной имъ съ Опекунскимъ Совѣтомъ сдѣлкѣ вносить тѣ деньги съ тѣмъ, дабы должная имъ такому то мѣсту вся та сумма въ такомъ то году, мѣсяцѣ и числѣ заплачена была отъ Воспитательнаго Дома, а до тѣхъ поръ на весь оный капиталъ по данному имъ обязательству по три процента, а всего по пяти тысячъ четыре ста рублей на каждый годъ

платимо было отъ Воспитательнаго Дома оному мѣсту, въ назначенный срокъ непременно, и дабы онъ какъ болѣе должнымъ тому мѣсту не былъ и не почитался, какъ и въ закладѣ состоящее его недвижимое имѣніе изъ того залога и запрещенія исключено было, доставить ему разрѣшеніе и сіе оказываемое Воспитательному Дому доброжелательство, принять залогомъ истиннаго его къ сему мѣсту почитанія.“ Когда Твердышовъ далъ такую подписку, то Бецкой разрѣшилъ принять отъ него деньги.

Благодарность же Бецкой согласился изъяснить Твердышову лишь тогда, когда все это дѣло было окончено, именно въ 1780 году. Твердышовъ получилъ свидѣтельство и золотую медаль; послѣ чего Твердышовъ подарилъ на строеніе Петербургскаго Воспитательнаго Дома. 14.000 р.

Царевичъ Георгій Грузинскій. 10.000 р.

Деньги эти назначены въ пользу Дома, Высочайше утвержденнымъ 28 января 1785 г., распределеніемъ недвижимаго имѣнія, которое царевичъ написалъ на случай своей смерти. Сумму 10.000 р. должны были внести наследники царевича князья Циціановы. Этимъ же актомъ царевичъ предоставлялъ Государынь село Всесвятское и село Егорьевское, но съ тѣмъ, чтобы жившіе тамъ родственники его пользовались по прежнему своими домами и покровительствомъ Императрицы. Объ этихъ распоряженіяхъ былъ указъ Сената, отъ 30 января 1785 года (*).

1786 г.

Рубли.

Въ „Извѣстіяхъ“ за этотъ годъ (**)
напечатано: „1 апрѣля по завѣщанію
коллежскаго ассесора Саввы Яковлеви-
ча доставлено изъ имѣнія его въ поль-
зу Воспитательнаго Дома.“ 20.000
Отъ неизвѣстнаго. 200
По малымъ суммамъ. 73

(*) Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ П. П. Пвановымъ.

(**) Сборн. Изв. 1791 г. т. II. стр. 283.

1790 г.

Рубли.

По завѣщанію статскаго совѣтника,
графа Федора Алексѣевича Толстаго,
закладными на. 4.000

Завѣщаніе внесено въ Опекунскій
Совѣтъ въ 1781 г.; графъ умеръ въ
1789 г. Исполняли завѣщаніе члены
Опекунскаго Совѣта. Все имущество
графа стоило болѣе 647.000 р., въ томъ
числѣ была закладная въ 15.000 р. на
шестьдесятъ брилліантовыхъ кафтан-
ныхъ и камзольныхъ пуговицъ.

Московскій именитый гражданинъ
Никита Павловъ, по уплатѣ ему Опекунскимъ Совѣтомъ по 3-мъ вексе-
лямъ за содержателя театра Медокса,
подарилъ Дому. 5.000

1792 г.

Московскій купецъ Иванъ Кузьмичъ Щу-
ровъ о каменномъ своемъ домѣ въ Лефор-
товѣ съ суконнымъ заводомъ завѣщаль, что-
бы этимъ имуществомъ владѣла его жена,
подъ покровительствомъ Опекунскаго Совѣта;
по смерти же ея домъ предоставлялся въ соб-
ственность Воспитательнаго Дома на богоугод-
ное употребленіе. Вдова Щурова умерла въ
1804 году. Завѣщанное имущество въ 1807 г.
продано Опекунскимъ Совѣтомъ за. . . 4.250 р.

28 октября того же года, Высочайше по-
велѣно: „сумму эту причислить къ капиталу
Воспитательнаго Дома для содержанія изъ про-
центовъ одного воспитанника изъ несчастно-
рожденныхъ, назвавши его именемъ благотво-
рителя; остатокъ отъ процентовъ выдавать ему
въ награжденіе при выпускѣ.“

Попечитель Дома графъ Мусинъ-
Пушкинъ и супруга его дали для на-
грады двухъ воспитанниковъ и двухъ
воспитанницъ. 1.000 р.

1793 г.

Княжна Наталья Алексѣевна Голи-
цына, въ пользу воспитанницъ Воспи-
тательнаго Дома. 6.000

1794 г.

Неизвѣстные.	Рубли. 463
----------------------	------------

Такъ какъ изъ этого капитала не дѣлалось употребленія до 1863 года, то его накопилось 2438 руб. Въ 1863 г. 6-го февраля, Высочайше повелѣно проценты ежегодно раздавать бѣднымъ, 21 апрѣля, въ память основанія Воспитательнаго Дома.

1796 г.

Князь Петръ Ивановичъ Гагаринъ.	500
Епископъ Дамаскинъ, въ награду лучшимъ воспитанникамъ.	50
Графъ Ѳедоръ Григорьевичъ Орловъ.	500

1797 г.

По завѣщанію майора Вуича табакерка, пожалованная ему Екатериной II-й, и деньгами.	1.000
--	-------

Надворный совѣтникъ Яцынъ съ дочерью.	500
---	-----

Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна, въ пользу дѣтей, у кормилицъ находящихся.	9.000
--	-------

Отъ Ея Величества жалуеты были и другія суммы.

Въ этомъ же году, Государыня присоединила къ пенсіонному капиталу.	2.000
--	-------

Въ іюль 1800 г., прислано отъ Ея Величества на устройство садовъ для воспитанниковъ.	1.000
--	-------

Въ мартъ 1801 г., на тотъ же предметъ и на книги для Повивальнаго Института	500
---	-----

На докладъ Опекунскаго Совѣта о предложеніи засадить липами и акаціями главный проспектъ и сдѣлать по немъ каменные тротуары, на что требовалось болѣе . 7.000 р. Государыня написать изволила: „издержка сія будетъ произведена изъ Моей казны.“

Императрица приняла на Свой счетъ содержаніе Законнаго Отдѣленія Родильнаго Госпиталя. Въ 1817 году, января 11, Она прислала въ Совѣтъ	13.000 р.
--	-----------

И повелѣла, присоединивъ къ нимъ дру-

гія, принадлежащія Законно-Родильному Госпиталю деньги, составить особый капиталъ, проценты съ котораго употреблять на содержаніе Госпиталя.

Императрица желала, чтобы Родильный Госпиталь замужнихъ женщинъ содержался единственно на Ея иждивеніи, и потому, въ рескриптѣ отъ 9 октября 1826 г., изъявила волю платить отъ Себя Воспитательному Дому по 800 р., какъ бы за наемъ покоевъ, занимаемыхъ Госпиталемъ, и даже внести такую плату за прошедшее время. Вмѣстѣ съ этимъ были присланы деньги за 1825 г.; а въ 1827 г. 11 января, Императрица прислала 30.698 р. 14 к., то есть всѣ деньги, которыя слѣдовали за наемъ помѣщенія съ основанія Госпиталя, принимая въ расчетъ проценты такъ, какъ если бы деньги вносились ежегодно въ Сохранную Кассу, слѣдовательно и съ процентами на проценты.

Въ 1829 г., капиталъ Законно-Родильнаго Госпиталя, за обращеніемъ въ Сохранной Казнѣ, составлялъ 21.286 р. 23 к.

По кончинѣ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, Высочайше повелѣно (*) отпускать изъ Государственнаго Казначейства тѣ деньги, 800 р., которые Императрица вносила за помѣщеніе Госпиталя.

При отдѣленіи Сохранныхъ Казенъ отъ вѣдомства Опекунскихъ Совѣтовъ, на капиталы Законно-Родильнаго Госпиталя даны два непрерывно-доходные билета, одинъ въ 6.082 р., а другой въ 3.918 р. По Высочайшему повелѣнію 18-го ноября 1859 года, проценты съ этого капитала назначены на содержаніе въ Законно-Родильномъ Госпиталѣ, сверхъ положенныхъ по штату, кроватей, подъ наименованіемъ учрежденныхъ на капиталъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Капиталъ на содержаніе воспитанниковъ въ городской богадѣльнѣ составился также преимущественно изъ суммъ, пожалованныхъ Императрицею. По 4% непрерывно-доходному билету капитала этого числится нынѣ. . 8.872р.

(*) Журналъ Моск. Опек. Совѣта, 13 мая 1829 г.

Рублн.

Проценты съ него назначены вообще на содержаніе увѣчныхъ питомцевъ Воспитательнаго Дома.

Игуменъ Порфирій Симантовскій, на выдачу приданаго, въ день основанія Воспитательнаго Дома, бѣдной дѣвицѣ дворянскаго происхожденія. . . . 3.000

Въ 1807 г. такую дѣвицу велѣно выбирать изъ недостаточныхъ воспитанницъ Екатерининскаго Института.

1798 г.

Князь Гавріилъ Петровичъ Гагаринъ 1.000
По завѣщанію премьеръ-маіора Шти-
цына 2.000
Секундъ-маіоръ Таишевъ-Багалдинъ. 731
Марья Петровна Шереметева 300

1799 г.

Отъ щедротъ Государя Императора Александра Павловича на часть Московскаго Воспитательнаго Дома. 200.000 руб.

Проценты съ этой суммы 12.000 р. привезены были въ Московскій Опекунскій Совѣтъ главнымъ надзирателемъ Тутолминымъ. Императрица Марія Ѳеодоровна по этому случаю писала (журналъ Моск. Опек. Сов., 1 марта) почетному опекуну Маслоу:

„Отъѣздъ въ Москву Главнаго Надзирателя Тутолмина подаетъ Мнѣ случай увѣдомить Васъ, что Вы получите черезъ него двѣнадцать тысячъ рублей процентныхъ денегъ съ двухъ сотъ тысячъ рублей на часть Московскаго Воспитательнаго Дома доставшихся отъ щедротъ Государя Императора. Я поздравляю Васъ съ симъ первымъ опытомъ Монаршей милости и благоволенія къ Дому Нашему.“

Въ 1810-мъ году 15 августа, Высочайше повелѣно: „съ оставшагося послѣ вышедшихъ 11 пенсіонеровъ Его Величества капитала 2.200 р. проценты употреблять на награжденіе воспитанниковъ, оказавшихъ отличные успѣхи въ наукахъ.“

1800 г.

Г. Всеволожскимъ пожертвовано Воспитательному Дому 1000 сажень дровъ, въ 40 вер-

стахъ отъ Москвы; издержки по доставкѣ дровъ жертвователь на себя не принялъ.

1803 г.

Поручица Екатерина Норова уволила своихъ крестьянъ въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ, съ тѣмъ, чтобы вносили ежегодно, въ продолженіе 18 лѣтъ, по 1.000 р. до составленія капитала 18.000 руб., для призрѣнія сиротъ. Когда такой капиталъ составился, то по докладу о семъ, въ 1820 году, Московскаго Опекунскаго Совѣта, 5 мая Высочайше назначено: „капиталъ причислить къ собственному капиталу Воспитательнаго Дома, но подъ именованіемъ „вклада Норовой,“ а проценты употреблять на обученіе питомцевъ въ деревняхъ. Нынѣ капиталъ этотъ составляетъ. 6.523 р.

По завѣщанію премьеръ-маіора Григорія Тугаринова, на оставшійся по смерти его капиталъ, асс. 10.175 руб., обращавшійся въ Московской Сохранной Казнѣ, данъ вѣчный билетъ. По условію вклада, капиталъ долженъ былъ обратиться въ пользу Дома, по смерти вдовы вкладчика и ея брата, а до того времени предоставлено Дому пользоваться лишь однимъ процентомъ съ капитала.

Въ 1832 г., Высочайше повелѣно: „употребить этотъ капиталъ на содержаніе пансіонеровъ въ училищѣ глухонѣмыхъ.“ Въ 1859 году соединенъ съ пожертвованіями Дроздова и Бочарнакова. Всего составилось. 11.524 р.

1804 г.

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова (*). 250 р.

1807 г.

Въ октябрѣ, Высочайше утвержденъ докладъ Московскаго Опекунскаго Совѣта о завѣщаніи Марьи Петровны Шереметевой. Изъ ея по-

(*) Эти деньги повелѣно обратить на покупку книгъ для классическихъ воспитанницъ. Такое же назначеніе дано и нѣкоторымъ другимъ пожертвованіямъ, противу которыхъ въ текстѣ отмѣчено: на книги. Изъ всѣхъ этихъ пожертвованій составился капиталъ въ 5.590 р., который въ 1839 году назначенъ на учебныя пособия Николаевскаго Сиротскаго Института.

жертвованія велѣно отдѣлить 25.000 р. на отстройку, для помѣщенія инвалидовъ того дома, который занимаемъ былъ прежде Опекунскимъ Совѣтомъ. Проценты съ остальнаго капитала 294.844 р. 60 к. назначены на содержаніе Инвалиднаго Дома и призрѣніе сиротъ.

Положено имѣть шесть пенсіонерокъ въ Екатерининскомъ Училищѣ, шесть—въ Александровскомъ и двѣнадцать пенсіонерокъ въ Воспитательномъ Домѣ. Послѣднимъ, согласно докладу почетнаго опекуна Лунина, дано именованіе Шереметевскихъ.

1808 г.

Бригадиръ Бибииковъ, на книги. 200 р.

1809 г.

Высочайше повелѣно 9 марта: „съ обращающагося въ Петербургской Сохранной Казнѣ капитала внесеннаго въ пользу Дома Генералъ-Маіоромъ Толстымъ, отчислить процентовъ 2740 р., и перевести въ Московскую Сохранную Казну; эти деньги назначены на снабженіе приготовляемыхъ въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ лекарей хирургическими инструментами.“ Въ 1859 году, такими инструментами велѣно снабжать фельдшеровъ, служащихъ въ округахъ деревенскихъ питомцевъ. Нынѣ этого капитала серебромъ. 1.216 р.

Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, въ память своего воспитанника барона Сердобина, внесъ, по смерти его, въ Московскій и Петербургскій Воспитательные Дома по 5000 р. Согласно желанію князя Куракина, 14 іюня 1809 г. Высочайше повелѣно, на проценты съ его пожертвованія, воспитывать двухъ дѣвочекъ и 1 мальчика въ Московскомъ Домѣ, а въ Петербургскомъ 1 дѣвочку и 2 мальчиковъ. Этихъ пенсіонерокъ приказано называть Сердобинскими.

1810 г.

По завѣщанію подполковника Неймана проценты съ его капитала, на книги. 138 р.

Юрьевскій купецъ Василій Яковлевъ Телѣгинъ. 4.200

Телѣгинъ назначилъ проценты съ 4000 р. употреблять на содержаніе двухъ воспитанниковъ, изъ которыхъ одного называть Телѣгиннымъ, а другаго Карцевымъ, въ память его, Телѣгина, воспитателя. Проценты съ остальныхъ 200 р. назначались для награжденія воспитанниковъ. Въ 1838 году, Телѣгинъ уже дослужившійся чина штабсъ-капитана, потребовалъ вкладъ свой обратно ссылаясь на состоявшееся въ то время узаконеніе, чтобы приноснымъ младенцамъ не давать „классическаго“ образованія, отъ чего его, Телѣгина, воля не могла быть выполняема. Телѣгину было отказано, по той причинѣ, что, при взносѣ капитала, онъ не предоставилъ себѣ права получить его обратно. Такое рѣшеніе Высочайше было утверждено и объявлено Телѣгину, въ отвѣтъ на неоднократныя его домогательства. Поводомъ къ отказу было еще и то обстоятельство, что воспитанники Дома, поступившіе въ классы до 1837 г., курсъ ученія продолжали. Когда же, послѣ перевода ихъ въ Александринскій Сиротскій Институтъ, и это послѣднее заведеніе, въ 1850 году, было преобразовано въ кадетскій корпусъ, тогда пожертвованіе Телѣгина ему возвращено, за исключеніемъ 200 р., о которыхъ онъ не просилъ. Проценты съ этой послѣдней суммы, составлявшей, въ 1859 году, 88 р., назначены на преміи для приготовительной прислуги.

Въ 1810 г., Опекунскій Совѣтъ продалъ завѣщанное протоіереемъ Тимковскимъ имѣніе (*) за. 9.000 р.

3 ноября Высочайше повелѣно изъ процентовъ содержать воспитанниковъ и называть ихъ Тимковскими. Въ 1814 г. опредѣлено и число ихъ; велѣно воспитывать двухъ мальчиковъ и трехъ дѣвочекъ. Замѣтимъ, что въ 1811 г. соединены въ одинъ капиталъ всѣ пожертвованія, назначенныя на воспитаніе питомцевъ. Поводомъ къ этому распоряженію было желаніе упростить счета, а также необходимость дополнить такіе капиталы, которые, съ теченіемъ времени, стали недостаточны, для исполненія воли жертвователей. При этомъ повелѣно, чтобы по

(*) См. стр. 46.

выходъ пенсионеровъ, носившихъ фамиліи того или другаго благотворителя, замѣщать ихъ новыми воспитанниками и давать этимъ послѣднимъ тѣже прозванія.

1811 г.

Дѣвица Бѣльская (*). Рубли. 1.000

1812 г.

Тайная совѣтница Екатерина Маслова, на книги. 4.000

Въ февралѣ 1808 года, секундъ-майоръ Трушеневскій внесъ, въ пользу двухъ воспитанницъ Плировыхъ 1.000 р. и разныя серебряныя вещи, представивъ, въ случаѣ смерти ихъ, все это въ пользу Дома. По смерти этихъ воспитанницъ, Опекунскій Совѣтъ поднесъ докладъ о назначеніи этого капитала, накопившагося до 1.200

Въ августѣ разрѣшено: „Проценты съ сего капитала по продажѣ серебра и вещей употреблять на награжденіе равными частями при выпускѣ одного воспитанника Латинскаго класса и воспитанницы изъ приготовляемыхъ къ званію наставницъ.“

1813 г.

Купчиха Архарова, на книги 100

1814 г.

Коллежскій ассесоръ Беклемишевъ, на награды 450

1815 г.

За сохраненіе завѣщанія генерала отъ инфантеріи Ивана Петровича Арха-

(*) Эти деньги повелѣно обратъ на награжденіе, при выпускѣ воспитанницъ, приготовлявшихся къ званію наставницъ. Такое же назначеніе дано и нѣкоторымъ другимъ пожертвованіямъ, противъ которыхъ въ текстѣ означено: на награды. Изъ всѣхъ этихъ пожертвованій составилъ капиталъ 2.010 р., который, въ 1859 г., назначенъ на сверхъ-штатныя награды воспитанницъ Московскаго Николаевскаго Института.

Рубли.
рова, внесено зятемъ ето надворнымъ совѣтникомъ Кокошкинымъ, въ пользу Дома, на награды. 1.000

1816 г.

Наслѣдный принцъ Саксенъ - Веймарскій, супругъ Великой Княгини Маріи Павловны, при посѣщеніи Дома и поднесеніи Его Высочеству рисунковъ трудовъ воспитанницъ, пожаловалъ въ пользу воспитанницъ, приготовляемыхъ къ званію наставницъ. 600

Деньги эти повелѣно раздѣлить между воспитанницами поровну.

Въ 1816 г. Кокошкинъ подарилъ 500 экземпляровъ переведенной имъ комедіи „Мизантропъ.“ Часть этихъ книгъ была продана; деньги причислены къ наградному капиталу.

1817 г.

Губернскій секретарь Бородинъ внесъ. 15.000

Жертвователю назначилъ употреблять проценты на приданое шести „ремесленнымъ“ воспитанницамъ.

Надворный совѣтникъ Кокошкинъ, въ два раза. 1.015

Эти деньги Высочайше обращены на награды учащимся.

1819 г.

Нѣжинскіе греки братья Бубы, на книги. 500

Купчиха Квасникова 1.000

Повелѣно обратитъ на награды питомцевъ, назначенныхъ въ фельдшера. Впослѣдствіи эти деньги, которыхъ накопилась 1740 р. сер., переданы въ Правленіе Фельдшерской Школы Московскаго Воспитательнаго Дома.

1821 г.

По завѣщанію Ивана Баташова, на книги. 200 р.

1823 г.	Рубл.
Г-жа Маслова, на книги.	50
По словесному завѣщанію служителя Дроздова, о которомъ Совѣтъ былъ извѣщенъ титулярнымъ совѣтникомъ Бѣляевымъ, поступили въ пользу Дома проценты, по принадлежавшему Дроздову билету Сохранной Казны. Это припошеніе доставило Дому (*).	991
1824 г.	
Поручикъ Скрипицынъ, на книги.	200
1825 г.	
Мѣщанка Критская.	300
Высочайше повелѣно 4 февраля: „проценты назначать по волѣ вкладчицы въ Великій пятокъ тѣмъ дѣтямъ, которыя отличались въ ученіи и поведеніи и вносить на имена ихъ въ Сохранную Казну до выпуска изъ Дома.“	
1826 г.	
Губернская секретарша Лосева.	161
Деньги эти, по Высочайшей волѣ, назначены на четыре награды, при ближайшемъ выпускѣ, лучшимъ воспитанникамъ.	
Грекъ Зосима, на книги.	10
1827 г.	
Статскій совѣтникъ Яснопольскій, на книги.	200
Неизвѣстный, на книги.	25
Надворная совѣтница Леонтьева, на книги.	200
1828 г.	
Неизвѣстный, на книги.	25
Дѣйствительный статскій совѣтникъ Петрово-Соловова, на книги.	200
1729 г.	
Ольга Ивановна Чаплыгина.	5.000

(*) См. стр. 64.

	Рубл.
Деньги внесены были въ Сохранную Казну на имя одной двухлѣтней питомки и предоставлялись Дому въ случаѣ ея смерти. Питомка умерла въ 1832 г.	
Игуменъ Михаилъ Джуревскій, на книги.	300
1830 г.	
Тайный совѣтникъ Алексѣй Алексѣевичъ Акинѣевъ завѣщаль.	5.000
Высочайше повелѣно: „сумму сію причислить къ капиталу Повивальнаго Института.“	
1836 г.	
Вдова корнета Александра Звегинцева завѣщала въ пользу обоихъ Воспитательныхъ Домовъ по	10.000
Московскій Опекунскій Совѣтъ, принимаясь къ волѣ завѣщательницы, обратилъ проценты на содержаніе въ Воспитательномъ Домѣ двухъ воспитанниковъ или воспитанницъ, которыхъ положено называть Звегинцовскими.	
Графъ Остерманъ для Воспитательнаго Дома, на награды.	100
1839 г.	
Мѣщанка Бочина, на книги.	100
Коллежскій совѣтникъ Старовъ, въ пользу Воспитательнаго Дома, завѣщаль	3.000
Это пожертвованіе Высочайше повелѣно употребить на денежные награды питомцамъ.	
1840 г.	
Оцѣщикъ Московской Ссудной Казны Щербининъ годовое свое жалованье (*).	600

(*) Эти деньги повелѣно присоединить къ капиталу на выдачу приданого питомкамъ. Такое же назначеніе дано и некоторымъ другимъ пожертвованіямъ, противу которыхъ въ текстѣ отмѣчено: на приданое. Нынѣ капитала на приданое питомкамъ Дома состоитъ 17.324 р.

Губл.
Вдова унтеръ-офицера Шкарина, на приданое. 200

1843 г.

Гречанка Деманжи, на приданое. 200

1844 г.

Правительствующій Сенатъ, согласно просьбъ фрейлины Е. А. Челищевой, опредѣлилъ взыскать съ одного лица, взятые имъ у г-жи Челищевой, деньги, и обратить оныя въ распоряженіе московскаго военнаго генералъ-губернатора на благотворительное употребленіе. За тѣмъ деньги, по желанію г-жи Челищевой, присланы въ Опекунскій Совѣтъ, для взноса пенсіонерской платы за одного питомца. Поступило въ пользу Дома (*). 908 р.

1846 г.

Гречанка Хаджи-Конста, на приданое. 500

1850 г.

По завѣщанію коллежской совѣтницы Варвары Александровны Клаузенъ, рожденной Луниной, отъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Андрея Васильевича Богдановскаго, на вѣчное время. 2.150

(*) Въ 1839 г. Высочайше повелѣно: всѣ капиталы благотворителей, назначенные на воспитаніе питомцевъ Дома, соединить вмѣстѣ, съ тѣмъ, чтобы по измѣнившемуся положенію и въ возможное соотвѣтствіе воли жертвователей, на проценты съ нихъ содержать въ Николаевскомъ Сиротскомъ Институтѣ сверхъ штата пенсіонеровъ сихъ благотворителей, изъ числа полусиротъ. Сюда отнесены капиталы, составлявшіе до 1 января 1859 года, слѣдующія суммы: 1.) Капиталъ княгини Голицыной, принцессы Гессенъ Гомбургской, дѣвнцы Кашкадажовой Ивана Логинова, князя Кантемира, Михаила Собакина и купца Щурова 106.606 р. 95 к.
2.) Капиталъ Кн. Куракина. 2.391 р. 41 к.
3.) Протоіерея Тимковскаго. 6.534 р. 24 к.
4.) Г-жи Звегинцевой 3.458 р. 02 к.
5.) Фрейлины Челищевой. 934 р. 80 к.

Сумма всѣхъ сихъ капиталовъ въ докладѣ Совѣта означена въ 138.889 р 42 к., а нынѣ по непрерывно-доходному билету ихъ числится 163.796 руб. 2-го мая 1863 года Высочайше повелѣно: проценты съ сего капитала впредь до возможности открытія на нихъ пенсіонерскихъ вакансій обращать вообще на содержаніе Воспитательнаго Дома, вслѣдствіе чего сократится цифра пособія, отпускаемаго сему заведенію изъ суммъ вѣдомства.

Рубл.
На эти деньги учреждена пенсіонерская вакансія имени г-жи Клаузенъ, въ Московскомъ Николаевскомъ Сиротскомъ Институтѣ (*).

1851 г.

Коммерціи совѣтникъ Маркъ, на приданое. 85

1852 г.

Штабсъ-капитанъ Григорьевъ, для содержанія бѣдныхъ благородныхъ дѣвицъ. 100

19 января Высочайше повелѣно: сумму сію присоединить къ капиталу, отчисленному для содержанія процентами оберъ-офицерскихъ сиротъ женскаго пола при Московскомъ Воспитательномъ Домѣ. Нынѣ это пожертвованіе въ суммѣ 134 р. состоитъ особымъ капиталомъ.

1853 г.

По смерти начальницы Николаевскаго Сиротскаго Института фонъ-Цеймернъ, осталось „экономической суммы“ 1700 р. Начальство Московскаго Воспитательнаго Дома, въ память достойной начальницы, ходатайствовало обратиться эту сумму въ неприкосновенный капиталъ и, усиливъ ее до 2143 р. сборомъ добровольныхъ приношеній, на проценты съ сего капитала воспитывать постоянно въ Институтѣ одну дѣвицу, подъ пазваніемъ „пенсіонерки бывшей начальницы фонъ-Цеймернъ.“ Ихъ Императорскія Величества, вполне раздѣляя общія воспоминанія долговременной примѣрной дѣятельности г-жи Цеймернъ, для пользы воспитывавшихся подъ руководствомъ ея сиротъ, изволили признать, что составленіе особаго капитала на содержаніе, въ память ея, одной пенсіонерки, дѣйствительно будетъ справедливымъ воздаяніемъ отличныхъ ея заслугъ; но вмѣсто сбора добровольныхъ приношеній, для пополненія недостающихъ 443 рублей Высочайше повелѣно: сумму эту отпустить изъ общихъ доходовъ Воспитательнаго Дома (*).

(*) Журн. Москов. Опек. Совѣта, 16 января 1856 года.

(*) Отношеніе статсъ секретаря А. Л. Гофмана къ князю Оболенскому, отъ 29 мая 1853 г.

1857 г.

Въ 1857 году, по случаю празднованія пятидесятилѣтняго юбилея службы князя С. М. Голицына въ званіи почетнаго опекуна, пожертвовано почетными опекунами обоихъ Совѣтовъ и главнымъ надзирателемъ Московскаго Воспитательнаго Дома. 3.400 р.

На эти деньги, съ Высочайшаго соизволенія, учреждена пенсіонерская вакансія имени князя въ Московскомъ Николаевскомъ Сиротскомъ Институтѣ.

1858 г.

По завѣщанію дочери маіора дѣвицы Елизаветы Ѳедоровны Спечинской. 84.000 р.

На эти деньги учреждены въ Московскомъ Николаевскомъ Сиротскомъ Институтѣ 4 пенсіонерскія вакансіи имени Спечинской.

1859 г.

Изъ числа завѣщанныхъ на благотворительное употребленіе бѣлгородскимъ купцомъ Иваномъ Алексѣевичемъ Сорокинымъ, отчислено въ неприкосновенный капиталъ Воспитательнаго Дома. 42.484 р.

Проценты съ сего капитала, по Высочайшему повелѣнію, записанному въ журналъ Московскаго Опекунскаго Совѣта назначены для вспоможенія родильницамъ и для награжденія воспитателей увѣчныхъ питомцевъ Московскаго Воспитательнаго Дома.

1861 г.

По завѣщанію доктора медицины статскаго совѣтника Александра Рябчикова предоставленъ Московскому Воспитательному Дому, въ пользу его воспитанниковъ и воспитанницъ, билетъ Московской Сохранной Казны 23 января 1851 года, суммою въ. 10.000 р.

1862 г.

Архимандритъ Троицкаго Каменецкаго монастыря, Сорить. 375 р.

8-го августа Высочайше повелѣно: „проценты

съ сей суммы присоединить къ 450 р., назначеннымъ по штату 1857 года, на ежегодную раздачу бѣднымъ милостыни въ память основанія сего заведенія.“—

БЛАГОТВОРИТЕЛЬ ДОМА ДЕМИДОВЪ.

Прокофій Акинѣевичъ Демидовъ, одинъ изъ главныхъ благодѣтелей Воспитательнаго Дома былъ внукомъ Никиты Демидова Антуфьева, который въ грамотѣ на пожалованіе ему дворянства, названъ Демидовымъ,—фамилією, перешедшею и къ его потомкамъ (*).

Сколько видно изъ старыхъ дѣлъ, первое отношеніе Демидова къ Воспитательному Дому было то, что онъ, по рѣшенію Сената, заплатилъ въ пользу Дома штрафъ (см. стр.42). Въ 1768 году Демидовъ, по своимъ вексялямъ, предоставилъ Опекунскому Совѣту, взыскать деньги съ князя Оболенскаго, за что уступалъ три процента со всей суммы—20 т. р.

Въ томъ же году, Демидовъ подарилъ Дому собраніе древнихъ монетъ, преимущественно русскихъ. Въ 1769 г., когда Опекунскій Совѣтъ не имѣлъ въ наличности денегъ, Демидовъ предложилъ свои 9.000 р., которые Совѣтъ и отдалъ взаймы князю Волконскому, подъ залогъ недвижимаго имѣнія.

Демидовъ путешествовалъ за-границей. Возвратясь оттуда, онъ въ письмѣ, отъ 12 августа 1771 г., изложилъ Бецкому свои благотворительныя намѣренія. Письмо это напечатано въ „Изданіи“ Бецкаго, 1774 г. (т. I. дополн., стр. 35 и слѣд.). Признавая, что учрежденіемъ Воспитательнаго Дома, Екатерина II „многія беззаконія и звѣрскія злодѣйства предупредила и отвратила“, и принимая за образецъ подобнаго заведенія въ чужихъ краяхъ, Демидовъ выразилъ „желаніе имѣть о несчастныхъ всякое попеченіе.“ Онъ обѣщалъ: 1. Начатое въ Москвѣ каменное строеніе Воспитательнаго Дома достроить по утвержденнымъ чертежамъ, своимъ иждивеніемъ, „для чего и чтобъ слѣдующій годъ втуне пропущенъ не былъ“, внесъ тогда же

(*) Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ И. В. Шереметевскимъ.

100 т. р. 2. Вспомоществовать открытію Ссудной Казны. 3. Внести сумму на открытіе Родильнаго Госпиталя при С.Петербургскомъ Воспитательномъ Домѣ. 4. „На основаніи Генеральнаго Плана и привилегій Дома не переставать оказывать благотворенія и услуги во вѣки, доколѣ могъ пользоваться преимуществами и защищеніемъ Дома.“

Госпиталь въ С.Петербургѣ не былъ открытъ за „маломѣніемъ“ собираемой суммы; Демидовъ 2 сентября прислалъ 20 т. р., съ просьбою открыть Госпиталь. Желаніе Демидова было исполнено и надъ дверями Госпиталя при входѣ на мраморной доскѣ сдѣлана надпись: „Госпиталь для родильницъ, отворена челоуѣколюбіемъ Господина Прокофія Акинфіевича Демидова въ 1-й день Октября 1771 года.“

Бецкой, извѣщая Опекунскій Совѣтъ о благотвореніяхъ Демидова писалъ: „такова благодѣтеля мы не только въ сообщество свое въ силу генеральнаго плана принять, но отмѣнно почтить, защищать во всякихъ случаяхъ и весьма чувствительно благодарить должны, и портретъ его въ залѣ Совѣта поставленъ быть имѣеть.“ На счетъ строенія Бецкой въ томъ же письмѣ проситъ: „дабы время втунѣ не потерять всѣ приготовленія начинать, и какъ нынѣшнія въ Москвѣ сумнительства (касательно распространенія моровой язвы) утихнутъ, то работниковъ къ рытью рововъ и прочимъ работамъ нанимать, и какъ строить должно въ будущемъ лѣтѣ корделожъ и прочее строеніе, оному учиня всѣ потребныя чертежи ко мнѣ прислать.“ Вслѣдъ за тѣмъ Бецкой прислалъ полученныя отъ Демидова ассигнацію на англійскаго купца Томсона въ 60 т. р., два векселя, одинъ въ 4 т. р., а другой въ 3.090 р. съ протестами ихъ и закладную отъ графа Сергѣя Навловича Ягужинскаго въ 8 т. р.“—Бецкой присовокупилъ, что портретъ Демидова онъ заказалъ. Объ открытіи Госпиталя публика была извѣщена особыми печатными объявленіями; а Демидову, при посѣщеніи имъ Воспитательнаго Дома, 20 апрѣля 1772 г., Опекунскій Совѣтъ поднесъ золотую медаль и благодарственное свидѣтельство. Это свидѣтельство находится нынѣ въ портретной галлерей Дома. Оно писано

на пергаментѣ: украшено миниатюрною живописью, за которую въ то время было заплачено 50 рублей академику Козлову.

По этому же поводу, по распоряженію Опекунскаго Совѣта, напечатаны въ газетахъ плохіе вирши, подъ заглавіемъ: „*Выписька къ жилицу Прокофія Акинфіевича Демидова.*“

Опекунскій Совѣтъ, въ 1772 г., писалъ Бецкому: „Сверхъ всякаго чаянія достойный всякаго прославленія и неумолкаемой благодарности Дворянинъ и Воспитательнаго Дома чрезвычайный Благодѣтель Прокофій Акинфіевичъ Демидовъ, будучи 23 октября въ собраніи Опекунскаго Совѣта, подарилъ Воспитательному Дому собственный свой каменный домъ.“ Домъ этотъ находился на Донской улицѣ, въ приходѣ церкви Ризъ Положенія. Демидовъ самъ жилъ въ этомъ домѣ.

Въ томъ же году, Демидовъ письменно извѣдилъ Бецкому желаніе завести на своемъ иждивеніи Коммерческое Училище, и опредѣлилъ вѣчный капиталъ на содержаніе ста мальчиковъ изъ купеческихъ дѣтей—205.000 р. Планъ „Воспитательнаго Училища изъ купеческихъ дѣтей для Коммерціи“ съ докладами Бецкаго о пожертвованіи Демидова и Коммисіи, разсматривавшей Планъ, Высочайше подтверждены 6 декабря 1772 г. Коммисія „подвергала и виновника полезнаго учрежденія“ особенному Монаршему воззрѣнію и милости. Въ тотъ-же день данъ именной указъ Сенату о пожалованіи дворянина Прокофія Демидова въ статскіе совѣтники.

Благотворенія Демидова Воспитательному Дому нисколько не доказываютъ добрыхъ отношеній его къ Опекунскому Совѣту: были частыя размолвки. Въ 1769 г., 3 января Демидовъ, узнавъ, что Совѣтъ крайне нуждается въ деньгахъ, обѣщалъ дать взаймы 20.000 рублей;—но вмѣсто денегъ онъ, въ іюлѣ, прислалъ въ Совѣтъ четыре скрипки, по числу его членовъ—князей Гагарина и Голицына и г.г. Вырубова и Умскаго.

Демидовъ, по своенравію, всѣмъ былъ недоволенъ. Постройку Корделожи онъ хотѣлъ вести по собственному усмотрѣнію, не подчиняясь Экспедиціи строенія; въ строители взялъ титулярнаго совѣтника Ананьева, котораго въ

официальных бумагах называлъ „Ананьевичемъ,“ и самъ входилъ съ жалобами къ Бецкому; обѣщанныя же пожертвованія вносилъ съ большими задержками. Изъ бумагъ, относящихся къ 1772 г., ясно, что въ счетъ денегъ, слѣдующихъ на строеніе, Демидовъ передалъ Совѣту свою претензію на заводчика Попова, суммою въ 23.961 р. 71¹/₂ к. Совѣтъ взялъ закладную на заводы Попова. Наличными Демидовъ внесъ было только 60.000 р., но потомъ взялъ ихъ обратно.

Желая прекратить эти неудовольствія, Бецкой, въ 1774 году, отдалъ Экспедицію строенія въ полное распоряженіе Демидова и всячески старался сохранить добрыя съ нимъ отношенія. Не только въ дѣлахъ, касавшихся строенія и устройства Коммерческаго Училища, но и въ другихъ Бецкой просилъ опекуновъ ничего не дѣлать безъ предварительныхъ совѣщаній съ Демидовымъ.

Вопросъ объ устройствѣ аптеки и Загороднаго Двора былъ рассмотрѣнъ сообща съ Демидовымъ. Въроятно по этому поводу и сочинена имъ пространная и до чрезвычайности оригинальная инструкція скотнику и коровницамъ Загороднаго Двора.

Но вниманіе, какое оказывалось Демидову, не всегда достигало цѣли. Вотъ что, 31 января 1773 г., Демидовъ писалъ въ Совѣтъ: „Вчерашній день я получилъ писанную отъ 25 Января 1773 года отъ Главнаго Попечителя Его Высочайшаго Превосходительства Ивана Ивановича Бецкаго копію, а оригинальное въ высокопочтенный Совѣтъ послано, въ которой копіи велѣно меня допросить. Для чего почтено прошу пожаловать ко мнѣ, ежели непротивно, назначить день: я бы велѣлъ рыбки да блинковъ изготовить, а вы бы пожаловали пріѣхали покушали, а тамъ бы меня допросили, или по достоинству моему и далѣе училили, на что съ почтеніемъ моимъ ожидать буду повелѣнія.“ — За тѣмъ отъ Демидова подано было въ Совѣтъ представленіе, подъ заглавіемъ:

„Отъ колодника Государственной Юстицъ-Коллегіи Прокофія Демидова покорнѣйшее извѣстіе.“ О такихъ странностяхъ Демидова Совѣтъ „съ прискорбіемъ“ увѣдомлялъ Бецкаго.

Въ 1775 г., 6-го февраля, Бецкой писалъ въ Совѣтъ: „Объ отпускѣ жъ каменнаго мастера въ такой силѣ, я писалъ и къ Прокофію Акинѣевичу, что буде пыпѣшняго ему хочется уволить, то состоитъ въ его волѣ; но какъ необходимо будетъ надобно мнѣ пріиславъ искуснаго въ томъ дѣлѣ человека прислать другаго дабы такое зданіе, какъ въ Воспитательномъ Домѣ производится, не могло оставаться, да и ни коимъ образомъ не можно обойтись, чтобъ не былъ хорошій каменный мастеръ и на котораго бы по извѣданному же искусству нельзя было положиться; ибо безъ того мы современемъ много претерпѣть будемъ принуждены отъ невоображаемаго вреда и во всемъ построеномъ зданіи, какъ порчу, такъ и большой убытокъ, или же и совсѣмъ разрушеніе; и такъ когда уже неотмѣняемымъ его намѣреніе будетъ чтобъ уволить, то и аттестатъ прістойной по службѣ, поведенію и трудамъ соотвѣтственной, надлежитъ быть данъ.“

При взносѣ Демидовымъ въ Совѣтъ капитала, назначеннаго для Коммерческаго Училища, вышло недоразумѣніе въ лажѣ и по этому случаю Бецкой замѣчалъ Совѣту, что въ дѣлахъ съ Демидовымъ нужно было бы остерегаться и имѣть предусмотрительность.

Въ письмѣ, отъ 11 мая 1778 года, Бецкой сообщилъ Совѣту о своемъ докладѣ Императрицѣ дѣла Демидова съ Сахаровымъ, приложивъ и копію съ даннаго повелѣнія, въ надеждѣ, что „Опекунскій Совѣтъ не оставитъ ходатайствомъ своимъ и просьбою гдѣ надлежитъ, о всегдашнемъ Дому благодѣтелѣ стараніе употребить, дабы съ желаемою во удовольствіе его пользою могла рѣшимость произведена быть.“ Дѣло состояло въ томъ, что Демидовъ продалъ въ 1772 г. свои деревни бывшему при Государынѣ камердинеру Александру Игнатьевичу Сахарову и вмѣсто уплаты взялъ векселя, по которымъ Сахаровъ обязывался уплатить Демидову въ 6 лѣтъ 151 т. р. При наступленіи срока платежа въ 1778 году Сахаровъ тайно продалъ деревни за 10 т. р. брату своему владимірскому провинціальному прокурору Семену Игнатьевичу Сахарову. По докладу Бецкаго, Императрица повелѣла генералъ-маіору Архарову и президенту

Главнаго Магистрата Дурасову разобрать споръ „по справедливости безъ продолженія.“ Изъ списка приношеній, составленнаго въ прошедшемъ столѣтїи, видно, что изъ спорныхъ между Демидовымъ и Сахаровымъ денегъ уступлено Дому 11.493 р. и въ этой суммѣ Опекунскимъ Совѣтомъ взята съ Сахарова закладная на домъ его въ Москвѣ.

Но въ томъ же 1778 г., 17 августа, Московскій Опекунскій Совѣтъ просилъ у Бецкаго „защиты отъ причиняемыхъ ему Демидовымъ огорченій и обидъ, при распространенїи имъ сомнительныхъ толковъ, на счетъ справедливости и честности членовъ Совѣта;“ а 6 іюня 1780 г. Совѣтъ доносилъ Бецкому, что „Демидовъ крѣпко настаиваетъ установить медаль особую для раздачи при экзаменѣ отличившимся воспитанникамъ Коммерческаго училища, которой и рисунокъ показывалъ въ Совѣтѣ: на одной сторонѣ портретъ Императрицы Екатерины, а на другой надпись: *училище основано Прокофѣемъ Демидовымъ*, въ противность Высочайше конфирмованнаго плана.“

Тѣмъ не менѣе Бецкой ублажалъ Демидова всякими почестями. По его заказу, написанъ академикомъ Левицкимъ портретъ Демидова во весь ростъ; заплачено 400 р.

Въ 1800 году, Рожжети дѣлалъ мраморный бюстъ Демидова; цѣна бюста была 500 рублей; а въ слѣдующемъ году отлить бюстъ бронзовый, за 200 рублей.—Но и здѣсь не обошлось безъ неудовольствїй со стороны Демидова.—С.Петербургскій Опекунскій Совѣтъ, исполняя приказаніе Бецкаго, отъ 5 февраля 1781 г., сообщилъ Московскому, чтобы бюсты Демидова мраморный и бронзовый показать ему, съ тѣмъ, чтобы онъ выбралъ для себя одинъ изъ нихъ. Но изъ отношенія С.Петербургскаго Опекунскаго Совѣта отъ 16 марта видно, что Демидовъ бюста не принялъ. Московскій Опекунскій Совѣтъ, 8 апрѣля, послалъ къ Бецкому такой отзывъ Демидова:

“Отъ Московскаго Воспитательнаго Дома объявлено мнѣ писанное въ мартѣ изъ С.Петербургскаго Дома, чтобы я отъ Господъ Опекуновъ взялъ бюстъ и за оное приношу низжайшую благодарность, а паче за милость Его

Высокопревосходительства Ивана Ивановича Бецкаго. Въ третьемъ году, какъ я былъ въ Питерѣ у Ивана Ивановича при мнѣ сдѣланъ гипсовой бюстъ, а сказывалъ онъ, что многимъ мраморные дѣлаются и потому мнѣ не надобно; о чемъ съ моею благодарностію хошь сіе, хошь напишите высокопочтенному Опекунскому Совѣту, а паче Иванъ Ивановичъ въ оное не входитъ и ко мнѣ не пишетъ: какой изъ того планъ сдѣлать хочеть? Для того ли, что живущій мой домъ, по смерти моей считается будетъ къ Воспитательному Дому? я же скоро умру и объ этомъ Его Высокопревосходительству сказывалъ. Онъ смѣялся: кто прежде умреть? И такъ съ высокопочитаніемъ и съ моею преданностію остаюсь всегда готовымъ.“

По указу 1765 г. матеріалы изъ разобранной городской стѣны отданы по равнымъ частямъ Воспитательному Дому и Арсеналу. Демидовъ, взявшій на свою обязанность строеніе Дома, позаимствовался матеріалами, принадлежавшими Арсеналу. Воспитательный Домъ за возвращеніе матеріаловъ поручился и самыя матеріалы перевозилъ на свой счетъ. Но при требованїи строителемъ Арсенала генераломъ Бауеромъ этого матеріала, не обошлось безъ неприяностей (*).

Бецкаго не могло не озабочивать то обстоятельство, что у Демидова постройки затянулись. Въ письмѣ къ оберъ-директору Гогелю, отъ 19-го мая 1780 года, Бецкой поручаетъ ему убѣдить Демидова, чтобы въ архитектуры взялъ Бланка, который выстроилъ Квадратъ; самому Демидову—продолжаетъ Бецкой,—выгоднѣе употребить художника знающаго нежели молодаго и не опытнаго человѣка, который при такихъ обширныхъ работахъ можетъ вовлечь его въ бесполезныя издержки, заставивъ его передѣлывать, что съ самаго начала будетъ дурно направлено или худо исполнено; если,—писалъ Бецкой,—вы уговорите его взять Бланка, то вамъ удобно будетъ наблюдать за постройками, а въ прочемъ, не надождайте Демидову, будьте къ нему по возможности внимательны, и не

(*) Письмо Бецкаго въ Моск. Опекун. Сов., отъ 18 декабря 1779 г.

оглашайте того, что я Вамъ пишу; пусть Демидовъ и не подозрѣваетъ, что я Вамъ писалъ.“ Въ припискѣ Бецкой еще поясняетъ Гогелю: „хотя я и прошу Васъ рекомендовать архитектора Бланка, но вѣроятно, Бланкъ самъ не возьмется за строеніе, а кого нибудь порекомендуетъ. Тогда уже не входите въ дѣло, а предоставьте дѣйствовать Демидову.“

Въ октябрѣ 1781 г., секретарь Бецкаго Княжнинъ писалъ Гогелю: „такъ какъ нѣтъ средствъ побудить Демидова къ исполненію обѣщаннаго имъ, то дѣлать тутъ нечего, пусть слѣдуетъ совѣтамъ тѣхъ людей, которымъ онъ вѣритъ слѣпо.“

Не смотря однако на явную неисправность Демидова, Бецкой продолжаетъ поступать съ нимъ очень деликатно. Въ письмѣ къ Гогелю, отъ 24 мая 1783 г., онъ очень сожалѣетъ, „что съ Демидовымъ поступлено по приказному порядку, къ чему онъ ни мало не привыкъ, и терпѣть не можетъ. Если онъ иногда въ словахъ своихъ не воздерженъ бываетъ, то ужь обыкновенно всѣ, вмѣстѣ того, чтобъ тѣмъ огорчаться, только смѣются и предають забвенію. Зная Ваше благоразуміе и представляя себѣ, что онъ еще быть можетъ полезенъ для Дома, прошу какъ Васъ, такъ и прочихъ Вашихъ сотоварищей переимѣнить прежніе противъ него поступки, которые его отвращаютъ.“

Къ числу построекъ, взятыхъ на себя Демидовымъ, относился и Родильный Госпиталь. Поэтому, когда Родильный Госпиталь при С.Петербургскомъ Воспитательномъ Домѣ, съ „учрежденнымъ при немъ училищемъ повивальнаго искусства и операторства“ поступилъ на иждивеніе Бецкаго, то С.Петербургскій Опекунскій Совѣтъ, въ 1784 году, по приказанію Бецкаго, снялъ съ своего Родильнаго Госпиталя доску объ учрежденіи его Демидовымъ, и переслалъ ее въ Москву „для поставленія надъ Московскимъ Госпиталемъ.“

Въ 1786 году Опекунскій Совѣтъ относился къ Демидову о томъ, что „кровля надъ Корделожи не чинится, отъ чего въ продолженіе многихъ лѣтъ происходитъ течь.“

Въ тоже время, усматривая что въ силу мани-

феста отъ 28 іюня, велѣно производить на капиталы, обращавшіеся въ Сохранной Казнѣ вмѣсто 6% только 5%; капитала же Демидовскаго Училища было тогда 315.009 р. 48¹/₂ к. Совѣтъ просилъ Демидова, чтобы онъ для „славолюбія своего въ пользу своихъ воспитанниковъ прибавилъ еще 60 т. р., такъ, чтобы прибыль составляла 18 т. р., слѣдовавшіе на годовое ихъ содержаніе.“ Демидовъ не только не отвѣчалъ на это предложеніе, но и отказался отъ постройки зданій Воспитательнаго Дома. По этому поводу Бецкой писалъ Совѣту 29 марта: „А какъ Прокофій Акинфиевичъ Демидовъ обязался на свой счетъ докончить всѣ строенія, то по полученіи сего во первыхъ начать должно тѣмъ чтобы почтенный Совѣтъ отписалъ къ нему, намѣренъ ли онъ исполнять свое обѣщаніе о коемъ не только здѣсь но и въ чужихъ краяхъ опубликовано въ печати и притомъ просить его чтобъ онъ письменно же отвѣчалъ Совѣту, дабы намъ не теряя времени, если онъ откажется, можно было начать самимъ, то что онъ для своей славы въ пользу Дома сдѣлать не хотѣлъ.“

Посылая копію съ объясненія Демидова въ Совѣтъ, Бецкой писалъ 15 мая: „Какъ изъ онаго вы увидите изволите, что онъ отказывается отъ обѣщаннаго имъ, изображая подробно все сдѣланное въ пользу Воспитательнаго Дома, то прошу васъ изчислить во первыхъ сколько, за долговременно продолжавшеюся отстройкою корделожи, Домъ потерпѣлъ убытку, за перестройки и переправки деревянныхъ связей, гдѣ помѣщались разныя Дому принадлежація люди и за прочія издержки, которыхъ бы не было есть ли бы вмѣсто 10-ти лѣтъ строеніе въ три года кончилось, что весьма было бы возможно. Также сколько въ оное употреблено нашихъ собственныхъ матеріаловъ, а при томъ ежели по осмотру, о которомъ отъ меня писано найдется, что корделожи можетъ устоять, то сколько надобно будетъ употребить еще на него для исправленія кровли, строилъ, подъѣзда, сѣней, лѣстницы и прочаго, что передѣлать должно будетъ; во вторыхъ сколько употреблено имъ на упоминаемыя въ его письмѣ подѣлки какъ то на ограду, на оранжерею, на засыпку будто бы половины Воспитательнаго

Дома землю, на каналъ со сводами, на сдѣланіе противъ родильной и крестной дворинокъ и на все прочее въ его письмѣ изображенное и по сдѣланіи о всемъ томъ подробнаго исчисления, прошу оное ко мнѣ прислать, дабы я въ случаѣ какихъ противныхъ поступковъ въ оправданіе Воспитательнаго Дома и къ опроверженію его жалобы могъ принять мои мѣры.“

Перечислимъ (*) постройки Демидова:

- 1) Ограда по проспекту на протяженіи 124 саж. съ обѣихъ сторонъ и около дворинокъ Родильнаго Госпиталя и Крестовой; по оцѣнкѣ архитектора Бланка на 5 т. р.
- 2) Оранжерея о двухъ этажахъ со сводами, въ 11 т. р.
- 3) Въ ямѣ, находившейся противъ оранжереи, сдѣланъ прудъ и обложенъ бѣлымъ камнемъ,—на 1.000 р.
- 4) На готовомъ фундаментѣ поставленъ Родильный Госпиталь и Крестовая,—на 14 т. р.
- 5) Корделожи о 5 этажахъ съ подъездомъ и со всею отдѣлкою—на 170.609 р. Итого всего построено на 201.609 руб. Забрано Демидовымъ матеріаловъ, принадлежащихъ Воспитательному Дому на 80.486 р. 75 к.,—изъ Артиллерійской Конторы до 35.000 руб.

Но и при неудовольствіи на Демидова, Бецкой воздавалъ ему должную справедливость. При выпускѣ изъ Коммерческаго Училища, въ іюль 1786 г., Бецкой, черезъ Московскій Опекунскій Совѣтъ, прислалъ отъ своего имени Демидову выбитую, по этому случаю, золотую медаль. Медаль не застала Демидова въ живыхъ и отдана была его наслѣднику. Бецкой былъ очень доволенъ этимъ распоряженіемъ.

Желая кончить дѣло съ наслѣдниками Демидова, 12 ноября, онъ писалъ Совѣту: „Съ домомъ его надо поступить такъ, какъ было сдѣлано еще при жизни его, то есть, какъ съ своею принадлежностію. Сверхъ того покойникъ долженъ намъ за употребленные имъ наши матеріалы, равно и за взятые изъ артиллеріи, за поручительствомъ Совѣта; поэтому надо сдѣлать расчетъ того и другаго, но дѣло это окончить тихо, спокойно и дружелюбно

(*) Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ нап. сов. П. В. Шереметевскимъ.

съ обѣихъ сторонъ, чтобы не произошло какой огласки, предосудительной для Дома. Можно добровольно склонить наслѣдника, представя ему благосклонно справедливость нашихъ требованій, противъ которыхъ ничто не поможетъ. Если же бы онъ сталъ настаивать на неисполненіи того, что долженъ его отецъ, то объявить ему, что онъ можетъ всего лишиться, потому что у насъ въ рукахъ неопровержимыя доказательства; напротивъ въ полюбовной сдѣлкѣ могутъ быть оказаны ему всевозможныя снисхожденія; и что будетъ положено, о томъ сообщить здѣшнему Совѣту и мнѣ, объявляя и наслѣднику.“ Встрѣченный Совѣтомъ по этому случаю недоразумѣнія, Бецкой объяснилъ въ письмѣ, отъ 27 числа: „можетъ быть не внятно показалось вамъ мое письмо отъ 12 числа Ноября, котораго сила состояла въ томъ, чтобы по нашимъ претензіямъ на покойномъ Демидовѣ съ его наслѣдниками раздѣлаться въ освобожденіи себя отъ поручительства въ Артиллеріи и по забраннымъ имъ у насъ матеріаламъ тихо, миролюбиво и безъ всякаго предосудительнаго разбора; имъ въ случаѣ нужды можно бы сказать, что и домъ его останется за нами, если принуждены будемъ воспользоваться правами, которыя мы имѣемъ; а сверхъ того по вѣрнымъ расчетамъ, какъ то и вамъ извѣстно, могутъ выйти многія другія основательныя претензіи: но все сіе образомъ дружелюбія и съ осторожностію окончить употребляя разныя посредства чрезъ себя и чрезъ постороннихъ; дабы съ непотеряніемъ принадлежащаго Воспитательному Дому сохранить его честь, и не допустить ни до малѣйшаго безславія. Вотъ въ чемъ состояла моя мысль; а какъ сіе сдѣлать, зависитъ отъ вашего благоусмотрѣнія и искусства, поступать такимъ образомъ, чтобы наслѣдники не имѣли никакой причины къ жалобамъ.“ Въ апрѣль 1787 г. Бецкой, все еще надѣясь окончить съ наслѣдниками Демидова миролюбиво, писалъ Совѣту: „почитая послѣднимъ способомъ приступить судебнымъ порядкомъ къ изысканію себѣ удовольствія отъ наслѣдниковъ покойнаго Господина Демидова, я думаю для прекращенія сего миролюбиво, не послужитъ ли посредство Его Пре-

восходительства Петра Дмитриевича Еропкина. И для того при семъ препровождаю къ нему письмо, съ котораго для свѣдѣнія вамъ копію сообщаю. Я надѣюсь, что оное и съ нимъ вмѣстѣ запечатанные печатные планы Воспитательнаго Дома съ прочимъ кто нибудь изъ Господъ Членовъ приметъ на себя трудъ ему самолично вручить, дабы тѣмъ какъ такому достойному градопачальнику оказать почтеніе, такъ и въ случаѣ нужды подать ему достаточныя по сему дѣлу на словахъ изъясненія. О томъ же писалъ я и Князю Александру Михайловичу прося его употребить свое ходатайство по долгу званія почетнаго благотворителя.“

Посредничество Еропкина и кн. Голицына, вѣроятно, не имѣло успѣха, потому что Бецкой писалъ Еропкину другой разъ (*): „не взирая на снисхожденіе къ наслѣдникамъ Прокфья Акифѣевича Демидова отъ Воспитательнаго Дома хотѣвшаго лутче съ потеряніемъ собственнаго прекратить тяжбы хлопоты, въ которыхъ бы они безъ сомнѣнія въ разсужденіи ихъ несправедливости проиграли, теперь кажется, что своими безразсудными требованіями, они хотятъ принудить помянутый Домъ поступить съ ними не съ обыкповеннымъ ему челоѡколюбіемъ; не довольствуясь что ихъ освобождаютъ отъ окончанія строенія по обязательству ихъ отца обнародованному въ печати и уступаютъ его домъ, который онъ при жизни своей отдалъ, требуютъ они еще чтобъ изъ числа 132.711 рублей отданныхъ отцемъ ихъ за забранныя Воспитательнаго Дома матеріалы 60.000 рублей, за оставленіемъ съ ихъ стороны исключая мачиху ихъ 39.533 р. Но какъ сверхъ забранныхъ покойнымъ Демидовымъ на его счетъ изъ Артиллерійской Капцеляріи на 34.774 руб., за которые Воспитательный Домъ по смерти его платитъ обязанъ, взялъ онъ матеріалы и сего дома на свой же счетъ въ 1772-мъ году на 80.486 руб. съ обѣщаніемъ въ скорости заплатить сію сумму, но вмѣсто того отбивая разными отговорками отъ пла-

(*) Копія съ этого письма сообщена была Гоголю Княжичнымъ 20 декабря 1787 г., частнымъ образомъ.

тежа оставался онъ долженъ безъ всякой пользы каковую бы Домъ приобрѣсть могъ, если бы имъ была сія сумма внесена въ свое время, почему и должно положить на сей капиталъ считая отъ 1772-го по 1781, то есть по полученіи съ Яковлева 132.711 рублей, проценты которыхъ выходятъ 72.100 рублей, съ капиталомъ же составитъ всего 152.586 рублей; къ чему прибавя упоминаемые артиллерійскіе матеріалы 34.774 рубля всего за матеріалы 187.350 рублей слѣдовательно по сему одному отъ нихъ донять надлежало бы 55639 руб: а какъ за долговременною отстройкою корделожи, которую десять лѣтъ покойный Демидовъ продолжалъ, дабы, употребленіемъ своихъ крестьянъ вмѣсто наемныхъ каменщиковъ работа сего зданія ему ничего не стоила, а между тѣмъ Воспитательный Домъ на выстройку и переправку деревянныхъ связей для помѣщенія разныхъ служителей издержалъ 35.000 руб. по окончаніи же сего корделожи по притчинѣ оказавшихся многихъ трещинъ и другихъ непрочностей прошедшаго лѣта на поправленіе онаго издержано 40.000 рублей, а сверхъ того окружное по длинѣ на пятидесяти шести саженьяхъ строеніе, которое покойнымъ ихъ отцемъ было выстроено и по дурному фундаменту вовсе развалилось, такъ что при жизни его по собственному его признанію негоднымъ почтено, на перестройку онаго 56.156 руб: итого Воспитательный Домъ претерпѣлъ безвозвратнаго убытка 188.805 руб., чего бы не было, еслибы покойный Демидовъ заплатилъ вскорости за упоминаемые матеріалы равно и отстроилъ бы по обязательству своему корделожи въ три года вмѣсто десяти лѣтъ, который уже развалился бы совсѣмъ еслибы помянутымъ для Дома убыточнымъ поправленіемъ подкрѣпленъ не былъ. Ваше Высокопревосходительство изъ толь явныхъ причинъ изволите усмотрѣть что Воспитательный Домъ имѣетъ неоспоримое право за всѣ таковыя убытки требовать по справедливости удовольствія отъ помянутыхъ наслѣдниковъ: ибо еслибы отецъ ихъ сего зданія выстроить не обязался и взирая только на свои пользы а не на **выгоды** Дома не упустилъ бы тогдашняго удобнаго времени, въ которое матеріалы несравненно де-

шевле нынѣшняго были, то все сіе строеніе и безъ малѣйшей его помощи Дому гораздо бы дешевле обошлось, нежели какъ оно теперь стоитъ въ разсужденіи перестроекъ и поправокъ онаго. Почему и слѣдуетъ, что нынѣшнее требованіе дѣтей его не только никакова основанія не имѣетъ но и показываетъ безстыдное притязаніе чужова, не говоря уже о помраченіи памяти родительской неисполненіемъ его торжественнаго и не только Россіи но и всей Европѣ объявленнаго обязательства за полученные имъ отъ Дома важныя одолженія. Я еще въ послѣдній разъ обращаюсь къ принятому вашей добродѣтели посредству по сему дѣлу, прося покорно единственно въ разсужденіи только того, чтобы Воспитательный Домъ не могъ быть принужденнымъ противъ обыкновенныхъ своихъ обращеній, основанныхъ всегда на одной кротости, быть вреднымъ помянутымъ наслѣдникамъ, привести ихъ въ чувствіе, чтобы они соображая всѣ снисхожденія, которыя имъ Воспитательный Домъ намѣренъ оказать, даже съ ущербомъ своимъ, пришли въ разсудокъ для собственныхъ же своихъ пользъ и оставили бы нескладныя требованія; въ противномъ же случаѣ, буде они продолжать неблагодарность свою тогда Воспитательный Домъ почтетъ себя обязаннымъ взыскать по своимъ привиллегіямъ съ помощію правосудія, возвращенія всѣхъ вышеизображенныхъ убытковъ и сверхъ того предать ихъ предосужденію чрезъ объявленіе въ печати ихъ поступокъ несходный ни съ честью ни съ совѣстію.“

Дополненіемъ выведенныхъ Бецкимъ разсчетовъ, служить выписка изъ списка благотворителей 1787 года, гдѣ подъ апрѣлемъ 1783 г. сказано: „въ бухгалтерскихъ книгахъ хотя и показано въ прибыльномъ счетѣ отъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Прокофія Акинѣевича Демидова, по претензіямъ его на Коллежскаго Ассесора Савву Яковлева получено 132.711 р. 18³/₄ к., но какъ весь оный искъ отданъ отъ него Дому въ намѣреніи чинимаго платежа за забранные имъ изъ принадлежащихъ Московскому Дому матеріалы, посему и полагается не подаваніемъ а заплатаю долга.“ Объявленная сумма принята въ С.Петербургскомъ

Совѣтѣ февраля 24 и 26 числа 1781 года и какъ изъ опредѣленія его видно, слѣдуетъ донять по той же претензіи и по тогдашнему разсчету еще болѣе 50.000 руб.“

Относительно дома Демидова, наслѣдники подали въ Опекунскій Совѣтъ, въ январѣ 1787 г., объявленіе, что земля подъ домомъ, который былъ отданъ ихъ отцомъ временно на воспитаніе младенцевъ, принадлежитъ ихъ матери. Далѣе они писали, что отецъ ихъ еще въ 1785 г. просилъ Бецкаго о возвращеніи ему того дома и что Совѣтъ, по смерти Демидова, обѣщаль домъ возвратитъ.

Наконецъ, 13 марта 1788 г., сыновья Демидова, лейбъ-гвардіи прапорщики Акакій, Левъ и Аммосъ Прокофьевичи, сдѣлали съ Московскимъ Опекунскимъ Совѣтомъ, но денежнымъ претензіямъ на отца ихъ, окончательный расчетъ, предоставивъ Воспитательному Дому изъ принадлежавшихъ отцу ихъ по векселю заводчика Яковлева 132.700 р. всѣ свои три части, т. е. 99.535 руб. съ процентами, съ прекращеніемъ уже за тѣмъ всѣхъ требованій съ нихъ по этому иску. Но дѣло со вдовою Демидова, Татьяной Васильевной, продолжалось. Совѣтъ считалъ на ней долгу 47.201 р. 49 к.; по неудовольствію Совѣта на рѣшеніе этого дѣла Московскимъ Уѣзднымъ Судомъ, оно отослано было въ Верхній Земскій Судъ. Въ 1794 г. Сенатъ указалъ (*) Московскому Губернскому Правленію передать дѣло въ искъ казенныхъ дѣлъ стряпчему.

На докладѣ (*) Московскаго Опекунскаго Совѣта 1799 г., о долговой претензіи на часть вдовы Демидова, Императрица Марія Теодоровна соизволила написать: „Вдова благотворителя Дома должна очищена быть и выключить сей долгъ изъ описи.“—Когда же Опекунскій Совѣтъ донесъ Императрицѣ, что пособіемъ главнокомандовавшаго тогда въ Москвѣ генерала П. Д. Еропкина, дѣти Демидова примирены съ Совѣтомъ, но жена его уклонилась отъ примиренія, то Государыня приказала подать апел-

(*) См. стр. 6.

(*) Изъ записки, сообщенной П. В. Шереметевскимъ

ляцію въ Сенатъ. Прошеніе подалъ стряпчій Федосѣевъ.

Въ 1800 году, на докладной запискѣ Московскаго Опекунскаго Совѣта, о взысканіи съ вдовы П. А. Демидова, по обязательствамъ мужа на 4-ю часть, 47.201 р. 49 к., Императрица Марія Ѳеодоровна изволила написать: „сіе дѣло полюбнымъ образомъ окончено будетъ.“— И дѣйствительно Государыня, убѣдивъ вдову Демидову къ примиренію, за полученіемъ Опекунскимъ Совѣтомъ слѣдовавшихъ съ заводчика Яковлева по векселю 132.000 р., прислала

ей 1.000 р. и брилліантовый перстень, прекративъ и дѣло о взысканіи съ нея 47.000 рублей. Въ маѣ мѣсяцѣ того же года, Демидова во всеподданнѣйшемъ прошеніи Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, объяснивъ, что выдаетъ внуку свою Анну Хозикову за чиновника 8-го класса Дмитрія Левшина и, въ крайности, закладываетъ подмосковную свою деревню 154 души, просила выдать ей 7.700 рублей безъ очереди.— На прошеніи Ея Величество въ 1-й день іюня написала: „Ежели всѣ документы въ готовности, то выдать ей безъ очереди.“

УГОДЬЯ, ОБРОЧНЫЯ СТАТЬИ И ВЕЩИ, ЖАЛОВАННЫЯ ВОСПИТАТЕЛЬНОМУ ДОМУ.

Для сооружеія Воспитательнаго Дома Бецкой просилъ дать мѣсто, называемое *Гранатный дворъ съ Васильевскимъ садомъ*, подлѣ Москвы рѣки, со всею окололежащею землею и строеніемъ „купно съ отданною отъ Адмиралтейства мельницею, что на Яузѣ;“ а старую городскую стѣну (*)—употребить въ строеніе. При учрежденіи Дома, объявлено Бецкимъ и о пожалованіи на строенія Воспитательнаго Дома каменныхъ матеріаловъ, находившихся въ с. Люберцахъ.

Всѣ эти строенія и земли пожалованы Дому 26 августа 1763 года. Первымъ постановленіемъ Опекунскаго Совѣта, 9 октября 1763 г., опредѣлено:

1. Требовать объ отдачѣ Гранатнаго двора отъ Конторы Канцеляріи Главной Артиллеріи и Фортификаціи; Васильевскаго сада, торговыхъ бань и всей около нихъ лежащей земли со строеніемъ—отъ Конторы собственной Ея Величества Вотчинной Канцеляріи; состоящей на Яузѣ мельницы—отъ Адмиралтейской Конторы; торговыхъ бань и кабака Лихонина, съ показаніемъ доходовъ съ нихъ—отъ Государственной Каммеръ-Коллегіи. 2. Отнестись въ Губернскую Канцелярію о принадлежащихъ Дому земляхъ, по обѣ стороны Яузскаго моста, внизъ Яузы, гдѣ построены постоянные дворы, пивоварни, лавка и мельница; о кузницахъ, находящихся

во рву и у Варварскихъ воротъ и о допущеніи къ сломкѣ городской стѣны.

Въ старыхъ дѣлахъ находимъ слѣдующія отрывочныя свѣдѣнія о Васильевскомъ садѣ.

1. Въ 201 году (1693) Царь Петръ I, слушавъ выписки и смотрѣвъ чертежи въ своемъ государскомъ походѣ, указалъ: по Бѣлому городу, за Яузскими воротами, вышедъ изъ города на правой сторонѣ всякихъ чиновъ людей дворы, построенные отъ Яузской Проѣзжей башни, подлѣ городской стѣны и противъ Васильевскаго лужка, до круглой Наугольной башни, что у Москвы рѣки, и торговыя бани—отломать и мѣсто очистить и впредь на тѣхъ мѣстахъ двороваго никакого строенія никому не строить, потому что тѣ дворы строены по близъ Бѣлгорода и противъ нихъ и торговыхъ бань на Васильевскомъ лужкѣ стоитъ Пороховая Казна и тѣмъ дворамъ отъ пожарнаго времени въ близости той Казны быть опасно. И по тому указу за Яузскими воротами на загородной сторонѣ противъ Васильевскаго лужка отломаны дворы: противъ круглой башни боярина Головина отъ города въ 10 сажень; стольниковъ Чирикова въ 5 и Нечаева въ 7 саж. А въ 203 г. (1695) по указу Его Величества, велѣно кругъ Бѣлаго города дворы, лавки и торговыя бани, которыя построены вновь, отломать и мѣсто очистить, учиня отъ городской стѣны площадь какъ было прежде по 20, 30 и по 40 сажень. Мѣсто на берегу Москвы рѣки, близъ круглой Наугольной башни, что на Васильевскомъ лужку, отдано

(*) Стѣна Бѣлаго города.

садовнику Сенькѣ Викулину, съ платою оброчныхъ денегъ въ Пушкарской Приказъ, для каменной и лѣсной кладки. Тамъ былъ прудъ, ручей и огородъ, въ смежности съ дворомъ стольника князя Волконскаго. Въ 1699 году велѣно всѣ тѣ дворы сломать, на основаніи указа 1693 г.

2. По указу Царя Петра I-го, марта 1711 года велѣно Васильевскій садъ и въ томъ саду всякое садовое деревье и съ землею, которая въ томъ саду и подъ садовничьи и въ наемъ отдаточнымъ дворовымъ и хороннымъ строеніемъ вѣдать у хоромъ сестры Ею, Государевы, Великія Государыни Благовѣрныя Царевны Великія Княжны Наталіи Алексѣевны; а за то имать въ Приказъ Большаго Дворца, изъ хоромъ Ея, по 100 рублей на всякій годъ, а за прошлый 1710 г. съ оброчниковъ, которые въ томъ саду живутъ у садовниковъ оброчныя деньги допрашивать въ Приказъ Большаго Дворца.

3. Въ 1757 году торговыя бани съ Васильевскимъ садомъ отданы были на 20 лѣтъ купцу Гордѣеву за 402 р. въ годъ; за несостоятельностью же его переданы отставному солдату Гайдукову, который построилъ ихъ на другомъ мѣстѣ.

Въ Васильевскомъ же саду былъ загородный дворъ Императрицы Елизаветы Петровны.

Васильевскій садъ находился въ Бѣломъ городѣ у Яузскихъ воротъ и былъ мѣрою: отъ двора стольника Бутурлина подлѣ рва до Бѣлаго города 154, отъ рва по Бѣлому городу къ Наугольной башнѣ, что у пороховыхъ палатъ, 90, отъ Наугольной башни по Бѣлому городу къ Яузскимъ воротамъ 160, отъ Яузскихъ воротъ подлѣ дворовъ всякихъ чиповъ къ Яузѣ до рва 223 сажени. Въ саду насажено было болѣе 2000 яблонь и грушъ, нѣсколько грядъ смородины и малины. Земли подъ садомъ безъ малаго 8 десятинъ, въ томъ числѣ садовничьихъ дворовъ и огородовъ съ небольшимъ десятина и впускъ около 6 десятинъ.

Гранатнымъ дворомъ называлось мѣсто въ Васильевскомъ саду, гдѣ находился каменный магазинъ съ двумя отдѣленіями, изъ коихъ въ одномъ былъ складъ селитры, а изъ другаго продавался порохъ. При магазинѣ были устроенны деревянныя саран и каменная караульня.

Здѣсь же, на берегу Москвы рѣки, на дворахъ кн. Волконскаго и садовника Купріянова, противъ круглой башни находился магазинъ, построенный въ 1762 г., для склада провіанта.

Въ ноябрѣ 1763 г., зданія на Гранатномъ дворѣ уже очищались, для передачи въ вѣдѣніе Воспитательнаго Дома.

Постройки на большеркѣ, близъ Варварскихъ воротъ, состояли изъ 6 свѣтлицъ съ 3 сѣнями, покрытыми по дубу тесомъ. Зданія эти занимались школою для солдатскихъ дѣтей и были деревянныя и ветхія.

О земляхъ по берегу р. Яузы есть свѣдѣнія, что по указу Петра и Юанна Алексѣевичей въ 1682 г., земли эти и дворъ думнаго дьяка Богданова, состоящія въ приходѣ церкви Николая Чудотворца, что въ Старыхъ Кошеляхъ, близъ кладбища за Яузскими воротами, отданы на дворныя пѣхоты полка стольника и полковника Рославлева капитанамъ Ворахѣеву, Филатову, Селецкому и Клишевымъ.

Изъ переписки съ полиціей въ 1765 г. видно, что до пожалованія Дому Васильевского сада, въ немъ нѣкоторыя частныя лица поставили дома, которыя было предназначено снести. На землѣ Васильевского сада стояло 16 дворовъ крѣпостныхъ людей, вносившихъ оброкъ въ пользу Воспитательнаго Дома. Въ казну же до того времени они платили оброка 39 р. 70 к. Изъ приходныхъ книгъ видно, что 22 ноября 1763 года поземельныхъ денегъ съ живущихъ въ Васильевскомъ саду въ 14 собственныхъ домахъ получено 32 р. 80 к.

Близъ Гранатнаго магазина, на берегу Москвы рѣки, было харчевенное мѣсто. Оно отдавалось въ наемъ, вѣроятно до тѣхъ поръ, пока не было застроено зданіями Воспитательнаго Дома. Въ 1764 г. получено за него 5 р., въ 1766 г.—10 р. Берегъ Москвы рѣки также приносилъ Дому доходъ; такъ напр. въ 1765 г. съ приставшихъ къ берегу струговъ собрано 44 р., отъ 2 до 5 р., съ cadaго. Сборъ этотъ продолжался въ 1766 и 1767 годахъ.

Отдавалось изъ оброка и право содержанія катальныхъ горъ на Москвѣ рѣкѣ. Въ 1765 г. вызывались желающіе взять ихъ въ содержаніе, но никого не явилось. Въ 1774 году содержа-

телемъ былъ крестьянинъ Воробьевъ, платившій 50 руб.

Съ 8 кузницъ у Варварскаго моста получено дохода въ 1764 и 1765 г. по 5 р. съ каждой; въ 1768 г.—всего 100 рублей.

Поступившая во владѣніе Воспитательнаго Дома земля у Яузскихъ воротъ занята была шалашами рабочихъ людей и харчевенными мѣстами, отдававшимися въ содержаніе съ 1768 г. по 20 руб.

Въ 1772 г., по публикаціи Опекунскаго Совѣта, купецъ Терентьевъ взялъ въ содержаніе мѣста съ деревянными ветхими строеніями у Яузскихъ воротъ, на 20 лѣтъ съ платою по 100 р. въ годъ. Терентьевъ устроилъ здѣсь трактиръ съ жилыми покоями для „благороднаго общества.“ Крестьянинъ гр. Шереметева Абросимовъ взялъ мѣсто и порожнюю землю на устьѣ Яузы на 15 лѣтъ за 50 р. съ выстройкой пивоварни и трактира.

Пивоварня на берегу р. Яузы занимала землю, длиною по рѣкѣ 17 $\frac{1}{2}$ саж., шириною 7 $\frac{1}{2}$ саж.; Воспитательный Домъ отдалъ ее въ 1786 г. въ содержаніе изъ выстройки деревяннаго строенія на 5 лѣтъ, съ платою по 25 руб. въ годъ.

Изъ журнала Опекунскаго Совѣта 29 декабря 1792 г., видно, что купецъ Павловъ взялся построить на берегу Яузы, на землѣ Воспитательнаго Дома, вмѣсто ветхой деревянной, каменную пивоварню, съ тѣмъ, чтобы ему пользоваться ею 17 лѣтъ, а потомъ отдать Дому безденежно. Да 1822 г. земля эта нѣсколько разъ была отдаваема въ аренду; въ 1822-мъ же году она продана купцу Золотареву.

О лавкахъ у Яузскихъ воротъ упоминается въ 1780 г., когда получено за нихъ оброка 292 р.

О мельницѣ на Яузѣ, отданной во владѣніе Воспитательнаго Дома, извѣстно:

Вверхъ по Яузѣ, подъ селомъ Богородскимъ, при бывшей вотчинѣ Чудова монастыря, находилась мучная мельница, состоявшая въ окладѣ около 90 р. въ годъ. Съ 1705 года устроены тамъ отъ Монастырскаго Приказа бумажный заводъ, который, въ 1722 г., по изустному Петра I указу обновленъ и отъ Мануфактурной

Коллегіи отданъ въ содержаніе купцу Короткову. Съ 1740 г. заводъ оставленъ. Въ 1744 и 1745 гг. Высочайше повелѣно отпустить Короткову на возобновленіе завода 10 т. р. на 5 лѣтъ безъ процентовъ. Нѣкоторые фабриканты объ отдачѣ этого мѣста въ содержаніе, подавали прошенія въ Мануфактурную Коллегію. Московскіе купцы Ушаковы просили Опекунскій Совѣтъ позволить имъ завести на томъ мѣстѣ вновь мучную мельницу. Они обязывались внести единовременно Воспитательному Дому 1.000 р. и каждый годъ оброка 90 р., муки крупчатой по 100 и манныхъ крупъ по 50 пудовъ. Годовой оброкъ съ мельницы былъ прежде 325 р.; въ 1783 г. плата возрасла до 2.200 р.; въ 1795 г. мельница отдана на 10 л. за 4.400 р.

Въ 1788 году, когда мельница приносила дохода 2.200 р., Опекунскій Совѣтъ отдалъ ее роднымъ умершаго купца Павлова, подъ предлогомъ бѣдности ихъ, безъ всякаго платежа; при чемъ были запущены и прежнія недоимки. Члены Опекунскаго Совѣта дали слѣдующія объясненія слѣдственной Коммисіи о причинѣ такого распоряженія: „оберъ-директоръ Гогель—мельница отдана всѣмъ Совѣтомъ, 6 іюня 1788 г., Ѳедору Павлову, сверхъ 10 лѣтъ по контракту за деньги, еще на 2 года безденежно, въ уваженіе оказанныхъ Никитою Павловымъ Дому многихъ услугъ уступками по подрядамъ и отдачею денегъ въ Сохранную Казну, во времена случавшихся нуждъ, безъ процентовъ. Опекуны *Ладженскій и Арсеньевъ*—мельница отдана Ѳедору Павлову, 18 августа 1783 г., съ торгу за 2.200 р. въ годъ на 10 лѣтъ; три года платилъ онъ исправно, но перестройкою оной и неполученьемъ, въ теченіе 2-хъ лѣтъ прибыли, пришелъ въ изнеможеніе и въ 1787 г. умеръ, оставя жену и малолѣтнихъ дѣтей не въ состояніи. Совѣтъ, уважая положеніе вдовы его и разстройство ея дѣлъ и одолженія Дому отъ Никиты Павлова, въ 1788 г. положилъ прибавить къ сроку 2 года безъ платежа, съ тѣмъ, чтобы Никита Павловъ поручился въ платежъ и чтобы уплатилъ недоимку и прежнихъ лѣтъ съ процентами 5.533 р. 56 к. Все это сдѣлано уповательно съ позволенія Главнаго Попечителя, которое оберъ-директоръ имѣлъ

словесно или письменно, о чемъ онъ долженъ лучше знать.“

Когда, въ 1797 году, послѣдовалъ, на имя московскаго военнаго генералъ-губернатора кн. Долгорукова, Высочайшій указъ — „стараться р. Яuzu привести въ то состояніе, чтобы она, гниlostію и испареніями, немогла впредь причинять жителямъ болѣзней,“—княземъ предложено было, какъ частнымъ владѣльцамъ, такъ и Воспитательному Дому спустить воду у мельницъ; такъ какъ причину болѣзней, и именно упорнѣйшихъ лихорадокъ, медики приписывали застою воды у мельничныхъ плотинъ, заваливаемыхъ навозомъ и разными нечистотами. Взаимнѣ уничтожаемой мельницы, Его Величество соизволилъ предоставить Воспитательному Дому сыскать въ Москвѣ изъ оброчныхъ статей, или лавокъ, такія, которыя могли бы дать тотъ же доходъ, какъ и мельница, или еще лучшій. Кн. Долгоруковъ предлагалъ 9 лавокъ въ хрустальномъ ряду, что противъ вновь выстроеннаго гостиннаго двора. А указомъ 5 декабря 1797 г., велѣно отпустить съ 1798 г. Воспитательному Дому изъ Московскаго Статнаго Казначейства ежегодно, по третямъ, по 4.400 р. Главный Попечитель графъ Сиверсъ, увѣдомивъ объ этомъ Высочайшемъ повелѣніи, предложилъ продать мельницу на свозъ. Послѣ чего мельничный анбаръ перевезенъ въ Воспитательный Домъ, для храненія пожарныхъ инструментовъ, а прочее дерево на дрова.

Кромѣ этихъ пожалованій, во владѣніе Воспитательнаго Дома поступили бани Васильевскія, Островскія и Устьинскія.

Васильевскія находились у Васильевскаго сада, на берегу р. Москвы. До 1763 года онѣ отдавались на откупъ отъ собственной Ея Величества Вотчинной Конторы. Въ 1764 г. онѣ были уже во владѣніи Воспитательнаго Дома и тогда же отданы, вмѣстѣ съ порожнею подъ огородъ землю, за 680 р. въ годъ. Въ 1766 г. встрѣчается извѣстіе, что Васильевскихъ бань было двое,—однѣ отданы крестьянину Болдыреву за 680 р., а другія солдату Гайдукову и крестьянамъ Хотяипцеву и Голованову. Съ сентября 1767 г. бани отданы въ 10-лѣтнее содержаніе купцу Павлову, съ платою по 256 р. А какъ

въ теченіе года и 8¹/₂ мѣсяцевъ бани, по случаю моровой язвы, были запечатаны, то срокъ содержанія ихъ Павлову продолженъ до марта 1779 г. Бани, по близости ихъ къ Квадрату, предполагалось снести еще въ 1777 году; но предположеніе это не приведено въ исполненіе,—и онѣ вновь отданы еще на 10 лѣтъ прапорщику Данилову, за 1286 р. въ годъ; въ 1789 же году—переданы безъ торговъ купцу Часовникову на 15 лѣтъ, съ платою 1300 р. ежегодно. Наконецъ Васильевскія бани сломаны, какъ по ветхости, такъ и по необходимости очистить мѣсто, для проведенія новой улицы и устройства набережной Москвы рѣки отъ Неглинной до устья Яузы (*). Изъ журнала Совѣта 31 октября 1791 г., видно, что вмѣсто этихъ бань Воспитательному Дому предоставлены другія съ каменнымъ строеніемъ и дворомъ, на берегу Москвы рѣки, въ Роушкахъ. Эти бани и были отданы въ 20-лѣтнее содержаніе купцу Часовникову. Потомъ онѣ отдавались съ торговъ на разные сроки; въ 1816 же году, по ветхости, отданы крестьянину Саламатину на 10 лѣтъ изъ выстройки новыхъ и съ платою 6205 р. въ годъ. Съ перестройкою бань арендная плата возвысилась, и въ 1826 г. дошла до 17815 р. въ годъ; въ 1833 году за нихъ платили 33200 р. Въ 1842 году Москворѣцкія бани были въ такомъ положеніи, что не стоило и исправлять ихъ и онѣ не были въ то время закрыты лишь потому, что срокъ контракта на ихъ содержаніе оканчивался въ 1846 году. Предполагалось устроить новыя каменные бани, на что по смѣтѣ исчислено слишкомъ 90 т. руб. Между тѣмъ, впредь до выстройки новыхъ, старыя бани, вмѣсто закрытія ихъ, были отданы Опекунскимъ Совѣтомъ прежнему арендатору купцу Смирнову по 285 р. 71¹/₂ коп. въ мѣсяць. Пока происходила переписка о постройкѣ новыхъ бань, въ передбанникѣ старыхъ, въ 1851 году, обрушился потолокъ и ушибъ нѣсколько человекъ. Тогда бани были закрыты. Бани эти въ томъ же году проданы на свозъ за 2000 р. Проектъ же о постройкѣ новыхъ бань не со-

(*) Журналъ Опекунскаго Совѣта, 17 іюня 1790 г.

стоялся и самая земля, на которой стояли бани, продана почетному гражданину Мамонтову въ 1858 году за 17200 рублей.

Въ 1768 году, приняты были въ вѣдомство Воспитательнаго Дома, находившіяся при устьѣ Яузы и на островкахъ, бани, подъ названіемъ Устьинскихъ и Островскихъ, также кабакъ компанейщика Лихонина.

Хотя Каммеръ-Коллегія и полагала, до окончанія откупнаго термина съ 1767 года, оставить бани и питейный домъ въ вѣдѣніи откупа, съ платою Опекунскому Совѣту за кабакъ 300 р. и за бани—по 151 р. съ копѣйками; но Сенатъ, на разсмотрѣніе коего восходило это дѣло, отказалъ Коллегіи, распорядившись, чтобы бани и питейный домъ были немедленно отданы Воспитательному Дому, а питейная продажа отъ откупа прекращена.

Сначала бани были отданы столяру Еремѣву, за 1105 р. въ годъ; въ 1773 году—въ 10-лѣтнее содержаніе московскаго купца Плавильщикова, съ платою по 900 р. въ годъ; съ 1787 г. онѣ отданы на тотъ же срокъ, за 1808 руб., купцу Мастникову.

Въ 1795 г. выдано Мастникову за выстройку Устьинскихъ бань его коштомъ съ процентами 7084 р. 50 к.

Съ 1 августа 1807 года Устьинскія и Островскія бани отданы на 10 лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы содержатель исправлялъ при нихъ и мостовыя.

Въ іюль 1817 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе: „отдать навсегда въ полное владѣніе городу принадлежащія Воспитательному Дому Устьинскія и Островскія бани съ лодочнымъ черезъ Москву рѣку перевозомъ и распоряженіемъ сею рѣкою, въ границахъ Воспитательнаго Дома протекающею, на условіяхъ Высочайше утвержденныхъ Государемъ Императоромъ 28 Іюля, а именно: 1. Какъ упомянутыя бани съ перевозомъ отданы въ 10-лѣтнее содержаніе изъ выстройки съ платою по 3800 р. въ годъ, то Дума: а) должна условія съ наемщиками сохранить въ точности, не доводя Воспитательнаго Дома ни до какой отвѣтственности. б) Платить Дому до окончанія срока по 3800 р., а по истеченіи сего срока по 5540 р. т. е. ту сумму, которую получалъ съ нихъ

Воспитательный Домъ до отрѣзки отъ земли сихъ бань части земли Коммисіей Строенія въ Москвѣ, отъ чего и произошелъ споръ съ Думою и доходъ Дома уменьшился, въ тѣ же сроки, по третямъ впередъ и сей платежъ производить Дому вѣчно. с) За отрѣзанную землю не просить никакого вознагражденія и себѣ не присвоивать изъ пожалованнаго Воспитательному Дому и никакихъ о томъ споровъ не производить. 2. Городъ обязанъ всегда на свой счетъ и въ совершенной исправности набивать каждагодно и въ удобное время льдомъ всѣ погреба въ Воспитательномъ Домѣ, коихъ нынѣ счетомъ до 70, не вводя сей Домъ ни въ какія издержки и затрудненія. 3. Наемщикамъ лабазовъ у Воспитательнаго Дома никакихъ притѣсеній и налоговъ, относительно причала къ берегу судовъ и выгрузки изъ оныхъ въ лабазы не дѣлать. 4. Чтобы содержимый на иждивеніи Воспитательнаго Дома плотъ у сѣзда къ рѣкѣ противъ воротъ Дома всегда оставался въ пользу его для ежедневной возки въ Домъ воды и поставленія 1-го августа Іордана для хожденія изъ церкви Дома съ крестомъ и освященія воды, и чтобы на семь мѣстъ Дума никогда не учреждала ни перевоза, ни платъемойни, дабы не затруднять возки воды. 5. Сборъ съ поставляемыхъ зимою на рѣкѣ катальныхъ горъ, шалашей, каруселей и другихъ увеселеній, принадлежащій Воспитательному Дому по его привиллегіямъ, остается въ своей силѣ. 6. Отдаваемая Воспитательнымъ Домомъ изъ оброка платъемойни на Москвѣ рѣкѣ близъ устья Яузы, противъ прачечной Дома, поступаетъ въ пользу города по истеченіи нынѣшняго контракта, т. е. съ 23 февраля 1819 г., съ тѣмъ, что на самомъ томъ же мѣстѣ Домъ имѣть всегда будетъ свой плотъ, который содержать будетъ своимъ иждивеніемъ, а зимою проруби, для мытья бѣлья единственно вѣдомства Дома и чтобы Дума никакого препятствія въ томъ Дому не дѣлала.

Такимъ образомъ 5 іюня 1816 года отдана купцу Гордѣеву на 10 лѣтъ въ содержаніе земля при рѣкѣ Яузѣ съ перевозомъ на ней и выстройкою бань за 3.800 руб. въ годъ.

За содержаніе перевозовъ получено: въ

1775 г. 30 руб., въ 1776 г. 20 руб., въ 1780 г. 60 руб., въ 1786 г. 50 руб. въ годъ.

Со времени приѣма въ вѣдѣніе Воспитательнаго Дома по 1783 годъ, за Устьинскій питейный домъ (кабакъ Лихонина) изъ Каммеръ-Коллегіи не было получено поземельныхъ денегъ. Дѣло о взысканіи этихъ денегъ, въ количествѣ 3600 р., поступило въ Сенатъ, который сложилъ эту недоимку съ членовъ Коллегіи. А 23 іюля 1808 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе о томъ, что за силою Всемилоствѣйшаго манифеста, Ея Величество считаетъ рѣшеніе Сената неправымъ, потому что взысканіе это должно почитаться не казеннымъ дѣломъ, а принадлежащимъ Воспитательному Дому, какъ особенному лицу. Опекунскій Совѣтъ, не возражавшій на рѣшеніе Сената, долженъ былъ вновь войти по этому предмету съ докладомъ. Но 31 августа Высочайше повелѣно: дѣло о взысканіи 3.600 руб. за Устьинскій питейный домъ считать конченнымъ и рѣшеннымъ.

Устьинскій питейный домъ, переходя отъ одного содержателя къ другому, вообще мало давалъ дохода Дому, и Совѣтъ испросилъ 30 января 1843 года, Высочайшее соизволеніе о продажѣ его съ публичнаго торга.

Въ 1792 году Воспитательный Домъ предполагалъ, вмѣсто Васильевскихъ бань, открыть новый источникъ дохода устройствомъ лабазовъ, согласно указанію графа Миниха, въ предписаніи его, Опекунскому Совѣту отъ 27 мая 1792 г., по поводу очистки мѣста, принадлежавшаго Дому, для проведенія, по Высочайшему повелѣнію, улицы отъ Москвы рѣки къ Варварскимъ воротамъ. „Отъ проведенія той улицы,—писалъ онъ,—не можетъ быть вреда Дому но послѣдуетъ и польза, когда къ стѣнѣ, отдѣляющей предѣлы Дома, сдѣланы будутъ лавки и анбары для складки въ нихъ привознаго по рѣкѣ хлѣба.“ При этомъ высота стѣны назначена въ 12 арш., а пристройки къ ней графъ предполагалъ производить по временамъ.

Въ іюлѣ Совѣтъ послалъ графу Миниху планъ мѣсту и проектированныхъ лабазовъ, съ предположеніемъ начать постройку безотлагательно, такъ какъ бутовый камень для фундамента былъ готовъ; при этомъ Опекунскій Совѣтъ замѣтилъ,

что передняя къ рѣкѣ стѣна, назначенная на фасадъ столбами, вышиною въ 12 аршинъ, кажется ему безмѣрною и потому если графъ согласится на ея уменьшеніе, то должна будетъ уменьшиться и смѣта (цѣна каменныхъ матеріаловъ по смѣтѣ—43868 руб.)

Графъ Минихъ, 26 іюля, прислалъ въ Совѣтъ свой планъ строеній, составленный статскимъ совѣтникомъ Фельтенемъ. Планъ этотъ былъ рассмотрѣнъ графомъ обще съ С.Петербургскимъ Совѣтомъ и найденъ выгоднѣе въ издержкахъ матеріаловъ, помѣстительнѣе и даже красивѣе въ фасадѣ. Графъ Минихъ предполагалъ немедленно приступить къ строенію, если Совѣтъ будетъ на то согласенъ.

Послѣ переписки сначала съ главнокомандующимъ кн. Прозоровскимъ, потомъ съ губернаторомъ Лопухинымъ о назначеніи линіи, по которой по тому плану можно было бы вести строеніе, Опекунскій Совѣтъ наконецъ въ августѣ послалъ два представленія къ попечителю. Первымъ, 12 числа, увѣдомилъ, что линія указана и на постройки произведены торги, по которымъ уже заключаются контракты. Вторымъ, 23 числа, что контракты заключены, работы начались и подъ фундаментъ вырыто до 80 сажень.

Въ сентябрѣ Совѣтъ извѣстилъ графа Миниха, съ приложеніемъ смѣты, что каменная стѣна, полагаемая на 264 саж., для закрытія Воспитательнаго Дома по берегу Москвы рѣки, будетъ стоить 22.628 р. 40 к., а пристройки къ ней во внутрь, лавки и лабазы 26.952 р., а вообще 49.580 руб. 40 коп. Изъ смѣты между прочимъ видно, что употреблено было на обѣ постройки бутоваго камня 560 саж., по 16 руб., бѣлаго камня 16.200, по 15 р. за 100, кирпича городского 1.600.000, по 5 руб. 80 коп. за 1.000, песку 480 саж., по 4 руб., листового желѣза на крышу 1.600 пуд., по 3 р. 50 к. пудъ, каменщикамъ заплачено за работу съ сажени по 4 р.

На запросъ гр. Миниха 4 іюля 1793 г., о неизвѣстности хода построекъ по Воспитательному Дому, Опекунскій Совѣтъ 14 іюля донесъ, что „производится строеніе только то, которое въ прошломъ году по апробованному Его Сія-

тельствомъ плану назначено и началась, т. е. лавки или лабазы по берегу Москвы рѣки, которые нынѣшнимъ же лѣтомъ и окончены будутъ, кромѣ крыши и половъ.“

Тогда еще не отказывались отъ мысли возвести другой квадратъ, что видно изъ контракта, заключеннаго на каменныя работы по устройству лабазовъ. Въ этомъ контрактѣ сказано: „лабазы и лавки на обѣ стороны, надъ выведенными трубами изъ подъ квадрату подбутя подлѣ стѣнъ, сдѣлать перемычки изъ бѣлаго камня или кирпичемъ, тоже и на другой сторонѣ противъ будущаго квадрата хотя еще и нѣтъ оныхъ трубъ, то на тѣхъ мѣстахъ сдѣлать каменные столбы ниже фундамента, такъ какъ и сдѣланныя трубы и перекинуть полуциркульныя перемычки, дабы не ломая стѣнъ въ предбудущее время подъ оное строеніе можно сдѣлать таковыя же трубы.“

Каменныя строенія по берегу Москвы рѣки лавокъ и лабазовъ съ заборами и съ разрывомъ въ двухъ линіяхъ, каждая по 75 сажень, были шириною $4\frac{1}{2}$ саж.; вышиною по фасаду передней стороны отъ цоколя— $10\frac{1}{4}$ арш., задней стороны— $6\frac{1}{2}$ арш.; стѣны были толщиною въ 3 кирпича. Во всемъ строеніи помѣщались 22 лавки и 10 ледниковъ съ перегородками.

Лабазы съ продольными стѣнами и съ поперечными простѣнками тянулись на 396 сажень; подъ ними фундаментъ былъ глубиною отъ 3 до 10 аршинъ, шириною внизу— $2\frac{1}{2}$ арш., а вверху—2 арш. Между лабазами шелъ заборъ на 60 саж., вышиною $4\frac{1}{2}$ арш., толщиною со столбами въ $3\frac{1}{2}$ кирпича. При заборѣ сдѣланы погреба длиною съ простѣнками 36 саж., вышиною отъ погребнаго фундамента— $8\frac{1}{2}$ арш., стѣны въ ямникахъ изъ дикаго камня съ бѣлымъ, а для лучшей крѣпости въ перевязь черезъ 4 ряда желѣзнякамъ. При лабазахъ же, по обѣ стороны всей линіи Воспитательнаго Дома, заборы длиною на 38 саж., вышиною $4\frac{1}{2}$ арш. Все же это строеніе съ заборами, простѣнками и погребами тянулось на 530 саженьяхъ.

Заплатено за матеріалы и рабочимъ на строеніе съ 1792 по 1796 г. 111.957 р. $18\frac{1}{2}$ коп. и въ наличности разныхъ матеріаловъ на 15.000 р.

Всего 126.957 р. $18\frac{1}{2}$ к.

Вотъ сравнительная вѣдомость смѣтнаго и дѣйствительнаго расхода.

1) Полагалось вести фундаментъ на лежняхъ, рыть рвы глубиною въ 3 арш., а на низкихъ мѣстахъ и менѣе, почему и полагалось по смѣтѣ на работы и матеріалы 6.600 р.

Во время же работъ мѣсто оказалось гористое и косогорное; вырыто земли на засыпку набережной до 2 аршинъ, а въ ширину—во все строеніе; почему и велѣно вести фундаментъ не на лежняхъ, а рыть рвы до настоящаго материка, глубиною отъ 4, 5 и до 10 арш., почему и вышло на работы и матеріалы 24.748 р. $28\frac{3}{4}$ к.

2) Стѣны полагались въ $2\frac{1}{2}$ кирпича, что стоило бы 17.630 р.

По фасаду же графа Миниха стѣны пущены въ 3 кирпича, притомъ приказано было наблюдать прочность въ фундаментѣ, на случай надѣлать другой этажъ, поэтому за работы и матеріалы заплачено 20.481 р. 50 к.

3) Бѣлаго камня полагалось на 5.120 р., а вышло на 9.453 р. 52 к.

4) Желѣзныхъ матеріаловъ полагалось на 450 р., а вышло на 8.363 р. 68 к.

5) Лѣсныхъ матеріаловъ полагалось на 3.500 р., а вышло на 12.455 р.

6) Листоваго желѣза полагалось на 5.368 р., а вышло на 11.990 р.

7) Каменьщикамъ полагалось 4.000 р., а заплачено 15.932 р. $41\frac{3}{4}$ к.

8) Плотникамъ полагалось 600 р., а заплачено 1.300 р.

9) За земляную работу полагалось 600 р., а заплачено 2.554 р. 50 к.

Показано еще какого-то расхода на 2.553 р.

Всего по прежней смѣтѣ полагалось 43.868 р., а издержано 109.831 р. 90 к.

Распоряженіями Опекунскаго Совѣта по устройству лабазовъ графъ Минихъ остался недоволенъ. Въ замѣчаніяхъ своихъ о неурядицахъ по Московскому Воспитательному Дому, представленныхъ Императрицѣ, въ пунктѣ IX онъ говоритъ: „Приславши мнѣ смѣту на постройку по берегу Москвы рѣки лавокъ на 43 т. р., по которой, съ доклада моего, получилъ Вашего Императорскаго Величества со-

изволеніе, издержалъ на постройку 112 т. р. безъ всякаго разрѣшенія.“

Отвѣтъ данъ былъ такой: *Гогельмъ*—строеніе начато по волѣ Его С-ва, по плану съ великими отмѣнами противъ посланнаго, безъ требованія отъ Совѣта другой смѣты, потому что не только увеличались цѣны на всѣ предметы, но прибавлены ледники и погреба, о чемъ сообщено Его С-ву мною.

Ладыженскимъ—смѣта была сдѣлана примѣрная, полагая для фундамента копать рвы не глубокіе и класть фундаментъ на лежни, а какъ графъ перемѣнилъ планъ и фасадъ, приказавши строить безъ основательной смѣты, почему и стали копать рвы втрое глубже по слабости грунта; а между тѣмъ цѣны на матеріалы увеличились почти вдвое и къ тому же прибавлены ледники и погреба. Самое строеніе производилось по распоряженію Гогеля, какъ опекуновъ было только двое, а когда и я былъ боленъ лѣтомъ, то нѣсколько дней одинъ Оберъ-Директоръ оставался въ Совѣтѣ.

Арсеньевымъ—постройки производились съ торговъ, самое же распоряженіе зависѣло отъ Оберъ-Директора, который требовалъ изъ Совѣта деньги, но окончательнаго о нихъ счета не подавалъ до пріѣзда Его С-ва.

Графъ Сиверсъ, въ 7-мъ параграфѣ своихъ замѣчаній, представленныхъ въ Слѣдственную Коммисію, повторяетъ мнѣніе графа Миниха о томъ, что суммы Дома тратятся на бесполезныя и чрезвычайно дорогія постройки и починки, безъ всякаго порядка, вреднѣйшая же постройка лабазы, на которыя издержано болѣе 126 т. р.

Гогель, въ дополненіе прежнихъ объясненій, предлагалъ, исключивъ изъ общей суммы лабазовъ, стоимость окружной стѣны и погребовъ, какъ необходимыхъ, отдать ему лабазы въ аренду на 50 лѣтъ изъ 6% съ остающагося капитала.

Ладыженской писалъ, что ему неизвѣстно о какихъ дорогихъ починкахъ и постройкахъ говорить графъ. Онъ знаетъ только одну необходимую починку подземныхъ каналовъ; капиталъ же, употребляемый на починки, всегда бываетъ невозвратимъ. Во время постройки лабазовъ онъ по болѣзни не присутствовалъ. При обсужде-

ніи же вопроса объ ихъ постройкѣ имѣлось въ виду, что одна стѣна на 300 с. и на жидкомъ грунтѣ стоила бы 40 т. р., а потому и почли за лучшее, чтобы не напрасно дѣлать такой расходъ, пристроить лабазы, а потомъ и погреба, которыхъ отдѣльная постройка обошлась бы гораздо дороже.

Арсеньевъ объяснилъ, что всѣ постройки и починки производились по установленному порядку, надъ самыми же работами завѣдывалъ Гогель. Предвидѣть доходъ отъ лабазовъ, конечно, было нельзя; тѣмъ не менѣе полагали, что если частныя лица могутъ получать выгоды отъ мучныхъ лавокъ, то и отъ лабазовъ можно было бы имѣть выгоды, если бы они отдавались за настоящую цѣну.

Въ указаніяхъ своихъ главному надзирателю Гаврилову, 20 апрѣля 1795 г., графъ Минихъ въ §. 17 говоритъ: „чтобы лавки, построенныя по берегу Москвы рѣки, отдавались въ наемъ съ вѣдома Совѣта, дабы издержанный на нихъ значительный капиталъ не остался мертвымъ.“ Гавриловъ отозвался, что съ іюня 1795 г. онѣ отданы, съ вѣдома Совѣта, каждая по 125 р., а въ 1796 г. по 150 р.; деньги собираются Экономскою Конторою и представляются въ Опекунскій Совѣтъ.“

Опекунскій Совѣтъ припечаталъ въ 1795 г. объявленіе о вызовѣ желающихъ торговать хлѣбнымъ, щепнымъ и тому подобнымъ товаромъ въ лабазахъ Воспитательнаго Дома. Этимъ же временемъ прекращенъ доходъ Дома съ судовъ, пристающихъ къ берегу, потому что набережная устроена была на счетъ казны.

По предложенію Московской Провіантской Коммисіи, въ апрѣль 1797 г., Опекунскимъ Совѣтомъ отданы внаймы всѣ 23 лабаза за 5000 р. въ годъ. Впрочемъ Коммисія, за гниlostію половъ и балокъ въ 4 лабазахъ, отказалась отъ послѣднихъ и плату производила по расчету за остальные.

Въ 1799 г., по предложенію Камеральнаго Д-та Московскаго Градскаго Правленія, 4 лабаза отданы по 20 руб. въ мѣсяцъ за каждый, для поклажи книгъ должника поручика Новикова.

Въ апрѣль 1801 г., еще одинъ лабазъ отданъ Камеральному Д-ту, для поклажи остальныхъ

книгъ и типографскихъ инструментовъ. Хотя въ 1802 г. Московскій Приказъ Общ. Пр. увѣдомилъ, что за отдачею повѣренному Походяшину Новиковскихъ книгъ, лабазы не пужны, но книги хранились еще тамъ по просьбѣ Походяшина, который и вносилъ за нихъ плату.

Дохода отъ найма лабазовъ съ 1795 г. по октябрь 1798 г. получено 6018 р. Въ томъ числѣ отъ Провіантской Коммисіи 1609 руб.

Въ апрѣлѣ 1799 г. Высочайше повелѣно: „поелику прибыль отъ лабазовъ на берегу Москвы рѣки построенныхъ, не можетъ замѣнить капитальной суммы на нихъ издержанной, стараться о продажѣ ихъ за выгодную цѣну, дабы убытокъ отъ нихъ день ото дня не возрасталъ, продажа же по частямъ или въ однѣ руки предоставляется почетному опекуну Баранову.“

По Высочайшему повелѣнію 19-го сентября 1810 года, на счетъ Воспитательнаго Дома передѣлана мостовая на набережной, и въ вознагражденіе за издержки по этому случаю прибавлено на каждый лабазъ по 5 руб. въ мѣсяць.

Въ 1826 г., по докладу Совѣта объ отдачѣ лабазовъ въ содержаніе купцу О कोरोкову на 4 года за 6.210 р., съ прибавкою имъ добровольно, по усердію къ Дому, 290 р., 1 ноября 1826 г. Высочайше повелѣно: „позволяю съ сожалѣніемъ о большой потерѣ Дома, но въ теченіе сего четырехлѣтія обдумать средство сіи лабазы выгоднѣе употребить.“ Въ іюнѣ 1830 г., 18 каменныхъ лабазовъ отданы были въ содержаніе купцу О कोरोкову на 4 года, за 5.086 р. 48 к. въ годъ.

Въ сентябрѣ 1842 года, 9 лабазовъ отданы О कोरोкову по 1-е мая, за 400 р.; 12 іюля 1843 года, тѣже лабазы отданы ему на 4 года за 680 р.; а 5 мая 1847 г. ихъ взялъ въ содержаніе надворный совѣтникъ Цитовичъ-Щипановскій, за 780 р. въ годъ.

Число нанимаемыхъ лабазовъ постоянно уменьшалось, и—4 іюня 1851 года отдано въ оброчное содержаніе купцу Обухову только 4 лабазы, за 301 р.

При бывшихъ въ пятидесятыхъ годахъ большихъ перестройкахъ, лабазы обращены на хозяйственныя принадлежности самого Дома. Ны-

нѣ въ нихъ помѣщаются: водоподъемная машина, кормиличная баня и прачечная; нѣкоторые изъ лабазовъ обращены въ подвалы, погреба и анбары. Число лабазовъ уменьшилось и отъ проведенія по землѣ Воспитательнаго Дома новой улицы,—отъ Варварскихъ воротъ къ Москвѣ рѣкѣ.

Въ мартѣ 1816 года состоялось Высочайшее повелѣніе объ отрѣзкѣ у Воспитательнаго Дома земель на открытіе проѣзда между Домомъ и Китай-городомъ, на постройку лавокъ, и для открытія и регулированія проѣздовъ къ рр. Яузѣ и Москвѣ. Землю эту предполагалось уступить съ вознагражденіемъ Воспитательнаго Дома 58.600 р.

Въ 1825 году планъ проѣзда отъ Варварскихъ воротъ на набережную Москвы рѣки измѣненъ, и отъ Воспитательнаго Дома предполагалось уступить на этотъ предметъ Коммисіи Строеній въ Москвѣ только 777 кв. саж. Въ вознагражденіе за эту уступку Опекунскій Совѣтъ полагалъ просить Коммисію доставить въ Совѣтъ на постройку каменной стѣны отъ Варварскихъ воротъ до набережной 29.366 р. 55 к., и на построеніе такой же стѣны отъ угла близъ Варварскихъ воротъ до дома купца Колосова на 40 саж. 5.978 р. 17³/₄ к., а всего 35.344 р. 72³/₄ к., не требуя уже особаго вознагражденія за сломку аптеки 1000 р. На докладъ Совѣта по этому дѣлу повелѣно, 1 го іюня 1826 г., „апробовано, ибо уступка сей земли уже разрѣшена была съ согласія блаженной памяти Любезнаго Сына Моего Императора Александра Павловича.“

О мѣстѣ, занятомъ лабазами, составлялись разныя предположенія.

Въ 1826 году Высочайше повелѣно рассмотреть смѣты на примѣненіе лабазовъ для помѣщенія чиновниковъ, получавшихъ квартирныя деньги, равно конюшнямъ и сараямъ вдоль по стѣнѣ, которую Коммисія Строеній полагаетъ выстроить противъ стѣнъ Китай-города. Въ предположеніи, что проэктъ будетъ утвержденъ, заключенъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, 7 марта, контрактъ на поставку для построекъ каменныхъ матеріаловъ. Когда же поднесенъ былъ докладъ объ отпускѣ, потребной за выставлен-

ные материалы суммы, то 21 апрѣля состоялась Высочайшая резолюція: „слѣдуетъ отпустить по необходимости, но надо поспѣшить представленіемъ плановъ и смѣты.“ По представленіи же смѣтъ на постройку надъ лабазами двухъ флигелей, для квартиръ служащихъ, и обращенія остальныхъ подъ погреба, конюшни и сараи на сумму 678 т. р.,—въ маѣ мѣсяцѣ смѣты были возвращены Совѣту, съ отзывомъ, что Высочайшаго соизволенія на постройку флигелей надъ лабазами не послѣдовало, потому что выгоднѣе производить квартирныя деньги; а планы и смѣты велѣно составить только на необходимые строенія, какъ то: казенныя конюшни и пр.

Выставленные же материалы пошли, частію на постройку коннаго двора и ограды, частію проданы.

Кромѣ недвижимой собственности и арендныхъ статей, о коихъ упомянуто выше, Всемилостивѣйше пожалованы были Воспитательному Дому: домъ гр. Чернышева, Архіерейскій домъ въ Нижнемъ Новгородѣ, для Загороднаго Двора дача за Дорогомиловской заставой и Слободской дворецъ.

Домъ гр. Чернышева, бывшій Ревизіонной Коллегіи, пожалованъ Воспитательному Дому, по неимѣнію удобнаго мѣста для перваго помѣщенія дѣтей.

На вопросъ генераль-прокурора князя Вяземскаго, о купленномъ для Коллегіи Чернышевскомъ домѣ—„какими дѣлами нынѣ онъ занятъ и весь ли или нѣсколько покоевъ, такожь и на будущее время онъ Коллегіи потребенъ ли и для какихъ надобностей, равно и о томъ, когда онъ купленъ и что за него изъ казны заплачено и изъ какой суммы и нынѣ онъ въ какомъ состояніи находится,“ прокуроръ Тутолминъ донесъ, что „1754 года Сентября 28 числа, по указу Правительствующаго Сената Конторы, Ревизіонъ-Коллегія изъ бывшаго аптекарскаго дому, гдѣ нынѣ находится Московскій Императорскій Университетъ, переехала съ дѣлами и съ денежною казною въ купленный Канцеляріею Конфискаціи покойнаго графа Чернышева домъ и находилась 759 года іюня по 26 число, а съ того числа за ветхо-

стію того дома покоевъ по представленіямъ отъ оной Коллегіи въ Правительствующій Сенатъ; а по указу отъ того Сената она уже была въ наемномъ капитана Колычева домѣ, а изъ того дома по указу жь Правительствующаго Сената въ 763 году помѣщена въ Кремлевскомъ Дворцѣ въ отведенныхъ покояхъ и для того въ означенномъ Чернышевскомъ домѣ какъ нынѣ, такъ и на будущее время оной Коллегіи надобности никакой нѣтъ; ибо оный домъ безъ всякаго поправленія и нынѣ состоитъ въ крайней ветхости, а нѣкоторые покои и совсѣмъ развалились и дѣлами никакими отъ оной Коллегіи не занять; а какую цѣною тотъ домъ купленъ, Коллегіи неизвѣстно, а справку отъ Канцеляріи Конфискаціи въ оную Коллегію отъѣствовано, что означенный домъ купленъ по указу Правительствующаго Сената 754 года цѣною безъ пошлины за десять тысячъ семь сотъ руб., и деньги выданы изъ той Канцеляріи Конфискаціи по силѣ тогожъ указа на счетъ Статсъ-Конторы, и нынѣ никакими дѣлами оной за ветхостію не занять и впредь въ томъ домѣ за тою ветхостію его безъ починки Канцеляріи Конфискаціи быть не можно; о чемъ Правительствующаго Сената въ первой и пятой Департаменты и представленія отъ Канцеляріи Конфискаціи чинены были.“

Послѣ сего, 31 января, князь Вяземскій далъ Ревизіонъ-Коллегіи предложеніе, что „Ея Величество всевысочайше указать соизволила купленной подъ Ревизіонъ-Коллегію графа Чернышева домъ отдать со всѣми къ нему принадлежностями въ вѣдомство Сиротопитательнаго дома.“

На это Ревизіонъ-Коллегія донесла, 7 февраля, что „оный Чернышевской домъ купленъ былъ по указу Правительствующаго Сената отъ Канцеляріи Конфискаціи, а не отъ Ревизіонъ-Коллегіи, которой и по нынѣ въ вѣдомствѣ состоитъ оной Канцеляріи, для чего по резолюціи Коллегіи сего жь числа въ Канцелярію Конфискаціи промеморія и послана съ тѣмъ, чтобы оный домъ въ силу Высочайшаго Ея Императорскаго Величества соизволенія отданъ былъ отъ той Канцеляріи Конфискаціи.“

Опекунскій Совѣтъ получилъ о семъ увѣдомленіе отъ Канцеляріи Конфискаціи 15 - го февраля.

Въ іюнѣ 1760 г. Сенатъ сообщилъ, что указомъ Ея Величества, въ 6 день мая, на докладъ онаго послѣдовавшимъ, повелѣно: „за построеніемъ квадрата, назначенные отъ Воспитательнаго Дома къ продажѣ дома: Колычевской, Чернышевской, княгини Сибирской и графа Строганова за 40.000 р. купить, для помѣщенія въ оныхъ Коллегій, слѣдуемыхъ къ выводу изъ Кремля, какъ за совершенною нѣкоторыхъ покоевъ ветхостію, такъ за назначеннымъ въ Кремль строеніемъ Юстицъ и Вотчинной Коллегій и Суднаго Приказа.

Въ 1767 г. Ея Величество повелѣла состоящій въ Нижнемъ Новгородѣ, на нижнемъ базарѣ, прежде бывший Архіерейскій домъ, съ церковью и покоями подъ оными, отдать Воспитательному Дому, для приѣма и воспитанія приносимыхъ тамъ дѣтей.

Въ 1766 г., въ ожиданіи холмогорскаго скота, купленнаго для Воспитательнаго Дома архангельскимъ губернаторомъ Головцынымъ, отысканы луга вверхъ по Москвѣ рѣкѣ по урочищу отъ Дорогомиловской Ямской слободы, внизъ по Москвѣ рѣкѣ до устья рѣки Сѣтуни, наз. Красный Лугъ. Мѣсто при устьѣ р. Сѣтуни высокое и сухое, въ длину и поперечникѣ составляетъ ровную площадь по 300 саж. и луга поемные. Это мѣсто и луга предполагалось испросить во владѣніе Дома, для постройки Скотнаго Двора.

Въ іюлѣ Опекунскій Совѣтъ писалъ въ Государственную Коллегію Экономіи, объ отдачѣ въ наймы на одинъ годъ Краснаго Луга, а 8 іюля, о наймѣ кромѣ того и садовъ въ селахъ Голенищевѣ, Владычинѣ и въ Озерецкой волости съ сѣнными покосами, за 331 р. въ годъ.

Въ августѣ 1766 г. Бецкой писалъ Совѣту о приобрѣтеніи Краснаго Луга, для пастбы, присланныхъ изъ Холмогоръ для Воспитательнаго Дома, коровъ.

Совѣтъ отвѣчалъ, что одинъ Красный Лугъ Коллегія Экономіи въ наймы Воспитательному

Дому не отдавала, а съ помянутыми садами, въ коихъ фруктовыхъ деревьевъ и прочаго овоща нѣтъ. Воспитательный Домъ вызывалъ желающихъ, но никто ихъ не взялъ.

Въ октябрѣ же 1766 г. Опекунскій Совѣтъ писалъ Бецкому, что 17 числа былъ на вновь строящемся коровьемъ дворѣ, и ходатайствовалъ объ испрошеніи прилегающей къ нему патріаршей пашенной земли, для того, чтобы, по множеству отъ коровъ навоза, засѣвать ее каждый годъ хлѣбомъ и другими овощами.

Въ апрѣлѣ 1767 г. состоялся Высочайшій указъ Коллегіи Экономіи, чтобы состоящій при Синодальномъ селѣ Троицкомъ-Голенищевѣ, называемый Красный Лугъ, выключить изъ оброчныхъ статей и отдать въ вѣчное владѣніе Московскому Воспитательному Дому, а лежащую близъ онаго на вышинѣ, при рѣчкѣ Сѣтуни землю 20 десятинъ, состоящую во владѣніи крестьянъ того села, также отдать Опекунскому Совѣту.

Изъ сообщенныхъ Воспитательному Дому выписокъ писцовыхъ и межевыхъ книгъ 1627 и 1628 гг. о мѣстности Загороднаго Двора видно, что здѣсь, на рѣчкѣ Сѣтуни, была вотчина патріарха Филарета Никитича село Троицкое, Голенищево тожъ, съ деревянною церковью во имя Св. Троицы съ придѣломъ Леонтія Ростов. Чудотв., пять мельницъ, село, деревня, слободка и 26 пустошей. Къ этому же селу принадлежали, на рѣкѣ Москвѣ у Воробьевскихъ кручь три печи, гдѣ обжигали кирпичи на обиходъ патріарха, съ 6-ю сараями, что изстари бывала Лужниковская слобода; въ ней живутъ оброчники, платящіе оброкъ патріарху, большею частію рыбники и овчинники; позади слободы земля, что прежде пахивали лужники, а нынѣ наѣздомъ крестьяне села Троицкаго. Лужниковскій лугъ по Москвѣ рѣкѣ простирался на двѣ версты, отъ рва Земл. города, за Арбатскими воротами, перейдя черезъ Москву р. сквозь Ямскую Дорогомиловскую слободу по Можайской дорогѣ; вправо находились дворцовое село Фили, деревня Мазилова и Государева Мазилова заповѣдная роща.

Красный Лугъ и 20 дес. пашенной земли, пожалованные Воспитательному Дому, написаны

къ селу Троицкому-Голенищеву и къ Бережковской слободкѣ по писцовымъ 1627 и 1628 гг. Θεодора Пушкина книгамъ, въ которыхъ четвертныя дачи показаны: пашни 842 четверти въ полѣ, а въ дву потомужь, сѣна 1121 копна, лѣсу 32 десятины, въ томъ числѣ и вышеотведенная земля 20 дес.; а въ Красномъ Лугу, который именовался по тѣмъ книгамъ Лужниковскимъ, 500 копень. Данная на этотъ Лугъ писана въ 1768 году.

Изъ книги входящихъ бумагъ Совѣта 1781 г. іюня 2-го видно, что въ 1769 г. заключено было условіе съ Конторою Коллегіи Экономіи объ отдачѣ Воспитательному Дому въ 4-лѣтнее содержаніе вотчины Синодальнаго вѣдомства при селѣ Троицкомъ, Голенищевѣ тожъ, при Красномъ Лугу казеннаго сѣннаго покоса, называемаго *кочешникъ*, съ платою по 6 р. 50 коп. въ годъ.

Изъ отчета и баланса по Скотному Двору, представленнаго въ Слѣдственную Коммисію, видно:

„Подъ Скотнымъ Дворомъ и лугомъ земли, по межевымъ книгамъ и плану, значится: Московскаго уѣзда Сѣтунскаго стану, называемой Красный Лугъ, въ коемъ земли пашенной 14 десятинь 384 саж., сѣннаго покоса 74 десятины 595 саж., подъ Скотнымъ Дворомъ и садомъ 3 десятины и 900 саж. Итого 91 десятина 1879 саж., неудобной земли 15 десятинь 1095 с.; а всей 107 десят. 572 сажени.“

По малому доходу думали было отдать Скотный Дворъ въ аренду, но въ 1776 г. Бецкой не согласился. Первоначально Загородный Дворъ Воспитательнаго Дома назначался для содержанія на немъ коровъ хорошаго качества, для вскармливанія и привитія тамъ оспы младенцамъ, которые даже иногда и содержались здѣсь, въ замѣнъ раздачи по деревнямъ. Поэтому сначала выстроены были только деревянныя зданія, а въ 1783 г. каменное, которое обошлось въ 23 т. р., и было окончено лѣтомъ 1786 года.

Въ 1797 году, лѣсъ, отъ уничтоженной на Яузѣ мельницы, употребленъ на пристройку связи на Загородномъ Дворѣ, для больныхъ прилипчивыми болѣзнями и слабыхъ питомцевъ.

Въ 1818 г. разрѣшено устроить на Загородномъ Дворѣ, для помѣщенія въ лѣтнее время

воспитанниковъ обоего пола, каменное строеніе по смѣтѣ на 82.048 р. 50 коп. Позднѣйшія постройки на Загородномъ Дворѣ имѣли цѣлью расширить и увеличить помѣщеніе на немъ, для воспитанниковъ Дома.

Съ 1849 г. въ немъ живутъ лѣтомъ однѣ лишь воспитанницы Николаевскаго Сиротскаго Института.

Въ настоящее время доходы съ Загороднаго Двора представляются въ слѣдующемъ видѣ:

1) Молочные скопы частію продаются, частію употребляются для Заведенія.

2) Огородная земля отдается въ аренду; въ послѣднее время—за 320 руб.

3) Береговая земля у рѣчки Сѣтуни отдается въ арендное содержаніе, для складки дровъ, и нынѣ приноситъ доходу 1.200 р.

4) Сѣно съ луговъ идетъ на продовольствіе скота.

Въ октябрѣ 1826 года Всемиловѣйше пожалованы Государемъ Императоромъ Московскому Воспитательному Дому каменные корпуса, оставшіеся послѣ пожара отъ бывшаго Слободскаго дворца.

Зданія эти перестроены были для Ремесленнаго Учебнаго Заведенія, съ прикупкою части смежной земли у сосѣднихъ владѣльцевъ.

Жалована была Воспитательному Дому и разная движимость. Такъ въ 1763 году пожалованы были остатки отъ празднествъ Высочайшей Коронаціи.

Въ ноябрѣ 1763 г. Опекунскій Совѣтъ писалъ въ Гофъ-Интендантскую Контору о сдачѣ подаренной Ея Величествомъ Воспитательному Дому, построенной на Царицынскомъ лугу, галереи, для смотрѣнія фейерверка, съ бывшими въ ней уборами.

Въ числѣ вещей, присланныхъ въ Воспитательный Домъ въ томъ же году изъ Конторы Конфискаціи были: какая-то книжка кievской печати; множество азіатскихъ монетъ большихъ и малыхъ и нѣсколько мѣдныхъ посеребренныхъ талеровъ; фигура въ коробчкѣ, съ надписью: „въ мирѣ и въ войнѣ слава;“ какіе-то футляры и другія.

Въ мартѣ 1764 года, Московская Гофъ-Интендантская Контора доставила въ Воспита-

тельный Домъ, вслѣдствіе предложенія Бецкаго, оставшееся отъ придворнаго маскарада платье, также купленные изъ Университета сукно, стамеды, китайку и проч.

Въ предложеніи по этому предмету Конторъ, отъ 19 февраля (*), Бецкой писалъ: „сдѣланное отъ оной Конторы къ бывшему въ прошломъ году въ Москвѣ маскараду и купленное изъ Университета платье, которое отъ употребленія измарано, и нѣсколько изодрано и впредь въ маскарады негодно, отъ лежанія же тлѣть, мышами вредиться и втуне пропасть можетъ, но какъ по Всемиловѣйшему Ея Императорскаго Величества соизволенію и щедротамъ Ея Величества учреждается Воспитательный Домъ, въ которомъ упомянутое платье по вымытію и вычищенію, на платье дѣтямъ и другія надобности употребится съ пользою, нежели партикулярнымъ людямъ по ненадобности за малую цѣну продать. Въ разсужденіи чего то платье отдать въ Воспитательный Домъ, по надлежащей описи.“

Въ мартѣ Бецкой приказалъ Конторъ отдать въ Воспитательный Домъ и оставшіяся отъ постройки маскараднаго платья сукно, стамеды, китайку и проч.

Въ томъ же году приняты въ Воспитательный Домъ товары изъ Сибирскаго Приказа, проданные за 93 руб.

Въ февраль 1766 г., Бецкой писалъ Совѣту: „Ея Императорское Величество всемиловѣйше и заустно повелѣть соизволила: изъ имѣющихся въ вѣдѣніи Московской Гофъ-Интендантской Конторы въ кладовыхъ Кремлевскаго дворца вещей и прочаго, нѣкоторыя отослать въ разныя мѣста какъ подъ симъ въ реэстрѣ значить, а за тѣмъ достальныя по приложенной при семъ оной Конторы описи всемиловѣйше пожаловала Воспитательному Дому, о чемъ отъ меня въ ту Контору предложено, того ради прошу по объявленной описи принять и разсмотря надобныя нынѣ и впредь въ Домъ оставя хранить, а конечно непотребное съ аукціона продать.“

Изъ числа вещей, хранившихся въ Кремлев-

скомъ Дворцѣ, пожалованы Воспитательному Дому: 4 блюда серебряныхъ панихидныхъ, данныхъ Императрицею Анною Іоанновною на гробы Государынь—Великой Княжны Натальи Алексѣевны, и Царевенъ—Ѳеодосіи и Маріи Іоанновны въ Вознесенскій монастырь, и Петра II—въ Архангельскій соборъ, вѣсомъ 12 фунтовъ 63¹/₄ золотника, къ нимъ серебряныхъ шандаловъ 8, вѣсомъ 26 фунт. 4⁷/₈ зол. Въ числѣ книгъ, были письменныя: молитвенникъ, о покаяніи и исповѣди, хрисмологіонъ о пророчествѣ Даніиловѣ;—печатныя: Ѳеотронъ, отосланная въ Синодальную Контору вмѣстѣ съ 4 блюдами, Евангеліе съ толкованіемъ на французскомъ языкѣ, Литургія Іоанна Златоустаго, Новый Заветъ на латинскомъ и греческомъ языкахъ и Библия китайская;—патентъ Датскаго Короля кн. Долгорукову на кавалерскій орденъ Слопа; портреты: Петра I на желтомъ атласѣ и Екатерины I, сидящей въ креслахъ. Прочія вещи заключались въ латахъ, щитахъ, ножахъ, кольчугахъ, охотничьихъ рогахъ, костяныхъ и черепаховыхъ фигурахъ.

Въ мартѣ 1766 г. получено отъ Бецкаго уведомленіе, что „Ея Императорское Величество всемиловѣйше пожаловать соизволила имѣющимся въ Камеръ-Цальмейстерской Конторѣ разныя тафтяныя, камчатныя и другія штуки, изъ коихъ сего числа за печатью той Конторы два сундука, расположенныя въ нихъ по реэстру (каковъ съ копіею съ росписки при семъ прилагается) отправлены баталіона строеній съ каптенармусомъ Егоромъ Владимировымъ на наемныхъ 6 подводкахъ, которыя по привозѣ должно разбирать по укладкѣ противъ того реэстра, не примѣшивая по мелочи ихъ и надобныя нынѣ и впредь для Дома оставить, а прочіе продать и унтеръ-офицера, давъ подводу, сюда отправить.“

Въ 1767 г. пожалованы Ея Величествомъ и присланы въ Воспитательный Домъ изъ Главной Комендантской Конторы 153 серебряныхъ герба съ гренадерскихъ шапокъ и 80 задниковъ, которые обращены въ слитки, вѣсомъ 38 ф. 72 золотника.

Въ 1768 г. Ея Величество повелѣла: „имѣвшіяся при Главной Интендантской Конторѣ и

(*) Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ М. П. Полуценскимъ.

въ Преображенскомъ Дворцѣ Св. Образа и прочія вещи роздать въ церкви, въ Мастерскую и Оружейную Палаты и другія мѣста, въ томъ числѣ и въ Воспитательный Домъ.“

Въ числѣ вещей показаны: математическіе, плотническіе и столярные инструменты, глобусъ маленькій, 3 флага корабельныхъ и три вымпела стамедные, гора Сионская изъ каменьевъ, модель галерная деревянная, два подъемные моста и проч.; всѣ вещи болѣе или менѣе ветхія.

Вслѣдствіе сего, въ 1770 г., Бецкой писалъ, что „имѣющіяся въ Преображенскомъ Дворцѣ отъ давнихъ лѣтъ разныя хрустальныя и другія вещи, за неприемомъ въ Оружейную Палату предоставлено принять отъ Московскаго при Дворцахъ командира Ассесора Дивова въ Воспитательный Домъ и, какъ ихъ имѣть изволилъ Петръ Великій, то, не продавая, оставить впредь для незабвенной памяти.“ Въ числѣ вещей также были: рюмка и братинка съ фонтанами, двѣ волторны, пара пистолетовъ съ тисками, стеклянная чаша Измайловскаго дѣла, корабль и корабликъ зеленые вощаные изъ свѣчь, и другія.

Въ іюль 1771 г. послано въ газеты объявленіе, что „недавно поставлены въ Воспитательномъ Домѣ древнія вещи, присланныя изъ Азіи къ Царю Алексѣю Михайловичу—кресла и Его Царскаго Величества столъ; нѣкоторые сосуды Императора Петра I, употреблявшіеся имъ въ бытность въ Преображенскомъ; кабинетъ натуральной исторіи, недавно привезенный изъ заграницы, заключающій въ себѣ рѣдкихъ птицъ и звѣрей. Почему публика приглашалась, для обозрѣнія этихъ вещей, каждый день отъ 8 часовъ утра до 6 по полудни. Плата за входъ съ персоны полагалась по 25 копѣекъ.“

Въ 1772 г. Ея Величество повелѣла: купленные во время заразы у ремесленниковъ на казенныя деньги вещи, всего на 9.496 р. 31 к., отдать въ Воспитательный Домъ для употребленія. Товары эти заключались въ разныхъ, большею частію, галантерейныхъ и платяныхъ женскихъ и мужскихъ вещахъ, газахъ, позументахъ, блондахъ, склаважахъ, крестикахъ и коль-

цахъ. Всѣ эти товары и вещи П. А. Демидовъ взялъ за себя за 5.000 р.

Въ первые годы учрежденія Воспитательнаго Дома доставлялись въ него сельскіе продукты изъ собственной Ея Величества Епифанской вотчины села Бобрикъ, а именно въ 1764 г. доставлено муки ржаной 200 и крупъ гречневыхъ 50 четвертей; а въ 1765 г. муки ржаной 196 четвертей, крупы гречневой—49 ч.

Въ 1764 году предоставлены въ пользу дома конфискованные пожитки барона Шемберга; по продажѣ за нихъ получено 4.488 р. 80 к.

Въ пользу же Дома обращены были выморочныя вещи и имущество послѣ графа Миниха, придворнаго арапа Купидона, генерала Фаста, купца Дроздова и барона фонъ-Швейца.

Въ мартѣ 1764 г., Опекунскій Совѣтъ требовалъ отъ Московской Гофъ-Интендантской Конторы, по предложенію той Конторѣ Бецкаго, доставить въ Воспитательный Домъ 1000 р., принятыхъ въ Канцелярію Строеній отъ дому фельдмаршала графа Миниха. Деньги эти и были присланы изъ Конторы въ Домъ съ поручикомъ Венидиктовымъ.

Доставлены были въ Воспитательный Домъ и пожитки графа. Въ декабрѣ 1768 г. Бецкой спрашивалъ Совѣтъ: нѣтъ ли въ отданныхъ Воспитательному Дому, послѣ покойнаго генералъ-фельдмаршала графа Миниха, пожиткахъ какихъ либо, во время бытности его въ Турецкомъ и другихъ походахъ, ландкартъ, чертежей и описаній. Въ пожиткахъ оказалась только одна карта Россійской Имперіи, которая и отослана къ Бецкому.

Въ декабрѣ 1765 года опекуномъ кн. Ггариннымъ привезено изъ С. Петербурга, оставшееся послѣ умершаго, бывшаго при дворѣ Ея Величества, малолѣтнаго арапа Купидона, значительное количество платья нѣмецкаго, арабскаго и арлекинскаго.

Изъ Юстицъ-Коллегіи Лифляндскихъ и Эстляндскихъ дѣлъ принято, изъ пожалованнаго Дому имѣнія покойнаго генерала Фаста въ 1765 г. въ первый разъ—7396 р 39 к., во 2 й—52 р. 75 коп., въ 1766 г.—1830 р. 79¹/₂ к., а всего—9279 р. 93¹/₂ коп.

О пожалованномъ Воспитательному Дому вы-

морочномъ имѣніи петербургскаго купца Ивана Матвѣева Дроздова, умершаго въ іюль 1761 г., въ письмахъ Бецкаго находятся слѣдующія свѣдѣнія:

1. Отъ 2 октября 1766 года, что „за проданный послѣ покойнаго купца Дроздова дворъ пятнадцать тыс. руб. положено заплатить въ три года, по прошествіи каждаго, а проценты на предъ за всю сумму приняты.“

2. Отъ 30-го же октября Бецкой писалъ: „При семъ прилагаю о пожалованномъ послѣ покойнаго купца Дроздова имѣніи оригинальные—вѣдомость конфискацкую, векселя, справки, книгу о продажѣ и проч. документы, изъ которыхъ по пяти векселямъ во сто пятьдесятъ шесть рублей двадцать копѣекъ должники сысканы, но въ крайней бѣдности находятся, а Воспитательный Домъ на человѣколюбіи основанъ; почему съ нихъ, равно какъ и съ другихъ, коихъ по посылкамъ отъ Гильдейскаго дома сыскать не могли, а засвидѣтельствовано о ихъ бѣдности, что черною работою кормятся, взыскаіііе оставлено. Прочіе жъ должники не здѣшніе, а другихъ городовъ; и для того разсуждается мнѣ не лучше ли имъ напередъ отъ Совѣта чрезъ знаемыхъ и другими способами объявить, чтобы заплатили, когда по протестованнымъ векселямъ добровольно платить не будутъ, а въ состояніи и законныхъ причинъ не докажутъ, тогда можно черезъ Присутственные мѣста требовать, однакожь бы безъ взыскаіііа процентовъ, дабы честь Дому наипаче утверждалась; и на послѣдокъ о здѣшнихъ и ежели еще не имущіе явятся, коимъ по разсмотрѣнію Совѣта взыскаіііе остановится въ вѣдомостяхъ публиковать.“

3. Отъ 28 декабря Бецкой прислалъ доіііеніе бывшихъ людей покойнаго купца Дроздова, которые „для Дома не способны и подаііііе учинили сорокъ рублей, для того объ нихъ въ Магистратскую Контору сообщено.“ Эти крѣпостные люди куплены Дроздовымъ у адмиралтейскаго работника Козмина въ 1755 г.

и у лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка капитанармуса Травина.

30 сентября 1768 г. Бецкой писалъ Совѣту: „Ярославскаго уѣзда экономическій крестьянинъ Павелъ Ильинъ прошеніемъ объявляя, что Главный Магистратъ, по сообщенію онаго Совѣта взыскиваетъ съ него и съ брата его Степана Ильина, по даннымъ отъ нихъ покойному купцу Дроздову въ 754 и 756 годахъ тремъ платежнымъ и непротестованнымъ векселямъ восемь сотъ рублей, которыхъ де они платить не должны, проситъ по справедливости, о не взыскаіііи; а какъ тѣ векселя не протестованы, то и предаю на разсмотрѣніе Совѣта.“

Въ числѣ оііісаннаго выморочнаго имѣніа купца Дроздова значится книга Азовская Исторія въ 8 долю; столъ небольшой, а по срединѣ онаго вставлено 15 изразцевъ нѣмецкихъ, и разныя матеріи.

Имѣніе Дроздова доставило Воспитательному Дому деньгами за проданные пожитки, домъ лавки и прочее—56.246 р. 85 к.

Въ мартъ 1771 г. Бецкой прислалъ для свѣдѣнія и хранения въ Совѣтѣ полученное имъ отъ генераль-полиціймейстера Чичерина письмо съ оііісью оставшимся послѣ покойнаго подполковника барона фонъ-Швейца пожиткамъ и разнымъ вещамъ, съ объявленіемъ Высочайшаго повелѣніа, объ отдачѣ тѣхъ пожитковъ и вещей въ Воспитательный Домъ.

Поступившія въ пользу Воспитательнаго Дома вещи, или хранились, въ память Всемилостивѣйшаго пожалованія, или продавались съ аукціона; а золотыя и серебряныя вещи отсылались для переливки на Монетный Дворъ. Такъ 17 августа 1767 г. Бергъ-Конторы Монетный Департаментъ увѣдомилъ, что изъ присланныхъ Опекунскимъ Совѣтомъ, серебряныхъ вещей, золотыхъ и серебряныхъ позументовъ вышло серебра 1 пудъ 23 фунта 8 золот., въ коемъ чистаго золота 56 золот. $\frac{25}{96}$ долей, за что и отпушено деньгами 1152 р. $3\frac{1}{4}$ к.; а 22 августа тотъ же Департаментъ сообщилъ, что изъ присланнаго въ іюнь серебра 21 фун. 46 золот. отпушено деньгами 279 рублей.

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ДОМЪ ВЪ 1812 ГОДУ (*)

Императрица Марія Ѳеодоровна, въ рескриптѣ 7-го августа 1812 года, на имя почетнаго опекуна Александра Михайловича Лунина, высказывая сомнѣніе, чтобы непріятель могъ овладѣть Москвой, вмѣстѣ съ тѣмъ, на всякій случай, предложила слѣдующія мѣры:—1. Сохранную и Ссудную Казны закрыть и перевести въ Казань; но предварительно—изъ Сохранной оставить денегъ на издержки; а касательно Ссудной Казны повѣстить, чтобы залогодатели спѣшили выкупать свои вещи. Послѣ того всѣ оставшіяся вещи, деньги и документы, въ сопровожденіи директоровъ и оберъ-секретаря съ нужнымъ числомъ чиновниковъ, отправить въ Казань. При этомъ Государыня изъявляетъ надежду, что Лунинъ, если здоровье позволитъ, не покинетъ своего поста—отправится въ Ка-

(*) Два любопытнѣйшіе документа, относящіеся къ происшествіямъ въ Воспитательномъ Домѣ, во время взятія Москвы непріятелемъ уже извѣстны любителямъ историческихъ свѣдѣній; они напечатаны во 2-й книгѣ за 1860 г. «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ». Это донесенія главнаго надзирателя Воспитательнаго Дома Тутолмина Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, отъ 11-го ноября 1812 года, и главнаго лекаря Маріинской Больницы Оппеля, въ Октябрѣ 1812 г.

Изъ перваго донесенія весьма многое въ настоящей статьѣ заимствовано, но многое и пополнено изъ другихъ бумагъ еще нигдѣ не напечатанныхъ. При изданіи матеріаловъ Воспитательнаго Дома имѣлось преимущественно въ виду выбрать изъ старыхъ дѣлъ тѣя свѣдѣнія, которыя или вовсе забыты, или съ теченіемъ времени легко могутъ совсѣмъ утратиться. Извѣстія уже напечатанныя повторятся лишь въ той мѣрѣ, въ какой это необходимо по связи предметовъ. По этимъ причинамъ не перепечатываются здѣсь и упомянутыя выше донесенія Тутолмина и Оппеля.

зань; въ противномъ случаѣ, его мѣсто заступитъ другой опекунъ—князь Сергій Михайловичъ Голицынъ. Изъ числа документовъ и дѣлъ, Императрица положила оставить только нужныя для храненія въ архивѣ.

2). Экспедицію о воспитанникахъ, вмѣстѣ съ питомцами и приставниками, предполагалось сначала оставить въ Домѣ, въ той надеждѣ, что такое милосердное учрежденіе, какъ Воспитательный Домъ, будетъ уважено непріятелемъ. Рѣшили только прекратить пріемъ дѣтей, на тотъ конецъ, что, по военному времени, окрестные крестьяне, страшась непріятели, оставятъ свои деревни,—и потому Домъ, конечно, будетъ терпѣть недостатокъ въ кормилицахъ. О всемъ этомъ—извѣстить публику и увѣщевать матерей, хотя на это трудное время, держать при себѣ младенцевъ. Главнаго надзирателя, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Акинѣевича Тутолмина, снабдить деньгами на одинъ, или на два мѣсяца, и уполномочить его чрезвычайною властью увольнять всякаго, кто нарушитъ долгъ и присягу.

3). Въ Больницу для бѣдныхъ вновь больныхъ не принимать. Приходящимъ же давать совѣты и лекарства, пока возможно будетъ. Излишнихъ лекарей положено отправить въ Казань.

4). Вдовъ, которыя еще въ силахъ, распустить изъ Вдовьяго Дома, съ пенсіономъ во 100 руб. Слабыхъ же и дряхлыхъ перевести въ

Инвалидное Заведеніе Шереметевой, состоящее под покровительствомъ Дома.

Содержаніе этого рескрипта было сообщено главнокомандующему въ Москвѣ, графу *Θ. В. Растопчину*. Послѣ того, 15-го августа, Московскій Опекунскій Совѣтъ и Совѣтъ Училищъ Екатерининскаго и Александровскаго, имѣли чрезвычайное собраніе. Выслушанъ былъ рескриптъ Императрицы — и собраніе положило: отправить къ графу Растопчину депутацію изъ почетныхъ опекуновъ и главнаго надзирателя, и просить его содѣйствія къ выполненію Высочайшихъ мѣръ. — Растопчинъ далъ обѣщаніе. — Въ мѣстѣ съ тѣмъ писано было казанскому губернатору о присканіи квартиръ, для помѣщенія Опекунскаго Совѣта и воспитанницъ Екатерининскаго и Александровскаго Училищъ. Родители и родственники институтокъ были повѣщены, что желающіе могутъ брать ихъ на свое попеченіе; многія и были взяты. Воспитанницы должны были ѣхать въ Казань, подъ надзоромъ члена Совѣта, Николая Ивановича Баранова, снабженнаго на издержки 30-ю тысячами рублей. Учителей уволили съ 15-го августа. О доставленіи подводъ собраніе просило графа Растопчина.

Рескриптами Императрицы Маріи, — 19-го августа, Домъ сданъ главному надзирателю Тутолмину, — а 22-го августа, объ отправленіи въ Казань, повелѣно оставить въ Домѣ только малолѣтнихъ воспитанниковъ. — „Дошедшія до Меня извѣстія о свирѣпостяхъ непріятели, — говоритъ Государыня въ Своемъ рескриптѣ 22 августа, — подають мнѣ поводъ къ опасенію въ разсужденіе взрослыхъ нашихъ питомцевъ обо его пола, въ томъ числѣ воспитанницъ, приготавливаемыхъ къ званію наставницъ и воспитанниковъ латинскихъ классовъ. Помышляя, что жизнь, честь, невинность и нравы ихъ могутъ подвергнуться опасности, Я почитаю необходимымъ удалить изъ Москвы всѣхъ воспитанницъ свыше 11 лѣтъ и воспитанниковъ свыше 12 лѣтъ. Посему оставшимся въ Москвѣ почетнымъ опекунамъ съѣхаться въ Совѣтъ и сдѣлать постановленіе объ отправленіи сихъ воспитанниковъ въ Казань; мальчики кажется могутъ идти пѣшкомъ до Владиміра и Коломны,

а для воспитанницъ нужны повозки до того или другаго мѣста, откуда могутъ слѣдовать водою.“

Снаряжались къ отъѣзду; роздали дѣтямъ, на случай, теплую одежду; но такъ какъ въ Домѣ не хватало одежды на всѣхъ, то поручено первому бухгалтеру Шредеру закупить тулупы дорогой. Шредеръ, какъ начальникъ поѣзда, снабженъ былъ 40-тысячью рублями и шнуровой книгой, для записки расходовъ.

Передъ отъѣздомъ, служащимъ при Домѣ и взрослымъ питомцамъ предложено: не пожелаетъ-ли кто изъ нихъ поступить въ военную службу? — Имъ положено выдать по 25 руб. и письменныя свидѣтельства. Изъ питомцевъ искалось желающихъ 5 человекъ (*). Изъ служащихъ двое: Алексѣй *Сарыничаръ*, смотритель Окружнаго строенія, и лекаръ *Варжанскій*.

21-го августа, въ 4 часа утра, двинулся изъ Москвы первый поѣздъ, — дѣла, вещи и деньги, — подъ надзоромъ почетнаго опекуна Лунина и другихъ чиновниковъ. Ихъ сопровождалъ конвой, изъ 50 рядовыхъ, 4 унтеръ и 2 оберъ-офицеровъ. Везли сухимъ путемъ до Коломны, а оттуда на баркахъ.

Того же 21-го числа, въ 6 часовъ утра, выѣхали и воспитанницы Училищъ Екатерининскаго и Александровскаго, въ сопровожденіи чиновниковъ и сержантовъ Экспедиціи о воспитанникахъ. Ихъ отправляли на простыхъ телегахъ, потому что экипажей достать было негдѣ — всѣ достаточные люди уже выѣхали изъ Москвы со всѣмъ своимъ имуществомъ. Членъ Совѣта Училищъ Юрій Александр. Нелединскій-Милецкій, князь Никол. Борис. Юсуповъ, княжна Хаванская, г-жа Анненкова и генераль-маіоръ Шепелевъ предложили свои экипажи институткамъ; но ихъ достало на очень немногихъ.

Въ рескриптѣ, отъ 26-го августа, на имя члена Совѣта Юрія Александровича Неледин-

(*) 16 воспитанниковъ изъ домашнихъ ремесленныхъ и 1 изъ аптеки изъявили желаніе быть опредѣленными въ Московское ополченіе. Они отвезены самимъ Тутолминымъ къ графу Маркову и опредѣлены унтеръ-офицерами. (Донес. Тутолмина Императрицѣ? августа 22 для 1812 г.) Изъ нихъ трое остальныхъ были отрядомъ, возвратились въ Домъ и были припаты Тутолминымъ.

каго-Милецкаго, Императрица Марія, отдавая справедливость дѣятельности при отправленіи изъ Москвы институтокъ, замѣчаетъ однако нѣкоторую поспѣшность въ ихъ отправленіи. — „Какъ могли допустить, — говоритъ она, — чтобъ благородныхъ дѣвицъ отправить на телѣгахъ? Уже довольно прискорбно, если необходимость заставляла возить на телѣгахъ воспитанницъ Александровскаго Училища, которыя изъ нижнихъ офицерскихъ, мѣщанскихъ и тому подобнаго состоянія дѣтей, а дочерей лучшаго дворянства на телѣгахъ не могу себѣ представить безъ огорченія и прямо сказать стыда, даже слезъ. Не ужели въ обширной, изобильной всеѣмъ Москвѣ нельзя было, если не ссудю, то наймомъ достать потребнаго числа каретъ? Или Совѣтъ могъ остановиться незначущимъ на то расходомъ.“

Опекуну Баранову предписано было на пути нанимать кареты. Кромѣ того Государыня одобрила, что учителя, инспекторъ и духовникъ оставлены въ Москвѣ, и также предписывала принять мѣры къ исправленію такой ошибки.

Питомцы выѣхали изъ Москвы 31 августа, подъ надзоромъ перваго бухгалтера Шредера. Въ числѣ воспитанниковъ были и тѣ, которые обучались въ Московскомъ Университетѣ. Ихъ взяли по отношенію ректора Гейма, который писалъ, что „Университетъ отправляется изъ Москвы и не имѣетъ средствъ куда либо сихъ воспитанниковъ отправить.“ (Питомцевъ Воспитательнаго Дома было 143 человекъ, питомокъ — 190 и служащихъ — 83). Помощниками Шредера въ этой экспедиціи состояли: первый надзиратель Шумовъ и экономскіе помощники Сибиряковъ и Берхгофъ. Изъ 40.000 руб., назначенныхъ Шредеру на издержки, выдано 30.709 р. 50 ³/₄ к.; остальные деньги употреблены на покупку необходимыхъ вещей для питомцевъ. Вся же поѣздка стоила 12.096 р. 84 ¹/₄ к., какъ значитъ по шнуровой книгѣ; оставшіяся деньги внесены Шредеромъ въ Совѣтъ, уже въ Казани. Въмѣсто 300 подводъ, графъ Растопчинъ прислалъ только 200, — и такимъ образомъ на каждой подводѣ ѣхало по 5 и по 6 человекъ; иные питомцы шли пѣшкомъ. Шредеру не разъ приходилось нанимать дорогой телѣги и кибитки; кромѣ того

онъ купилъ нѣсколько лошадей, повозокъ и телѣгъ; эти лошади были необходимы для объѣздовъ вокругъ поѣзда, который тянулся болѣе чѣмъ на полторы версты. Лишнія повозки и телѣги употреблялись для разсылки за провіантомъ, иногда верстъ за 16 въ сторону.

Это путешествіе въ Казань совершилось благополучно. — Правда, случались больные, но за то очень незначительными болѣзнями, которыя скоро проходили отъ пособія врачей, командированныхъ къ поѣзду. Былъ только одинъ смертный случай: 1-го октября умеръ одинъ питомецъ, который и похороненъ въ Васильсурскѣ; кромѣ того — двѣ ремесленныя воспитанницы привезены въ Казань очень слабыми.

Тутолминъ, уже уполномоченный чрезвычайной властью, готовый пожертвовать собой, чтобъ съ честью исполнить свой долгъ, естественно хотѣлъ видѣть такуюже готовность и рѣшительность въ своихъ подчиненныхъ. Онъ предложилъ желающимъ оставить Домъ, преимущественно людямъ семейнымъ. Выѣхали: акушеръ Таненбергъ, отецъ трехъ взрослыхъ дочерей и пяти малолѣтковъ, аптекаръ Буттеръ, также семьянинъ, архитекторскіе помощники, сынъ архитектора Жиллярди и Григорьевъ, смотритель Загороднаго Двора Машковъ и смотрительницы, и помощницы повивальной бабки Андреевой. Уволена была, по нездоровью, старшая бабка Бергеръ. — Безъ спроса отлучились два домовые священника и дьяконъ (*); мы увидимъ впоследствии, до какой степени была милосерда къ нимъ Императрица. Скрылись также два окружные надзирателя, Сушковъ и Черепановъ.

Примѣровъ послушанія Тутолмину и измѣны мы знаемъ только два. Совѣтскій писарь Сапниковъ не хотѣлъ ѣхать въ Казань, и былъ уволенъ съ однимъ паспортомъ, — да еще лекаръ Науманъ, предъ вступленіемъ французовъ, объявилъ, что принять на службу Наполеона, и потому былъ исключенъ.

(*) Въ сохранившихся бумагахъ есть такое указаніе: «а какъ усердіе многихъ было приобщиться св. Тайнъ, то главный надзиратель приказалъ изъ сосѣдскихъ священниковъ, которые отъ пожара прибыли къ Дому, отправлять въ церкви служеніе.»

Въ вѣдѣніе Тутолмина, кромѣ Воспитательнаго Дома, поступили и другія московскія заведенія Императрицы, какъ-то: зданія Екатерининскаго и Александровскаго Училищъ, Вдовій Кудринскій Домъ, Больница для бѣдныхъ. Подъ его начальствомъ находились: главный лекаръ Больницы для бѣдныхъ—Опель, смотритель Вдовьяго Дома—Мирицкій, смотритель Павловской больницы—Носковъ и Инвалиднаго Дома Шереметевой—Ивановъ. Изъ Вдовьяго Дома 52 вдовы распущены по домамъ, снабжены пенсіей и разными вещами; девять же вдовъ съ бывшею при нихъ сиротою, по дряхлости и болѣзнямъ, переведены въ Воспитательный Домъ, гдѣ помѣщены были въ Законно-Родильномъ Госпиталѣ. Послѣ вывода воспитаницъ Институтовъ и вдовъ Вдовьяго Дома, зданія заведеній отданы въ распоряженіе графа Растопчина, для помѣщенія въ нихъ русскихъ раненыхъ. Эта мѣра была приведена въ исполненіе такъ быстро, что многія вещи изъ Институтовъ и Вдовьяго Дома не могли быть переведены. Считаемо не лишнимъ замѣтить, что аптекарская посуда и медикаменты изъ Военнаго Госпиталя также перевезены на сохраненіе въ аптеку Воспитательнаго Дома.

Въ самомъ Воспитательномъ Домѣ осталось до 350 питомцевъ обоюго пола, съ большею частію надежныхъ чиновниковъ, на которыхъ могъ рассчитывать Тутолминъ—и, какъ увидимъ ниже, онъ не ошибся.

Тутолминъ, сдѣлавши нужныя распоряженія, касательно заведеній, временно ввѣренныхъ его главному надзору, въ ожиданіи непріятели приступилъ 1-го сентября къ перемѣщенію Отдѣленной больницы въ Квадратъ. На другой день получено извѣстіе, что непріятели уже въ Москвѣ. Это извѣстіе было такъ внезапно, что Тутолминъ не успѣлъ даже перевести въ Квадратъ вещей, принадлежащихъ Отдѣленной больницѣ.

Еще 31-го августа дали знать въ Воспитательный Домъ, что передовыми казачьими отрядами разграбленъ Скотный Дворъ. Тутолминъ оставшійся скотъ велѣлъ переслать въ Домъ, для заготовки солонины, на случай недостатка въ продовольствіи. 1-го сентября вступили наши

войска въ Москву. Они разбили нѣсколько питейныхъ домовъ и по близости Воспитательнаго Дома. Это обстоятельство надѣлало Тутолмину хлопотъ: рабочіе люди обоюго пола и караульщики кинулись въ разбитые кабаки, нахватили вина ведрами, горшками, кувшинами и т. п. и перепились—въ то время, когда болѣе нежели когда нибудь нужны были рабочіе руки. Тутолминъ ходилъ по Дому, билъ посуду съ виномъ, или выливалъ его на землю.

Наконецъ 2-го сентября, вслѣдъ за русской арміей, въ 4 часа по полудни, вступила непріятельская. Двѣ арміи шли такъ близко одна отъ другой, что когда русская шла по набережной Воспитательнаго Дома, французы были уже въ Кремль (*).

Боясь насилій и жестокостей со стороны непріятели, главный надзиратель отправился въ Кремль съ двумя чиновниками къ губернатору города графу Дюронелю, назначенному Наполеономъ. Тутолминъ взялъ съ собою экономскаго помощника Зейпеля и для перевода (онъ не говорилъ по-французски) экономскаго сына, коллежскаго регистратора Петра Христиани, служившаго въ Канцеляріи Московскаго Военнаго Губернатора переводчикомъ. Дюронель назначилъ караулъ изъ 12 человекъ конной гвардіи съ однимъ офицеромъ. Имъ отвели помѣщеніе въ Корделожи и содержали на счетъ Дома.

Съ перваго дня занятія французами Москвы начались пожары. Въстѣ съ пожарами начались убійства и грабежи. Воспитательный Домъ тоже не мало пострадалъ этимъ несчастнымъ временемъ. 4-го сентября, при сильномъ вѣтрѣ, пожаръ былъ особенно великъ: горѣли дома, церкви, мосты, даже барки на рѣкѣ. Непріятель, видя въ пожарѣ свою гибель, цѣль русскихъ обезсилить его, преслѣдовалъ поджигателей. Изъ нихъ многіе были пойманы—одни казнены, другіе посажены въ тюрьмы. 6-го сентября, въ два часа по полудни, Наполеонъ, обзрѣвая городъ, ѣхалъ набережной Воспитательнаго Дома. Его удивило, что Домъ

(*) Доносъ Тутолмина, 11 ноября 1812 года.

сохраненъ отъ пожара. Ему сказали, что зданіе спасено отъ гибели начальникомъ его съ подчиненными. Императоръ тотчасъ же послалъ генералъ-интенданта Дюмаса ѣхать въ Домъ, найти достойнаго начальника и объявить ему отъ его лица привѣтствіе. „Я прислапъ къ вашему превосходительству отъ Императора, — сказалъ Дюмасъ Тутолмину. — Императоръ приказалъ благодарить васъ за трудъ и за спасеніе отъ огня вашего Дома. Его Величеству угодно съ вами лично познакомиться.“ Тутолминъ равнодушно принялъ привѣтствіе, но утѣшился тѣмъ, „что весь Домъ отъ него былъ приведенъ въ окураживаніе,“ какъ выразился онъ въ своемъ донесеніи Императрицѣ, отъ 11-го ноября. Наполеонъ прислалъ за Тутолминымъ своего секретаря де-Лорна съ приказаніемъ явиться во дворецъ.

Вотъ подлинное донесеніе Тутолмина Государю Императору, отъ 7 сентября 1812 года, въ которомъ описывается свиданіе Наполеона съ Тутолминымъ.

„По Высочайшему повелѣнію Императрицы, Дрожайшей Родительницы Вашего Величества, остался я въ Москвѣ, я Главный Надзиратель Воспитательнаго Дома для попеченія о певныхъ младенцахъ и малолѣтнихъ дѣтяхъ, кои оставлены въ ономъ Домѣ, взрослые же всѣ вывезены. Сентября 2-го числа когда войска Вашего Императорскаго Величества проходили чрезъ Москву въ слѣдъ за оными въ 4 часа пополудни вступили въ оную войска Его Величества Французскаго Императора. А какъ Главпокомандующій Москвы и всѣ городскіе начальники, также и жители выѣхали изъ оной, а остались въ домахъ одни караульщики и не имущіе, я же по долгу моему будучи обязанъ пещись о спокойствіи онаго человеколюбиваго заведенія, почему по вшествіи Французскихъ войскъ тотчасъ пошелъ въ Кремль съ двумя чиновниками для испрошенія защиты Воспитательному Дому, гдѣ чрезъ Французскихъ офицеровъ достигъ къ опредѣленному отъ Императора Наполеона Губернатору, который и далъ мнѣ для предохраненія 12 человекъ Французской гвардіи съ однимъ офицеромъ, въ тотъ же вечеръ 2 го Сентября показались въ городѣ

пожары, а на другой день оныя весьма были увеличены зажигателями, 4-го же Сентября жестокости и ужасовъ пожара я не могу Вашему Императорскому Величеству достаточно описать, вся Москва была объята пламенемъ при самомъ сильномъ вѣтрѣ, который еще болѣе распространялъ огонь, и къ тому весьма разоренъ городъ. Воспитательнаго Дома квадратъ съ корделожемъ, воспитанники обою пола, служащіе онымъ остались невредимы.“

„Ввѣренные моему надзору дома Екатерининскаго и Александровскаго Институты и оба Вдовьи по сношенію Главпокомандующаго Графа Растопчина взяты для помѣщенія раненыхъ, въ коихъ Всемилостивѣйшій Государь, раненые остались безъ пищи и безъ помощи, которымъ сколько могъ давалъ помощь своими лекарями, а предписаніе далъ Больницы бѣдныхъ Главному Лекарю, такъ какъ она Большая среди тѣхъ Институтскихъ домовъ.“

„6 Сентября отъ Императора Французскаго присланъ за мною Его Величества Секретарь де-Лорнъ съ повелѣніемъ чтобъ я явился къ Его Величеству въ Кремлевскій дворецъ, гдѣ бывъ представленъ, Его Величество изволилъ меня принять благосклонно, и я ему изъявилъ тотчасъ мою благодарность отъ имени всѣхъ несчастныхъ спасенныхъ защитою сдѣланною Воспитательному Дому. Императоръ Наполеонъ изволилъ сказать мнѣ на то: „намѣреніе мое было сдѣлать для всего города то, что я теперь только могу сдѣлать для одного вашего заведенія. Я же желалъ поступить съ вашимъ городомъ такъ, какъ поступалъ съ Вѣною и Берлиномъ, которые и нынѣ не разрушены; но Россіяне оставивши сей городъ почти пустымъ сдѣлали безпримѣрное дѣло. Они сами хотѣли предать пламени свою столицу, и чтобы причинить мнѣ временное зло разрушили созиданіе многихъ вѣковъ. Я могу оставить Москву и весь вредъ самимъ себѣ причиненный останется не возвратнымъ. Всѣ рапорты, которые я ежечасно получаю и зажигатели, кои пойманы на самомъ дѣлѣ доказываютъ достаточно, откуда происходятъ варварскія повелѣнія чинить таковыя ужасы. Вишите о томъ Императору Александру, которому безъ сомнѣнія не-

извѣстны таковыя злодѣянія. Я никогда подобнымъ образомъ не воевалъ. Воины мои умѣютъ сражаться, но не жгутъ. Отъ самого Смоленска я болѣе ничего не находилъ какъ пепель.“

„Потомъ спросилъ меня Императоръ Наполеонъ: „извѣстно ли мнѣ, что въ день вшествія французскаго войска въ столицу выпущены были изъ темницъ колодничи и правдали, что увезены изъ столицы пожарныя трубы.“

„На сіе имѣлъ я честь донести Его Величеству, что я слышалъ о выпущеніи колодничовъ и о увезеніи трубъ полиціею.“

„Императоръ отвѣчалъ мнѣ на сіе: „что дѣло это не подлежитъ ни какому сомнѣнію.“ Отпуская меня Императоръ Наполеонъ изволилъ подтвердить еще, чтобы я о семъ донесъ Вашему Императорскому Величеству, и послалъ бы рапортъ; и чтобы оный отправилъ чрезъ одного изъ своихъ чиновниковъ, котораго повелитъ онъ препроводить до своихъ форпостовъ, и чрезъ котораго можно мнѣ получить отвѣтъ, если Ваше Императорское Величество на сіе волю Свою изъявить изволите (*).

„Чего не имѣя возможности не исполнить осмѣливаюсь Вашему Императорскому Величеству о всемъ вышеписанномъ всеподданнѣйше донести, повергая себя къ Священнымъ стопамъ Вашимъ.“

Это донесеніе къ Императору Александру было послано съ комиссаромъ Рухинимъ.

Когда Москва представляла картину пожара, убійствъ и грабежей, Воспитательный Домъ, по видимому и огражденный отъ всѣхъ этихъ несчастій, также долженъ былъ отчасти подвергнуться ужасамъ войны.

Чтобъ оградить Домъ отъ грабежа и насилій

(*) «Сентября 6 отъ Его Величества Французскаго Императора прислаивъ былъ за мою секретарь де-Лорнъ, почему я тотчасъ явился въ Кремлевскій дворецъ, гдѣ Его Величество спрашивалъ меня: кто причиною зажигательства Москвы? продолжая, я не приказалъ моимъ воинамъ дѣлать зажигательствъ, а по рапортамъ ко мнѣ, что русскіе зажигаютъ. На сіе я донесъ Его Величеству, что можетъ быть начально зажигали русскіе, а впоследствии отъ французскихъ войскъ. На что Его Величество отозвался: не правда!.....» Слова Туттолмина въ донесеніяхъ Императрицѣ отъ 7 сентября 1812 года, и Императору Александру, которыхъ нѣтъ въ донесеніи отъ 11 сентября 1812 г.

мародеровъ и отъ зажигателей, Туттолминъ учредилъ непрестанные обходы изъ чиновниковъ и служителей. У воротъ и по угламъ прибилъ доски съ французскою надписью, что Домъ есть заведеніе несчастныхъ и сирыхъ дѣтей; по главнымъ пунктамъ вездѣ стояла вода. И много-много нужно было убѣжденій со стороны охранной стражи, чтобы удалить отъ Дома мародеровъ и зажигателей, которые, не смотря на французскій караулъ, силились ворваться. Тѣмъ не менѣе 4-го сентября, въ самый разгаръ пожара, искры и головни окрестныхъ горѣвшихъ строеній понесло къ Дому. Въ Квадратъ и въ Окружномъ строеніи загорѣлись рамы. Испепелились до-тла аптека съ медикаментами и домъ, въ которомъ жилъ акушеръ Таненбергъ (*).

У Инвалиднаго Дома сгорѣлъ одинъ уголь. Дѣти съ приставниками и кормилицы съ младенцами на время пожара переведены были на квадратскій дворъ. Первая надзирательница г-жа Ликфетъ успокоивала дѣтей, ввѣренныхъ ей попеченію, и ободряла женщинъ, упавшихъ духомъ. Самъ Туттолминъ нѣсколько ночей не спалъ съ своими подчиненными, и всегда былъ тамъ, гдѣ грозила большая опасность. Лучшими помощниками его были: полиціймейстеръ Звѣревъ, охранявшій деревянныя строенія и пристройки позади Квадрата, и помощникъ эконома Зейпель, оберегавшій сторону Дома, обращенную къ китайской стѣнѣ. Какъ и теперь, здѣсь былъ конный дворъ и мѣсто для складки дровъ. На этомъ пунктѣ сильно приступалъ огонь, такъ что стекла трескались отъ жару и загорались дрова. У Зейпеля обгорѣло лицо и платье. Надзиратель Страшниковъ разставилъ своихъ малолѣтныхъ питомцевъ на дровахъ съ вѣниками и шайками съ водою. Такимъ образомъ и дѣти, подъ его руководствомъ, помогали взрослымъ въ охраненіи Дома.

3-го сентября пріѣхалъ генералъ-интендантъ Дюма съ осматривать Домъ. Онъ приказалъ сломать деревянныя строенія по правую сторону

(*) Этотъ домъ, называемый Гогельскій, или домъ Оберъ-Директора, находился позади Инвалиднаго Дома Шереметевой по лѣвию, гдѣ теперь проспектъ къ Китай-городу.

Корделожи, примыкавшія къ лабазамъ, въ которыхъ намѣревался устроить хлѣбни для французской арміи. На другой день непріятельскими солдатами отобраны были у нашихъ рабочихъ ломы и топоры, и сломаны квартиры директоровъ, оберъ-секретаря и другихъ служащихъ. Изъ сломанныхъ конюшенъ, принадлежащихъ къ квартирамъ, выброшены экипажи; одни изъ нихъ тайно увезены, другіе остались ободранные.

3-го же сентября Тутолминъ получилъ извѣстіе, что наши раненые въ госпиталяхъ, временно помѣщенные во ввѣренныхъ ему зданіяхъ, остались безъ пищи и присмотра, — мертвые валялись рядомъ съ живыми. Но что онъ могъ сдѣлать, когда уже его заведенію предстояло почти тоже самое. Что непріятель нецеремонно обходился съ нашими ранеными, можно видѣть изъ прошенія штабсъ-капитана Буафоло о принятіи его въ Инвалидный Домъ. Онъ говоритъ, что при очищеніи госпиталя самъ былъ выброшенъ вмѣстѣ съ мертвыми со 2-го этажа и только чрезъ нѣсколько дней его подняли и перенесли обратно въ госпитальныя палаты.

6-го сентября пріѣхали въ Домъ 300 французскихъ жандармовъ съ офицерами и полковникомъ. Тутолминъ, не смѣя отказать, отвелъ имъ помѣщеніе въ Корделожи. Для нихъ устроенъ былъ особый столъ. Французскіе комиссары, осматривая Домъ, нашли въ Квадратѣ отдѣленія взрослыхъ питомцевъ, отправленныхъ въ Казань, пустыми. Это подало имъ мысль учредить въ порожнихъ палатахъ Квадрата лазаретъ. Тутолминъ, опасаясь близкаго сосѣдства непріятели и поэтому вѣроятія насилій съ его стороны, обратился съ прошеніемъ къ Наполеону(*). Предоставляя во власть французовъ

(*) Вотъ переводъ письма Тутолмина къ Наполеону, отъ 10 сентября 1812 года: «Ваше Императорское и Королевское Величество даровали Воспитательному Дому все Августѣйшее Ваше покровительство. Въ твердомъ упованіи на оное, имѣю я дерзновеніе повергнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго и Королевскаго Величества униженную просьбу мою, относящуюся до сохраненія сиротъ, въ благоденствіи которыхъ участвую я, какъ по дѣлу моему такъ и по врожденнымъ мнѣ чувствованіямъ.»

«Коммиссары Вашего Императорскаго и Королевскаго Величества

Корделожи и Окружное строеніе, онъ выставялъ на видъ тѣсноту помѣщенія въ Квадратѣ, въ которомъ, кромѣ постоянно живущихъ, были призрѣны постороннія женщины съ грудными дѣтьми, лишенная кровя и имущества, во время пожара, — говорилъ, что отъ тѣсноты и нездороваго воздуха могла произойти зараза. Но какъ видно изъ позднѣйшаго донесенія Тутолмина графу Растопчину, все было тщетно. Непріятель, въ числѣ 3.000 человекъ, занялъ половину Квадрата и все Окружное строеніе. Подъ караульную взяты были Крестовая Палата и докторская (*). Крестовая Палата была переведена въ комнату швейцара Родильнаго Госпиталя.

осматривали внутренность квадрата Воспитательнаго Дома, и нашедши оный удобнымъ къ ихъ назначенію, опредѣлили помѣстить въ немъ большихъ, предоставляя половину оного на помѣщеніе дѣтей и живущихъ чиновниковъ, если на то есть Вашего Императорскаго Величества соизволеніе, то я оному по долгу моему подвергаюсь; но если позволено отцу несчастныхъ дѣтей повергнуть къ стопамъ Августѣйшаго ихъ покровителя просьбу, касающуюся до благосостоянія ихъ, то я надѣюсь списать себѣ милостиваго въ поступкѣ моемъ прощенія, удостовѣривъ будучи въ милосердіи и великодушіи свойственныхъ высокой Вашего Величества особѣ.»

«Очистивши уже все Окружное строеніе и перемѣстивъ изъ оного въ квадратъ всѣхъ тамъ находившихся чиновниковъ и служителей, нахожу теперь квадратъ слишкомъ стѣсненнымъ людьми, тѣмъ паче, что многія несчастныя женщины съ малолѣтними дѣтьми, не имѣвшія дневнаго пропитанія нашли себѣ въ ономъ спасеніе отъ пламени. Мужинамъ же не могъ я по тѣснотѣ дать убѣжище.»

«Сія обстоятельства и не здоровый воздухъ, который по худому мѣстоположенію имѣетъ Воспитательный Домъ, заставляютъ меня страшиться заразительныхъ болѣзней, которыя въ осеннее время бывають опасными.»

«Всемиловѣйшій Государь! Ваше Императорское и Королевское Величество изволили удостоить великихъ и несчастныхъ дѣтей Вашего Всеавгустѣйшаго покровительства.»

«Я повергаюсь къ стопамъ Вашимъ, прося о продолженіи оного, представляя впрочемъ Всеавгустѣйшей Вашей волѣ. Но если возможно, Всемиловѣйшій Государь! то умоляю Ваше Величество не допустить до того, чтобъ заведеніе основанное на челолюбіи и состоящее подъ Высочайшимъ Вашемъ Императорскаго и Королевскаго Величества покровительствомъ, приведено было въ разстройство чрезъ раздѣленіе главнаго корпуса квадрата; я униженно прошу Ваше Величество повелѣть помѣстить большихъ въ большое окружное строеніе и корделожи, въ которомъ находится теперь Вашего Императорскаго Величества гвардія.»

(*) Въ то время Крестовая Палата и докторская находились въ правомъ 2-этажномъ зданіи, примыкающемъ къ Квадрату со стороны проспекта. Въ противоположномъ 2-этажномъ зданіи по другую сторону проспекта, помѣщался Секретно-Родильный Госпиталь; Законный находился тогда въ Квадратѣ.

Мы уже сказали, что Воспитательный Домъ, кромѣ постоянныхъ жителей, призрѣлъ многихъ; между ними достаточно указать на княжну Екатерину Михайловну Голицыну, г-жу Боуеръ, тайнаго совѣтника Повалишина; даже двѣнадцать челоуѣкъ рядовыхъ и 2 офицера нашли въ немъ прибѣжище. Впослѣдствіи они письменно благодарили Императрицу Марію Ѳеодоровну. Кромѣ этихъ лицъ, въ стѣнахъ Дома находились нѣкоторыя воспитанницы московскихъ институтовъ, деревенскіе питомцы, оставленные своими воспитателями, вдовы Вдовьяго Дома и многія другія, о которыхъ говорено было.

Тутолминъ, оберегая жизнь этихъ лицъ, заботился и о чести ихъ; пужно было опасаться всякаго сношенія съ непріателемъ. По его ходатайству, Квадратъ и квадратскій дворъ разделены на двѣ совершенно отдѣльныя половины. Каждая имѣла свою стражу. При входѣ на русскую половину вмѣстѣ съ караульными чередовались переводчики изъ служащихъ и постороннихъ, призрѣнныхъ Домомъ. Привозимымъ французскимъ раненымъ они указывали дорогу и учтиво удерживали всѣхъ тѣхъ, которые покушались войти на половину Воспитательнаго Дома; желающихъ видѣть заведеніе они провожали прямо къ Тутолмину. Помощникъ эконома Зейпель болѣе другихъ помогалъ Тутолмину. Онъ особенно много спосилъ отъ капризовъ французскихъ приставниковъ. Въ бумагахъ тогдашнихъ сказано, что швейцары, при Квадратѣ — Ивановъ и при Родильномъ Госпиталѣ — Степановъ, строго берегли свои посты. Последнимъ никто изъ непріятелей не былъ впущенъ въ Родильный Госпиталь. Во избѣжаніе опасности отъ пожара, соблюденія спокойствія и для удаленія злоумышленниковъ заведены обходы изъ чиновниковъ Дома съ переводчиками. Они три раза въ ночь обходили Квадратъ.

Тутолминъ размѣстилъ дѣтей и подчиненныхъ своихъ въ половинѣ Квадрата, оставленной ему французами. Въ его донесеніи Императрицѣ отъ 11-го ноября, подробно описано это размѣщеніе.

Чтобы дать болѣе близкое понятіе о населеніи Дома, представимъ въ подлинникѣ вѣдомость Тутолмина отъ 6-го сентября, поданную Наполеону.

ВѢДОМОСТЬ

о числѣ воспитанниковъ обоего пола и служащихъ въ Воспитательномъ Домѣ находящихся. Сентября 6 дня 1812 года.

	муж.	женщ.	Итого.
ДѢТЕЙ:			
Грудныхъ	123	152	275
Возрастныхъ отъ 1 года до 12 лѣтъ здоровыхъ	93	114	207
Возрастныхъ отъ 1 года до 18 лѣтъ больныхъ	49	55	104
Итого дѣтей	265	321	8 6
Въ Родильныхъ Госпиталяхъ:			
Беременныхъ	»	9	} 20 10
Родильницъ	»	11	
Вдовъ съ сиротою	»	10	
	»	30	30
Служащихъ	42	36	78
Кормилицъ	»	214	214
Напекъ	»	85	85
Рабочихъ людей	88	44	132
Итого служащихъ.	130	379	509
Всего	395	730	1125

Теперь представимъ именной списокъ дѣтямъ, присланнымъ въ Московскій Воспитательный Домъ отъ французскаго начальства. Въ графѣ, назначенной для именъ, выставлено также время приноса дѣтей.

	ИМЕНА.	ГОДЫ	№	СКОЛЬКО ОТЪ РОДУ.	ОТЪ КОГО ПРИСЛАНЫ.
	1812-го года.				
	Сентября 12.				
1	Алексій Михайловъ	1812	2337	7 лѣтъ.	Отъ Императора Наполеона.
2	Василій Михайловъ		2338	4. —	
	Сентября 16.				
3	Петръ Аванасьевъ.	»	2345	5 дн.	Отъ французскаго начальства.
	Сентября 17.				
4	Михаилъ Ѳедоровъ Миліевъ.	»	2348	17 —	Отъ французскаго комманданта графа де-Милліо.
	Сентября 30.				
5	Марфа Григорьева.	»	2359	21 —	Отъ французскаго начальства.
	Октября 1.				
6	Сергій Андреевъ Миліевъ.	»	2360	8 —	Отъ французскаго комманданта графа де-Милліо.
	Октября 2.				
7	Наталя Егорова Миліева.	»	2363	1 года.	Отъ французскаго генераль-губернатора герцога Тревизскаго.
	Октября 4.				
8	Вѣра Григорьева Тревизская.	»	2366	1 мѣс.	Отъ французскаго комманданта графа де-Милліо.
9	Василій Павловъ Миліевъ.	»	2367	3 —	
	Октября 5.				
10	Алексій Петровъ Тревизскій	»	2371	21 дня	Отъ французскаго генераль-губернатора герцога Тревизскаго.
11	Василій Ивановъ Миліевъ.	»	2372	4 лѣтъ.	
	Октября 6.				
12	Пелагея Петрова Миліева.	»	2373	10 дней.	Отъ французскаго генераль-губернатора герцога Тревизскаго.
13	Александра Богданова Тревизская.	»	2374	4 лѣтъ.	
14	Сергій Ивановъ Миліевъ.	»	2375	6 лѣтъ.	Отъ французскаго комманданта графа де-Милліо.
15	Елизавета Иванова Миліева.	»	2376	7 мѣс.	
	Октября 7.				
16	Алексій Ѳедоровъ Миліевъ.	»	2378	1 года.	графъ де-Милліо.
	Октября 9.				Отъ французскаго
17	Александръ Ивановъ Тревизскій.	»	2381	7 лѣтъ.	генераль-губернатора
18	Иванъ Ивановъ Тревизскій.	»	2382	6. —	
19	Анна Кирилова Тревизская.	»	2383	2. —	
	Октября 10.				
20	Ѳедоръ Ивановъ Тревизскій.	»	2384	8 мѣс.	герцога Тревизскаго.
21	Елизавета Иванова Тревизская.	»	2385	9 лѣтъ.	
22	Николай Николаевъ Тревизскій.	»	2386	7. —	

Подписали: Главный Надзиратель *Иванъ Тутолминъ*. Коммисаръ *Филиппъ Рудинъ*.

отстали; по благодаренію Всевышнему, что всѣ дѣти и служащіе остались невредимы. Оставленные французскимъ правительствомъ раненые, пріобыкшіе къ безначалію въ сію ночь 10-го октября надѣлали въ Домѣ величайшую тревогу; однако я принявъ надлежащія мѣры усмирилъ ихъ. Какъ же при нѣкоторыхъ изъ нихъ оставались орудія, то я приказалъ оныя отъ нихъ отобрать.“

11-го октября вступили въ Москву казаки, подъ начальствомъ генераль-маіора Иловайскаго. Тутолминъ послалъ ему письмо съ просьбой о караулѣ. Между тѣмъ казаки ворвались въ Окружное строеніе съ толпами крестьянъ, которыхъ успѣли заманить въ Москву французы, обѣщаясь дать имъ соли; на самомъ же дѣлѣ они только отняли у нихъ лошадей. Казаки съ крестьянами, обобравъ у раненыхъ французозъ оружіе и вещи, также ограбили служащихъ, жившихъ въ Окружномъ строеніи, и похитили многія вещи изъ Отдѣленной больницы. Черезъ 4 дня Тутолминъ свидѣлся съ Иловайскимъ и, при полковникѣ Бенкендорфѣ и генераль-маіорѣ Чернышевѣ, рассказывалъ ему о поступкѣ казаковъ. Иловайскій извинялся за свою команду и обѣщалъ наказать виновныхъ.

11-го же октября вечеромъ вошелъ въ Москву съ гусарскимъ полкомъ полковникъ Бенкендорфъ. Онъ, принявши должность комманданта, снабдилъ Воспитательный Домъ карауломъ и во всемъ оказывалъ ему пособіе(*). 22-го октября гусарскій караулъ снятъ въ Домѣ, потому что Бенкендорфъ съ своими гусарами выступилъ въ походъ. Вслѣдъ за тѣмъ пріѣхалъ оберъ-полиціймейстеръ Ивашкинъ. Воспитательный Домъ снабженъ имъ полицейскимъ карауломъ.

Съ 11 октября, вмѣстѣ съ отступленіемъ непріятеля изъ Москвы, французскіе раненые, въ числѣ 1.500 рядовыхъ и 16 офицеровъ,

(*) Бенкендорфъ отираался въ Воспитательный Домъ, гдѣ томилась безъ пищи женщины, сироты и множество раненыхъ какъ нашихъ, такъ и непріятельскихъ, оставленныхъ, при выступленіи Мортъе, на попеченіи Тутолмина, цѣлѣваго никакихъ средствъ помочь имъ. (Исторія отечественной войны, Соч. Богдановича, Т. III стр. 24).

остались на попеченіи Дома. Непріятность такого сосѣдства и недостатокъ средствъ понудили Тутолмина просить оберъ-полиціймейстера о выводѣ французозъ изъ Дома. 25 октября ихъ начали выводить изъ Квадрата и Окружнаго строенія въ другія больницы. Оставалось только 10 офицеровъ. Тутолминъ докладывалъ было объ нихъ графу Растопчину, но тотъ велѣлъ оставить ихъ въ Домѣ. Впослѣдствіи Императрица Марія Ѳеодоровна взяла ихъ подъ свое покровительство.

Пребываніе французозъ въ Воспитательномъ Домѣ оставило по себѣ вредныя и продолжительныя послѣдствія. Ихъ стояло во все время пребыванія непріятеля въ Москвѣ 8 тысячъ. Печи и полы въ палатахъ они оставили послѣ себя вездѣ попорченными. Перегородки вездѣ выломаны, мебель казенная и служащихъ пошла большею частію на топливо, даже въ Окружномъ строеніи цѣлый заборъ сожженъ. Печи топили они, не закрывая трубы; печныя вьюшки и тарелки были выкиданы ими. Гдѣ лежали французы, тутъ же и производили естественныя испраженія. Отчего, не говоря уже о вообще нездоровомъ воздухѣ даже въ благоустроенныхъ госпиталяхъ, здѣсь оставался особенно заразительный воздухъ, такъ что не было возможности жить въ этихъ палатахъ безъ предварительнаго и долгаго очищенія. Всякаго рода нечистоты протекали сквозь полы, распространялись по корридорамъ и сообщали повсемѣстную заразу. Тутолминъ предположилъ, кромѣ окуриванія, въ тѣхъ отдѣленіяхъ всю зиму оставить окна и двери открытыми.

Но это все еще ничего, въ сравненіи съ заразою, которая могла произойти отъ большой смертности французскихъ больныхъ и близости погребенія умершихъ. Въ Квадратѣ умирало ежедневно отъ 20 до 50 человекъ. Ихъ хоронили на пустырь у Китайской стѣны, въ числѣ 1.500 человекъ, и хотя сыпали известь на могилы, но, за недостаткомъ ея, въ чрезвычайномъ маломъ количествѣ,—такъ что съ наступленіемъ весны можно было опасаться заразы. Тоже самое происходило и въ Окружномъ строеніи. Тамъ умирало отъ 15 до 30 чело-

вѣкъ въ день. 1000 тѣлъ и здѣсь также похоронили по близости строенія.

Аптека съ медикаментами, какъ уже замѣчено, сгорѣла до основанія. Пропало множество казенныхъ вещей. Деревяныя пристройки къ лабазамъ сломаны непріателемъ, для устройства предполагаемыхъ печей; нѣкоторыя зданія деревянные и заборы также разобраны. Отъ пожара сгорѣли деревянные ворота съ улицы Солянки на проспектъ и мостъ на проспектѣ черезъ канаву; падоубы и березки поломаны. Отъ взрыва Кремля перебито множество стеколъ, и мѣстами на стѣнахъ обвалилась штукатурка; въ Корделожн съ угла прибавились трещины.

Кромѣ того сгорѣли, принадлежавшія Воспитательному Дому, Москворѣцкія, Устьинскія и Островскія бани, приписанныя за содержаніе ихъ доходъ. Отъ того Домъ не могъ получить съ содержателей за нихъ оброка. Также не взыскавъ оброкъ съ содержателей Устьинскаго питейнаго дома, пустопорожней земли и лабазовъ.

Въ бумагахъ того времени высчитаны и другіе маловажные убытки:—по занятїи Квадрата французами, бібліотека оставалась на ихъ половнѣ. Ее нельзя было перенести скоро; къ тому же генераль-интендантъ гр. Дюмасъ увѣрялъ въ ея сохранности. Впоследствии оказалось, что печати сняты, замокъ сбитъ, нѣсколько книгъ, геометрическихъ инструментовъ и глобусовъ попорчено и расхищено. Архивъ и дѣла Совѣта и Экспедиціи также оставались въ Корделожн, гдѣ стояли жаңдармы, въ особой запертой комнатѣ. По удаленїи ихъ, двери нашлн отбитыми, книги и бумаги разбросанными, такъ что не было возможности указать, которыя изъ нихъ утратились, потому что дѣламъ не было составлено описи. Кромѣ того многія вещи переломаны и истреблены; въ томъ числѣ ящикъ за стекломъ разбитъ и находившіяся въ немъ медали расхищены.

Скотный Дворъ, принадлежащїй Дому, не тронутъ пожаромъ; но строенія попорчены, заборы сожжены, роща мѣстами вырублена и всѣ огородины овощи истреблены.

Отъ всѣхъ этихъ убытковъ Тутолминъ не могъ спасти Воспитательный Домъ. На за то

онъ много успѣлъ въ болѣе важномъ: жизнь дѣтей была сохранена, честь и невинность взрослыхъ воспитанницъ и стороннихъ дѣвицъ и молодыхъ женщинъ ограждена отъ насилїй непрїателя; всѣ живущія нашлн въ немъ и кормильца, и защитника. Не смотря на всѣ невзгоды, постигнувшія Домъ, даже обычное классное ученіе и руководлїя воспитанниковъ не прекращались. Всѣ иностранцы, посѣщавшіе Воспитательный Домъ дивились порядку и благоустройству, сохранившемуся въ немъ, — и ставили его выше образцоваго тогда вѣнскаго воспитательнаго дома.

Изъ подробнаго счета, представленнаго Тутолминнымъ Императрицѣ Марїи Ѳеодоровнѣ, при донесенїи, отъ 11 ноябрия 1812 г., видно, что содержаніе Дома, во все время пребыванїя непрїателя въ Москвѣ, обошлось 14.560 р. 57½ к. 2 тысячи употреблено на экстраординарные расходы, преимущественно на подарки французскимъ чиновникамъ, что Дому принесло, по словамъ Тутолмина, также не малую пользу.

Императрица утвердила всѣ расходы главнаго надзирателя. Такъ какъ рабочимъ выдано двойное жалованье, то она повелѣла выдать и кормилицамъ. (Кормилицамъ выдано 333 р. 82½ к.). Что касается расходованїя 2.000 руб. на подарки, то Государыня изъявила даже удивленїе, чтобы могла удовлетворить французовъ такая ничтожная сумма.

Когда у Тутолмина издержаны были всѣ деньги, выданныя ему на расходъ Опекунскимъ Совѣтомъ, то Ея Величество предписала ихъ требовать обыкновеннымъ порядкомъ изъ Совѣта, но какъ это оказалось неудобнымъ, то на удовлетворенїе крайнихъ потребностей занято было 10 т. у графа Ростопчина, которыя и возвращены изъ присланныхъ по Высочайшему повелѣнїю изъ С. Петербургскаго Опекунскаго Совѣта 50.000 рублей.

По очищенїи Москвы непріателемъ и установленїи сношенїй, чрезвычайная власть Тутолмина прекращена. Ему Высочайше предписано было ничего чрезвычайнаго, выходящаго изъ круга обыкновенныхъ дѣлъ, не дѣлать безъ доклада Ея Величеству, — потому что сношенїе съ Опекунскимъ Совѣтомъ въ Казани предста-

вляло болѣе затрудненій, чѣмъ прямыя сношенія съ Императрицей. Тѣмъ не менѣе Тутолминъ представилъ Опекунскому Совѣту, отъ 18 октября 1812-го года, о состояніи Воспитательнаго Дома и ввѣренныхъ ему заведеній, во время занятія Москвы непріателемъ.

Почти ежедневная переписка Маріи Θεодоровны, сначала съ Тутолминымъ, потомъ съ княземъ Сергіемъ Михайловичемъ Голицынымъ и другими почетными опекунами, и безчисленные рескрипты Ея останутся вѣчными памятниками Ея неутомимой дѣятельности и любви къ заведеніямъ.

Какъ Воспитательный Домъ, такъ и прочія заведенія Императрицы Маріи остались послѣ непріятеля въ самомъ раззоренномъ видѣ.

Попеченіе о возобновленіи и о составленіи смѣтъ Высочайше поручено было почетному опекуну Нечаеву. Немедленно осмотрѣлъ онъ всѣ зданія и приступилъ къ составленію смѣтъ всѣмъ починкамъ и поправкамъ.

Изъ нихъ Александровскій Институтъ занятъ былъ русскими ранеными, въ числѣ 337 человекъ; Екатерининскій Институтъ, Вдовій Лефортовскій Домъ и Инвалидный Шереметевой нѣкъмъ незаяты. Дѣйствительно многія вещи въ нихъ расхищены непріателемъ; но замѣчательно то, что, судя по описямъ, немногія изъ нихъ поломаны съ умысломъ. Въ Кудринскомъ же Вдовьемъ Домѣ было великое несчастіе. Вотъ подлинный рапортъ смотрителя его Мирицкаго къ Тутолмину. Курсивомъ напечатаны вставки, сдѣланныя въ черновомъ донесеніи.

„По приказанію Вашего Превосходительства на слѣдующіе пункты по Вдовьему Кудринскому Дому 1-е какія были приняты мѣры и употреблены способы къ сохраненію того дома отъ пожара? 2-е были-ли въ ономъ пожарные инструменты? 3-е кто имѣлъ о распоряженіяхъ въ семъ печальномъ случаѣ—попеченіе? 4-е сколько спаслось несчастныхъ бывшихъ въ домѣ? и словомъ обо всѣхъ обстоятельствахъ сего жалостнаго приключенія поколику извѣстно, — имѣю честь *Вашему Превосходительству* объяснить на 1-й, что отъ сожженія онаго дома съ имѣющимся въ немъ имуществомъ никакихъ принять мѣръ къ сохраненію было невозможно

потому, что всѣ сосѣдскіе дома, постоянные дворы и насупротивъ кудринскія лавки *со всѣхъ сторонъ* сентября 3-го числа непріателемъ были зажжены а вмѣстѣ и оный Вдовій Домъ. На 2-й пожарныхъ инструментовъ въ томъ домѣ никакихъ послѣ переведенія Александровскаго Училища не оставалось. На 3-й попеченіе въ несчастномъ случаѣ имѣлъ я и при мнѣ были писарь и одинъ инвалидной солдатъ, а прочіе вольнопаятыя караульщики по вступленіи непріятеля отъ страху разошлись при раненыхъ же и больныхъ никакихъ чиновниковъ и служителей не оставалось и никакихъ невозможно было приложить способовъ къ сбереженію дома по великому числу зажигателей, которые не только вмѣстѣ съ *зажигательствомъ* грабили, но и *смерть наносили противящимся, сверхъ коихъ непрестанныя толпы грабителей и кровожажущихъ непріятелей шатались по всемъ мѣстамъ*; причемъ и я съ семействомъ лишился всего моего имущества, *подвергался опасности жизни* и въ правую ногу въ двухъ мѣстахъ тесакомъ проколанъ, равнобрно горестную участь имѣлъ и писарь Матвѣй Антоповъ съ инвалиднымъ солдатомъ Макаровымъ. На 4-й—*такъ какъ никакихъ приставниковъ не было при раненыхъ и больныхъ, то и неизвѣстно какое число оныхъ оставалось во Вдовьемъ Домѣ, а примѣрно можно положить въ 1.500 человекъ, изъ коихъ 800 имѣвшихъ малыя силы спаслись отъ гибели при пожарѣ кои во время пожара вышли на дворъ и въ садъ и въ продолженіи нѣсколькихъ дней разошлись въ разныя стороны поелику они оставались безъ всякаго пропитанія, а остальные до 700 человекъ сдѣлались жертвою пламени будучи не въ силахъ спастись.* Все сіе объяснивъ во оныхъ пунктахъ честь имѣю Вашему Превосходительству рапортовать.“

Рапортъ этотъ подписанъ 27 ноября. Тутолминъ въ подлинникъ переслалъ его Императрицѣ.

Исключая сгорѣвшаго Вдовьяго Дома, поправки въ другихъ заведеніяхъ, сверхъ ожиданія, оказались не такъ значительными. Почетному опекуну Нечаеву поставлено на видъ пользоваться временемъ для заготовленія матеріаловъ, пока не начались въ Москвѣ большія постройки. Покупка матеріаловъ произведена была хозяй-

ственнымъ образомъ вмѣстѣ съ архитекторомъ, безъ торговъ и публикацій, иногда даже съ выдачею задатковъ. При недостаткѣ рабочихъ людей повелѣно обращаться съ просьбою къ городскому начальству. Но не смотря на значительные расходы, предстоявшіе Воспитательному Дому, Ея Величество не дозволила дѣлать что-либо хуже прежняго, даже не утвердила представленія Нечаева, чтобы для вдовъ Вдовьяго Дома сдѣлать деревянныя ложки, вмѣсто оловянныхъ. Сметы были составлены къ началу 1813-го года Нечаевымъ вмѣстѣ съ архитекторомъ Жиллярди и представлены на утвержденіе Ея Величества. Въ запискѣ Ея, поданной Государю Императору и утвержденной Имъ, между прочимъ, объяснено:

1) На поправки Воспитательнаго Дома—25.321 р. 90 к., что Домъ можетъ сдѣлать своими средствами.

2) Выстройка аптеки стоитъ 50 т. руб., что съ возстановленіемъ Вдовьяго Кудринскаго Дома, Воспитательный Домъ произвести не въ состояніи; ибо Вдовій Домъ, отданный главнокомандующему для помѣщенія раненыхъ, стоитъ Дому 335.000 руб., такъ какъ полученъ въ замѣнъ зданія, отданнаго Александровскому Училищу и стоившаго такую же сумму. Исправленіе его обойдется въ 94.313 р. 25 коп.

3) Сумма на исправленіе зданій Училищъ простирается до 24.956 руб. 7 коп., а заготовленіе расхищенныхъ вещей 30 т. руб. Посему Ея Величество спрашиваетъ 200 т. руб., съ тѣмъ, чтобы ихъ отдать заимообразно Государственному Казначейству, которое имѣетъ ихъ выплатить въ 8 лѣтъ. Высочайшій указъ объ этомъ отпускѣ данъ 21 ноября 1813 г., во Франкфуртѣ на Майнѣ.

О происшествіяхъ въ Больницѣ для бѣдныхъ сохранился рапортъ главнаго лекаря Онпеля Государынѣ Императрицѣ. Этотъ документъ напечатанъ въ „Чтеніяхъ общества исторіи и древностей Россійскихъ. 1860 г.“, вмѣстѣ съ донесеніемъ Тутолмина, отъ 12 ноября.

Отъ зараженія покосовъ французами, число больныхъ и умирающихъ въ Домѣ увеличилось.

Погребеніе мертвыхъ близъ зданій готовило сильную заразу къ веснѣ. Къ этому присоединилось еще зараженіе воды. Пробовали вырывать новые колодцы; но безъ успѣха. Императрица приказала процѣживать воду черезъ уголья. По морозамъ, при содѣйствіи графа Растопчина, мертвыя тѣла были вывезены изъ Воспитательнаго Дома. Для уничтоженія же смрадныхъ испареній, оставшихся отъ лежавшихъ труповъ, земля была посыпана негашеною известью, по способу Крейтона. Покои всѣми мѣрами были вивѣтриваемы; окна и двери въ покояхъ, занимавшихся непріятелемъ, оставлены на всю зиму отворенными.

Въ бытность французовъ, лекарства безвозмездно поставлялъ въ Домѣ аптекаръ Покровской аптеки Шильдкнехтъ. Онъ получилъ Высочайшую благодарность; но предложеніе его и на будущее время ставить лекарства безвозмездно, не принято; а заключено съ нимъ условіе, чтобы до возстановленія домовой аптеки, онъ ставилъ лекарства съ уступкою цѣны. Ея Величество, предполагая возстановленіе аптеки, истребовала отъ Тутолмина реэстръ самыхъ нужныхъ лекарствъ, которыя и прислала, съ тѣмъ, чтобы часть ихъ была отдѣлена для Больницы бѣдныхъ. Также присланы Ею бочка лучшаго портвейна и 100 бутылокъ мадеры, но также съ отдѣленіемъ части для Больницы бѣдныхъ.

По желанію Императрицы, фамиліи, данныя младенцамъ, принесеннымъ отъ французовъ,—*Наполеоновы, Миліевы, Тревизскіе*,—уничтожены въ книгахъ.

За недостаткомъ помѣщенія и скудостью продовольствія, пребываніе постороннихъ лицъ было стѣснительно для Дома. Императрицею сдѣланы были такія распоряженія:—дѣтей отъ погорѣвшихъ матерей велѣно принимать и на будущее время, матерей съ грудными дѣтьми также принимать, но только на положеніи кормилицъ. Изъ Дома выведены тѣ, которые сами могли себя содержать, другимъ Императрица прислала на обзаведеніе 500 р. Третьимъ найдены были мѣста, въ томъ числѣ вдовамъ Вдовьяго Дома и бывшимъ воспитанницамъ Воспитательнаго Дома. Наконецъ тѣ, которые совершенно не

могли имѣть пристанища, еще долго пользовались благодѣяніями Дома.

Много заботилась Государыня и о французскихъ раненыхъ. Ихъ оставалось въ Домѣ: 9 человекъ офицеровъ, полковой лекарь и при нихъ 10 приставниковъ. Когда гр. Растопчинъ, по донесенію Тутолмина, не перевелъ ихъ изъ Дома, Императрица взяла ихъ подъ Свое покровительство. Она присылала имъ медикаменты, нѣсколько разъ по 500 р. и приказала Тутолмину доносить Ей о ходѣ леченія каждаго больного. Только предъ прибытіемъ Опекунскаго Совѣта изъ Казани, Государыня разрѣшила, за тѣсною помѣщеніемъ, перенести ихъ со всею осторожностью въ Павловскую больницу. Пльннй лекарь Бонуръ изъявилъ желаніе служить по вѣдомству Императрицы Маріи; по такъ какъ онъ былъ военный, ему предложено поступить по военному вѣдомству, которое терпѣло большой недостатокъ въ лекаряхъ.

Императрица оказала такое же неизмѣнное милосердіе къ тѣмъ служащимъ Дома, которые оставили свой постъ единственно изъ страха и робости. Объ отлучкѣ двухъ священниковъ и дьякона Она первоначально приказала Тутолмину довести до свѣдѣнія викарія. Но когда старшій священникъ и дьяконъ явились въ Домъ, Она отмѣнила свое предписаніе, и только, въ видѣ наказанія, велѣла лишить ихъ жалованья за то время, когда не было ихъ въ Домѣ; мало того—приказала Тутолмину лично свидѣться съ викаріемъ и оправдать ихъ передъ нимъ. Объ отлучкѣ окружныхъ Сушкова и Черепанова, княземъ Сергіемъ Михайловичемъ Голицынымъ было опубликовано въ вѣдомостяхъ, чтобы они явились къ должности въ мѣсячный срокъ. Они воротились—и были оставлены.

По отступленіи французовъ, многіе воспитатели, раззоренные ими, приводили обратно питомцевъ въ Домъ—Тутолминъ принималъ ихъ. Императрица вполне одобрила это распоряженіе и на будущее время приказала принимать такихъ питомцевъ и еслибы даже не хватило для такихъ питомцевъ помѣщенія въ Домѣ, то Она отдавала для нихъ зданія институтовъ. Однако до этого не дошло. Чтобы привести въ

извѣстность число питомцевъ и опредѣлить мѣсто пребыванія ихъ, приступлено къ усиленнымъ объѣздамъ по деревнямъ. Окружнымъ надзирателямъ прибавлено жалованье за ноябрь мѣсяцъ; за отсутствіемъ нѣкоторыхъ, пополненъ комплектъ ихъ посторонними лицами. Для нихъ на казенный счетъ напимали и даже покупали лошадей. Окружнымъ надзирателямъ приказано было уговаривать тѣхъ воспитателей, у которыхъ было хоть какое-либо пристанище, оставлять у себя питомцевъ, хотя съ надбавкою платы. Опредѣлена была мѣра награжденія раззореннымъ крестьянамъ, но сохранившимъ у себя питомцевъ.

Передъ занятіемъ Москвы французами, многіе городскіе воспитатели оставили Москву вмѣстѣ съ своими питомцами; по крайней мѣрѣ извѣстно, что послѣ очищенія Москвы, очень немногіе явились за полученіемъ платы. Приступлено было къ розыскамъ ихъ. Оказалось, что изъ 291 воспитаника къ 1 декабря найдено 124; нашлись и другіе, но многихъ не отыскано. Изъ 66 питомцевъ, призрѣнныхъ въ Городской богадѣльнѣ, на счетъ Дома, все оказались на лицо, кромѣ двухъ. Ихъ Высочайше запрещено принимать опять въ богадѣльню, такъ какъ они своимъ отсутствіемъ доказали, что могутъ сами себя снискивать пропитаніе.

Неутомимая дѣятельность, непрерывныя опасенія и безпокойство не могли не имѣть вліянія на здоровье Тутолмина. Онъ занемогъ первой горячкой. Едва почувствовавъ облегченіе и сознавая необходимость личнаго своего надзора и распоряженія въ дѣлахъ Дома, онъ съ прежнею ревностью принялся за труды. Но противодѣйствіе природы было для него губительно. Прежняя его болѣзнь возвратилась, и съ тѣхъ поръ до самой смерти здоровье его болѣе не поправлялось. Тутолминъ сдалъ свою должность помощнику своему Янишу, а главное управленіе Дома князю Сергію Михайловичу Голицыну. Онъ просилъ Императрицу отпустить его на излеченіе къ кавказскимъ минеральнымъ водамъ. Императрица отпустила его на 8 мѣсяцевъ съ сохраненіемъ жало-

ванья. Вотъ что пишетъ, между прочимъ, Государыня въ рескриптѣ на его имя, отъ 26 ноября 1812 года:— „Я съ чувствительнѣйшимъ сожалѣніемъ узнала о болѣзни Вашей и не только позволяю Вамъ, по прошенію Васъ и даже предписываю Вамъ имѣть возможное о здоровьи Вашемъ попеченіе и пользоваться потребнымъ покоеніемъ для скорѣйшаго возстановленія онаго. Сохраненіе Ваше Мнѣ драгоцѣнно и для внутренняго Вамъ заведенія нужно, и Я совершенно предоставляю Вамъ свободу по возвращеніи помощника Вашего, передать ему исправленіе Вашей должности, покоилку Вами разсудится. Увольненіе же Ваше вовсе отъ службы есть такое слово, о которомъ Я и помыслить не хочу; тотъ который, какъ нѣжный отецъ пекаря о питомцахъ не долженъ покидать ихъ, и не щадившій въ самыя смертныя обстоятельства ни силъ ни здоровья для службы, не долженъ ее оставить. Будьте увѣрены, что Я умѣю цѣнить такія достоинства въ полной мѣрѣ и съ отличающимися оными никакъ не разлучаюсь. Но облегчить Ваши заботы, дать Вамъ отдыхъ для исправленія Вашего здоровья поставлю Я себя обязанностію.“

Въ рескриптѣ декабря 2-го: — „Безпокоясь о состояніи Вашего здоровья, Я съ удовольствіемъ увидѣла подъ доносеніемъ Вашимъ и въ докладахъ Вашу подпись, удостоверяющую Меня, что болѣзнь Ваша не усилилась и подающую Мнѣ надежду вскорѣ получить еще утѣшительнѣе вѣсти, чего усердно желаю.“

Рескриптомъ на имя князя Голицына, отъ декабря 27-го, Ея Величество, получивъ извѣстіе о возобновившейся болѣзни Тутолмина, предписываетъ князю извѣщать Ее о состояніи его здоровья и попросить Тутолмина именемъ Ея Величества, чтобы, при воспослѣдующемъ облегченіи, онъ берегъ себя.

Еще 21 ноября прибылъ изъ Казани въ Москву князь Сергій Михайловичъ Голицынъ. Онъ пріѣхалъ главнымъ образомъ для приведенія въ порядокъ своей Голицынской больницы. Узнавъ же о болѣзни Тутолмина, онъ принялъ на себя, съ Высочайшаго соизволенія, управленіе Воспитательнымъ Домомъ. Должность его въ Казани возложена на почетнаго опекуна

Алексѣя Ильича Муханова. 20 декабря княземъ Сергіемъ Михайловичемъ, во исполненіе Высочайшей воли, открыто Отдѣленіе Московской Сохранной Казны и принято управленіе имъ. Въмѣстѣ съ этимъ онъ принялъ на себя управленіе и Временнымъ Отдѣленіемъ Ссудной Казны, послѣ почетнаго опекуна Нечаева. Это Отдѣленіе открыто по правиламъ С.Петербургской Ссудной Казны, съ тою разницею, что для облегченія раззоренныхъ займщиковъ, съ нихъ взыскивались проценты по числу просроченныхъ дней, а не за весь мѣсяцъ. При выдачѣ ссудъ, было обращено вниманіе на дѣйствительно нуждающихся. Для оборотовъ Отдѣленія деньги присылались изъ С.Петербургскаго Совѣта. Этимъ временемъ ссуды такъ были велики, что кн. Голицыну келейно замѣчено было, чтобы въ мѣсяцъ не выдавать болѣе 100.000 р. Временное Отдѣленіе существовало и по прибытіи въ Москву Ссудной Казны, съ той цѣлью, чтобы узнать мнѣніе публики, какія правила, прежнія или новыя, она предпочитаетъ. Въ томъ же году, декабря 7-го, послѣдовало Высочайшее повелѣніе Императрицы Опекунскимъ Совѣтамъ о разсрочкѣ желающимъ на 8 лѣтъ займовъ подъ тѣ имѣнія, которыя состояли въ губерніяхъ, наиболее пострадавшихъ отъ войны, а именно: въ Московской, Смоленской, Калужской, Могилевской, Минской, Витебской, Гродненской, Виленской, Курляндской и Псковской. Означенная льгота, Высочайшимъ повелѣніемъ декабря 20-го, распространена и на заложенные дома, сгорѣвшіе, во время пребыванія непріятеля въ Москвѣ. Наконецъ, 1813-го года мая 15, состоялось Высочайшее повелѣніе Московскому Опекунскому Совѣту о выдачѣ московскимъ жителямъ ссуды подъ сгорѣвшіе въ 12-мъ году дома, противъ обыкновенныхъ ссудъ, на выгоднѣйшихъ условіяхъ.

Князь Сергій Михайловичъ Голицынъ управлялъ Воспитательнымъ Домомъ и по возвращеніи воспитанниковъ изъ Казани, за увольненіемъ почетнаго опекуна Баранова въ отлукъ. Князь, какъ и Тутолминъ, по дѣламъ имѣлъ сношеніе съ Императрицей, помимо Опекунскаго Совѣта. На него преимущественно пала забота о продовольствіи не только Воспитательнаго Дома,

по и всѣхъ заведеній вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. Не смотря на то, что въ раззоренной Москвѣ торговля еще не установилась, князь свое дѣло выполнилъ съ успѣхомъ. Кромѣ управленія Домомъ, князю поручаемо было собирать свѣдѣнія о жителяхъ Москвы, просившихъ пособія Ея Величества, и раздавать такія пособія.

Извѣстно, что на время занятія французами Москвы, пріемъ дѣтей въ Воспитательный Домъ прекращенъ: мы встрѣчаемъ только исключенія въ пользу присланныхъ отъ французскаго правительства и для младенцевъ, оставшихся послѣ сторгѣвшихъ матерей. Зараженіе французскими илѣнными половины Квадрата, а вслѣдствіе того и недостатокъ помѣщенія въ Домѣ, вновь оторочили пріемъ приносныхъ дѣтей. Между тѣмъ число подкидышей возрастало. Это заставило Императрицу поудить начальство Дома къ скорѣйшему отысканію помѣщенія для дѣтей. Такимъ образомъ приносъ открытъ съ 1-го января 1813-го года.

Перейдемъ къ описанію пребыванія Московскаго Опекунскаго Совѣта и воспитанниковъ Воспитательнаго Дома въ Казани.

Воспитанники прибыли въ Казань 11 октября и заняли два дома, назначенные тамошнимъ губернаторомъ; воспитанники—домъ Приказа Общественнаго Прізнанія, а воспитанницы—Военно-Сиротское отдѣленіе. На меблировку, на наемъ писшихъ служителей и на разныя поправки употреблено 800 руб. Исправленіе должности главнаго надзирателя на обѣихъ половинахъ поручено первому надзирателю и инспектору классовъ Шумову; хозяйственная часть на мужской половинѣ—помощнику эконома Спбриякову; а на женской—обязжему надзирателю Каменскому. Производствомъ письменныхъ дѣлъ, за неимѣніемъ экспедитора и писарей, оставленныхъ въ Москвѣ, занялся обязжий надзиратель Матвѣевъ; въ помощь ему даны два писаря изъ ремесленныхъ воспитанниковъ. Медицинская часть поручена была главному доктору Саблеру, умершему въ Казани 3-го декабря. Помощникомъ его состоялъ лекарь Павловской больницы Охерпаль. Поставку лекарствъ для воспитанниковъ Дома и въ оба

Института принялъ на себя аптекарь Далке, съ уступкою третьей части цѣны противъ таксы.

2-го поября можно было начать ученіе у воспитанниковъ. Многіе учителя отправились съ ними въ Казань; недоставало только законоучителя. Эту должность взялъ на себя прибывшій въ Казань законоучитель Институтутовъ священникъ Богдановъ.

Заготовленіе припасовъ по торгамъ не имѣло успѣха въ Казани. Явился лишь одинъ на торги, и за тѣмъ, по неоднократнымъ вызовамъ, никто не приходилъ. Запасовъ, по времени, сдѣлать также невозможно было,—пришлось покупать припасы по рыночнымъ цѣнамъ. Въмѣсто 3-хъ блюдъ, которыя подавались на столъ воспитанникамъ въ Москвѣ,—щей, картофельнаго соуса и каши,—въ Казани приготавливали только два блюда: щи и кашу, но съ прибавленіемъ говядины. Въмѣсто одного фунта на троихъ, какъ выдавалось въ Москвѣ, давали по полуфунту на каждаго.

Московскаго Опекунскаго Совѣта Сохранная и Сеудная Казны были открыты и въ Казани. Для облегченія сношеній Сохранной Казны съ Экспедиціей о воспитанникахъ обоого пола въ Москвѣ, сдѣланы были нѣкоторыя отступленія отъ обыквенныхъ правлъ. Такимъ образомъ отпускъ и взносъ нѣкоторыхъ капиталовъ, напримѣръ,—капиталовъ усыновленныхъ воспитанниковъ, наградныхъ, ремесленныхъ и крышеваго (*) капитала,—для избѣжанія двойной пересылки изъ одного мѣста въ другое,—совершались только по счетнымъ книгамъ.

Высочайшимъ рескриптомъ 6 февраля 1813 года, почетному опекуну Дупину предписано было: дѣла и вещи Совѣта съ Ломбардомъ п со всѣми при нихъ чиновниками перевести въ Москву, и дѣйствія обѣихъ Казенъ закрыть впредь до прибытія въ Москву. Воспитанникамъ обоого пола и обонмъ Институтамъ остаться въ Казани подъ надзоромъ почетныхъ опекуновъ Муханова и Баранова. Опекунскій Совѣтъ 17 февраля положилъ: разныя вещи, взятыя Совѣтомъ у постороннихъ лицъ, возвратить; закупить достаточное число дровней для

(*) На окраску крышъ.

пути; лекарю Охерналю опять сопровождать чиновниковъ Совѣта; а на содержаніе воспитанниковъ и институтокъ оставить почетному опекуну Баранову сумму на 6 мѣсяцевъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ повелѣно князю Голицыну приготовить въ Москвѣ помѣщеніе для Совѣта, хотя бы въ квартирахъ чиновниковъ, оставшихся въ Казани. Во вниманіе къ особымъ заслугамъ почетнаго опекуна Лунина, лишившагося своего дома въ Москвѣ, нанята ему попеченіемъ князя Голицына удобная квартира въ домѣ бригадира Сытина за 3000 р. въ годъ съ обмѣблированіемъ за 2000 р. изъ собственныхъ суммъ Ея Величества. Высочайшій рескриптъ по этому обстоятельству былъ врученъ ему при самомъ въѣздѣ его въ Москву. Опекунскій Совѣтъ, подъ надзоромъ Лунина, благополучно прибылъ 17 марта. Первое присутствіе съ открытіемъ обѣихъ Казенъ было 20 марта.

Институты переведены были въ послѣднихъ числахъ іюля 1813 г., а воспитанники 3-го августа; въ первыхъ же числахъ августа началось у нихъ и ученіе.

Дѣятельность и заслуги, можно сказать подвиги, Ивана Акифѣевича Тутолмина были достойно награждены Государемъ Императоромъ. Со смертію Тутолмина Высочайшія милости перешли и на вдову его. Стоитъ того, чтобы мы перечислили ихъ:

1) Орденъ св. Анны 1-й степени.

2) Опекунскій Совѣтъ объявилъ ему благодарность, а подвиги его вписаны въ книгу, въ которую вносятся имена главныхъ надзирателей, — „за тѣмъ, чтобы память о немъ не умирала въ позднѣйшей исторіи Дома.“

3) Онъ уволенъ къ кавказскимъ цѣлительнымъ водамъ на 8 мѣсяцевъ, съ оставленіемъ полнаго жалованья, — по Высочайшему повелѣнію Опекунскому Совѣту, отъ 20 февраля 1813 года.

4) И по возвращеніи съ кавказскихъ водъ здоровье Тутолмина не поправилось, почему онъ и не могъ исправлять свою должность. Не смотря на то, Высочайше повелѣно было производить не только получаемое имъ жалованье, но и пенсію съ 1813 г., по 1500 р. въ годъ, съ оставленіемъ этого пенсіона, въ случаѣ

смерти, вдовѣ его. Въ Высочайшемъ повелѣніи, по этому предмету, данномъ Опекунскому Совѣту 1814 года августа 22, сказано; „засвидѣтельствовавъ въ свое время передъ Императоромъ, любезнѣйшимъ Моимъ сыномъ, объ отличныхъ заслугахъ главнымъ надзирателемъ Тутолминымъ при бывшихъ несчастныхъ обстоятельствахъ оказанныхъ за что и удостоился знака особливой Монаршей Ея Величества милости, Я ожидала только представленія отчетовъ за 1812 и 1813 годы, чтобы присовокупить къ тому и со стороны Воспитательнаго Дома изъявленіе признательности, которой достоинъ чиновникъ посреди ужасовъ и бѣдствій непріятельскаго нашествія сохранившій ввѣренный ему Домъ и питомцевъ отъ раззоренія и гибели и усердіемъ своимъ и дѣятельностію своею во время несчастія, которому никогда примѣра не было, и съ помощію Божіею болѣе не будетъ, доведенный до жалостнаго состоянія здоровья. Такое изъявленіе благодарности Дома должно быть столь же необыкновенное, сколько обстоятельства были чрезвычайны и Я увѣрена, что Опекунскій Совѣтъ съ удовольствіемъ приметъ мое о семъ предписаніе, которое основано на безпримѣрной причинѣ и для другихъ примѣромъ служить не можетъ.“

5) Высочайшимъ повелѣніемъ Опекунскому Совѣту, 1815 г. октября 2, предписано: по смерти достойнаго главнаго надзирателя Тутолмина, сдѣлавшагося жертвою усердія своего, при спасеніи Московскаго Воспитательнаго Дома и ввѣренныхъ ему питомцевъ, въ изъявленіе послѣдняго доказательства признательности своей и уваженія къ заслугамъ покойнаго, Воспитательному Дому приять похороны его на свой счетъ; а вдовѣ его, производя пенсію, выдать единовременно полный годовой окладъ покойнаго мужа, т. е. жалованье и пенсію.

6) Высочайше утвержденнымъ 1815 г. октября 24 докладомъ, Московскій Опекунскій Совѣтъ, выдавъ вдовѣ Тутолмина годовой окладъ покойнаго 1800 руб. и пенсію 1.500 руб., всего 3.300 руб., приносилъ всеподданнѣйшую благодарность за Всемилостивѣйшее вниманіе къ заслугамъ покойнаго, испрашивалъ Высочайшаго соизволенія, въ незабвенную память за-

слугъ покойнаго, который при нашествіи непріятеля, для спасенія Дома и ввѣренныхъ ему питомцевъ, не щадилъ ни здоровья, ни жизни, и вполнѣдствіи сдѣлался жертвою такого рвенія своего, поставить его портретъ обще съ тѣми портретами, которые въ Домъ съ уваженіемъ сохраняются и, на основаніи учрежденія Дома, поминать его въ здѣшней церкви, какъ благодѣтеля Дома.

7) 1817-го года октября 23 Вилламовъ уведомилъ почетнаго опекуна Львова, что Государыня Императрица, усмотрѣвъ съ прискорбіемъ изъ меморіи Московскаго Опекунскаго Совѣта, что имѣніе покойнаго главнаго надзирателя Тутолмина назначено въ продажу, изъявить изволила Всемилостивѣйшее сожалѣніе о томъ, что положеніе его займа не ранѣе дошло до Высочайшаго свѣдѣнія и хотя неизвѣстны Ея Величеству наследники его, упущеніемъ конхъ имѣніе доведено до продажи, однако Ея Императорское Величество не соизволяетъ, чтобы до сей крайности дошло заложенное Воспитательному Дому имѣніе того достойнаго чиновника, которому сей Домъ только обязанъ и который сдѣлался жертвою своего усердія. Вслѣдствіе чего Ея Величествомъ Всемилостивѣйше пожалована сумма, необходимая на заплату всего долга съ процентами и просрочкою, всего 2059 руб. 90 коп.

8) Высочайшимъ повелѣніемъ Московскому Совѣту, 1823 года іюля 17-го, предписано: во уваженіе заслугъ Тутолмина и недостаточнаго состоянія его вдовы, выдавать ей по 1500 руб. на наемъ квартиры,— и наконецъ

9) Московскій Опекунскій Совѣтъ, вслѣдствіе всеподданнѣйшаго прошенія вдовы покойнаго главнаго надзирателя Тутолмина, Анны Степановны Тутолминой, журналомъ 8 февраля 1826 года положилъ: въ уваженіе заслугъ покойнаго главнаго надзирателя Тутолмина, оказать еще послѣднюю милость вдовѣ его, выдать ей 12.000 руб. на уплату долговъ, обязавъ ее подинскою заплатити тѣми деньгами долги свои и впредь подобными просьбами не утруждать Ея Императорское Величество; о чемъ и поднесень Ея Величеству всеподданнѣйшій докладъ. Но какъ выдача такого значительнаго единовременнаго пособия выходила изъ круга обыкновеннаго те-

ченія дѣлъ, то Ея Императорское Величество къ исходатайствованію его вдовѣ Тутолмина поднесла 19 февраля 1826 года Ея Императорскому Величеству особую записку, на которой Ея Императорское Величество собственноручно подписать изволилъ: „Милость Вашего Императорскаго Величества кажется Мнѣ совершенно справедливою.“

Весь чиновники оказали должную ревность къ службѣ въ тяжкій 1812 годъ,— и усердіе ихъ не оставлено безъ вознагражденія.

Чиновникамъ, сопровождавшимъ воспитанниковъ въ Казань—Шредеру, Шумову и помощникамъ эконома Сибирякову и Берхгофу объявлена Высочайшая благодарность; прочимъ же чиновникамъ и приставникамъ выдано не въ зачетъ третное жалованье. Всѣмъ чиновникамъ, бывшимъ при Домѣ, выдано въ пособіе жалованье за все время пребыванія непріятеля въ Москвѣ. Священникамъ постороннимъ, истрававшимъ должность самовольно отлучившихся домовыхъ священниковъ, выдано за ихъ жалованье.

При годовомъ награжденіи чиновниковъ Экспедиціи къ назначенной суммѣ 4.000 р. прибавлено еще 1000, и сверхъ того, по уваженію особыхъ обстоятельствъ 12 го года, прибавлено 555 руб. на этотъ только разъ.

Постороннія лица, оказавшія услуги Дому, также получили должное награжденіе.

Ея Императорскимъ Величествомъ внесено въ Сохраниую Казну 7000 руб., для приращенія процентами. Сумму эту предположено раздать чиновникамъ Дома, потерявшимъ отъ непріятельскаго нашествія, когда убытки ихъ приведены будутъ въ извѣстность. Въ 1815 году, по Высочайше утвержденному февралю 22-го доклада Московскаго Совѣта, 7735 р. 35 к. роздано было въ пособіе чиновникамъ. Весь же убытокъ, нанесенный ими, оцѣненъ въ 514.762 р. 10 коп.

Многіе чиновники были награждены чинами, орденами, подарками, или, по увольненіи отъ службы, получали разныя льготы.

Первая надзирательница Ликфетъ получила брилліантовый перстень. Экономъ Христіани—членъ коллежскаго совѣтника. Помощникъ эконо-

нома Зейпель—орденъ св. Владиміра 4-й ст. и годовое жалованье, а при увольненіи получилъ за 10 л. половинную пенсію по закону и сверхъ того годовой окладъ; наконецъ, въ уваженіе къ его службѣ, по смерти его, вдова Зейпель принята во Вдовій Домъ, хотя по дѣтамъ и не имѣла на то права.

Заклучимъ нашу статью выпискою изъ записки Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, поднесенной въ 1814 г., Его Императорскому Величеству.

Въ запискѣ Ея Величества изображено:

„Не съ толикимъ какъ прежде удовольствіемъ подношу Я Вашему Императорскому Величеству нынѣ за истекшій 1812 г. отчеты по обоимъ Воспитательнымъ Домамъ и подвѣдомственнымъ заведеніямъ, ибо ни по числу сбереженныхъ питомцевъ, ни по оборотамъ и доходамъ не увидите въ нихъ тѣхъ утѣшительныхъ извлеченій, какіе въ прежнихъ усматривали. Но хотя бывшія несчастныя обстоятельства, превращенныя десницею Всевышняго во славу и спасеніе, имѣли ощутительное вліяніе на благосостояніе Воспитательныхъ Домовъ, какъ въ отношеніи къ питомцамъ, коихъ число прекращеніемъ пріема въ Московскій Воспитательный Домъ въ теченіи 4-хъ мѣсяцевъ значительно уменьшилось, такъ и къ капиталамъ и доходамъ, въ коихъ остановка дѣйствій Сохранной и Ссудной Казны въ Москвѣ отъ перевоза въ Казань и отъ затрудненія, произведеннаго чрезвычайными требованіями вкладчиковъ, причинили важный ущербъ въ прибыляхъ и доходахъ, не говоря о раззореніяхъ, о которыхъ особо представляется; однакожь если привести на память, какимъ жребіемъ сіи заведенія угрожались, то остается только съ благоговѣніемъ приносить благодарность Всевышнему Промыслу, сохранившему

ониия отъ вѣщнихъ бѣдъ и покровительствовавшему имъ во спасеніи питомцевъ своихъ и имущества нѣсколькихъ тысячъ семействъ на многіе милліоны рублей.“

Высочайшій отзывъ Государя Императора на записку Ея Величества былъ слѣдующій:

„Ваше Императорское Величество, сообщивъ мнѣ за 1812 годъ свѣдѣнія о состояніи обонхъ Воспитательныхъ Домовъ и подвѣдомственныхъ имъ заведеній, хотя и изъяснили, что по обстоятельствамъ того времени не могутъ они быть въ нѣкоторыхъ частяхъ столь удовлетворительными, какъ въ прежніе годы, но я съ истиннымъ удовольствіемъ видѣлъ всѣ распоряженія, какія къ пользѣ ихъ сообразно съ обстоятельствами учинены тогда были. Особливо не могу довольно признать всей дѣятельности и усердія оказанныхъ чиновниками Московскихъ заведеній въ столь трудныхъ обстоятельствахъ, случившихся при вторженіи врага, нынѣ помощію Всевышняго покореннаго. Изъ полученныхъ же отъ Вашего Императорскаго Величества Мною свѣдѣній за 1813 годъ еще пріятіе мнѣ было усмотрѣть цвѣтущее паки благосостояніе сихъ заведеній. Относя все сіе къ непоколебимому Вашему Императорскому Величеству о нихъ попеченію, поставляю Себѣ обязанностію повторить при семъ случаѣ мою чувствительнѣйшую за оное благодарность. Раздѣляя съ Вашимъ Величествомъ вниманіе Ваше, которое обратили на себя усердіемъ и трудами Гг. Почетные Опекуны, Оберъ-Директоръ и его Помощникъ, Члены Совѣтовъ и Правленія и другіе подчиненные, прошу Васъ воспріять на Себя трудъ изъяснить имъ Мою совершенную признательность. На вѣкъ преданный сынъ Вашъ Александръ. Въ С. Петербургѣ 14-го Августа 1814-го года.“

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПЛАНЪ ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО ВОСПИТАТЕЛЬНАГО ДОМА XVIII^{го} СТОЛѢТІЯ.

Экспликація.

1. Зданіе для воспитанниковъ.
2. Зданіе для воспитаницъ.
3. Деревянная.
4. Раздѣльныя комнаты, прислужная и бранная.
5. Окружное строеніе.
6. Станціи и теплицы.
7. Сады и лужайки.
8. Мѣста для сада.
9. Проездкиныя.
10. Мѣстныя строенія въ которыхъ помѣщаются:
Специальный кабинетъ, лекція и Женская комната.
11. Раздѣльныя строенія для помѣщенія воспитанницъ.
12. Аптека и лабораторія.
13. Мѣстныя для: Сербскаго, Уманскаго и Московскаго воспитанниковъ при ихъ домашней.
14. Мѣстныя публичныя.
15. Мѣстныя.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПЛАНЪ ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ДОМА 1863го ГОДА.

Экспликація.

1. Корбелевая.
2. Кухня.
3. Институтская ограда.
4. Сербская школа.
5. Корпусъ строеніе съ принадлежностями къ полу поминкамъ.
6. Большая прачешная.
7. Воздушная машина.
8. Корманная ограда.
9. Малая прачешная.
10. Лагури.
11. Зданіе пригласительной женской школы.
12. Летняя палата, принадлежностей.
13. Летняя кухня.
14. Касовая.
15. Летняя палата Государственного завода.
16. Двухъэтажный домъ, съ квартирами сиротамъ.
17. Сиротскій Соборъ.
18. Двухъэтажный домъ, съ квартирами сиротамъ.
19. Наблюдательный домъ.
20. Физическая.
21. Малое строеніе съ садомъ для занятія оловомъ.
22. Летняя кухня.
23. Квартиры рабочихъ.
24. Корпусъ для прироста воспитанниковъ.
25. Двухъэтажный домъ, съ квартирами сиротамъ.

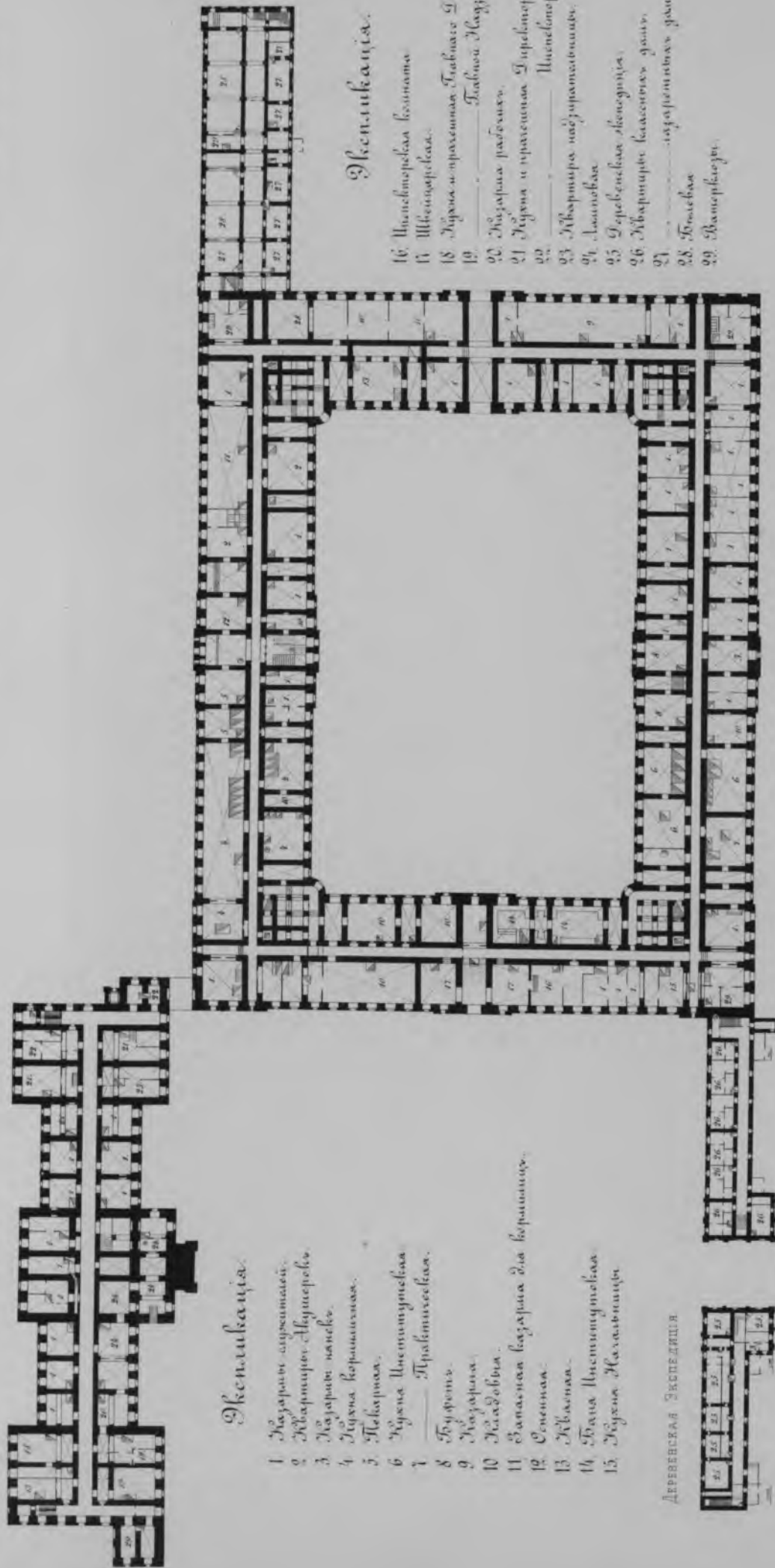

0 10 20 30 40 50 60 70 80 90 100

КОРДЕЛОНИИ

КВАДРАТЪ

БОЛЬНИЦА ИНСТИТУТА

Диспансера.

1. Хирургическая амбулатория.
2. Хирургическая амбулатория.
3. Хирургическая амбулатория.
4. Хирургическая амбулатория.
5. Хирургическая амбулатория.
6. Хирургическая амбулатория.
7. Хирургическая амбулатория.
8. Хирургическая амбулатория.
9. Хирургическая амбулатория.
10. Хирургическая амбулатория.
11. Хирургическая амбулатория.
12. Хирургическая амбулатория.
13. Хирургическая амбулатория.
14. Хирургическая амбулатория.
15. Хирургическая амбулатория.

ДЕРЕВЕНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

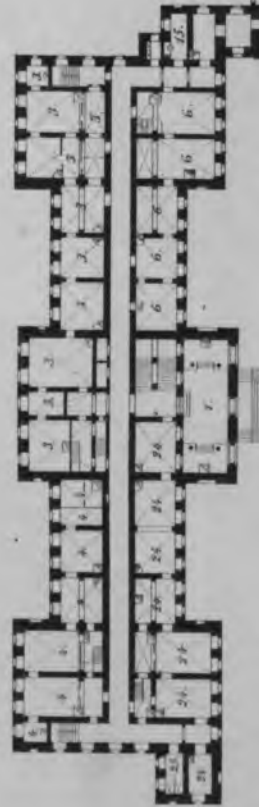

Диспансера.

16. Хирургическая амбулатория.
17. Хирургическая амбулатория.
18. Хирургическая амбулатория.
19. Хирургическая амбулатория.
20. Хирургическая амбулатория.
21. Хирургическая амбулатория.
22. Хирургическая амбулатория.
23. Хирургическая амбулатория.
24. Хирургическая амбулатория.
25. Хирургическая амбулатория.
26. Хирургическая амбулатория.
27. Хирургическая амбулатория.
28. Хирургическая амбулатория.
29. Хирургическая амбулатория.

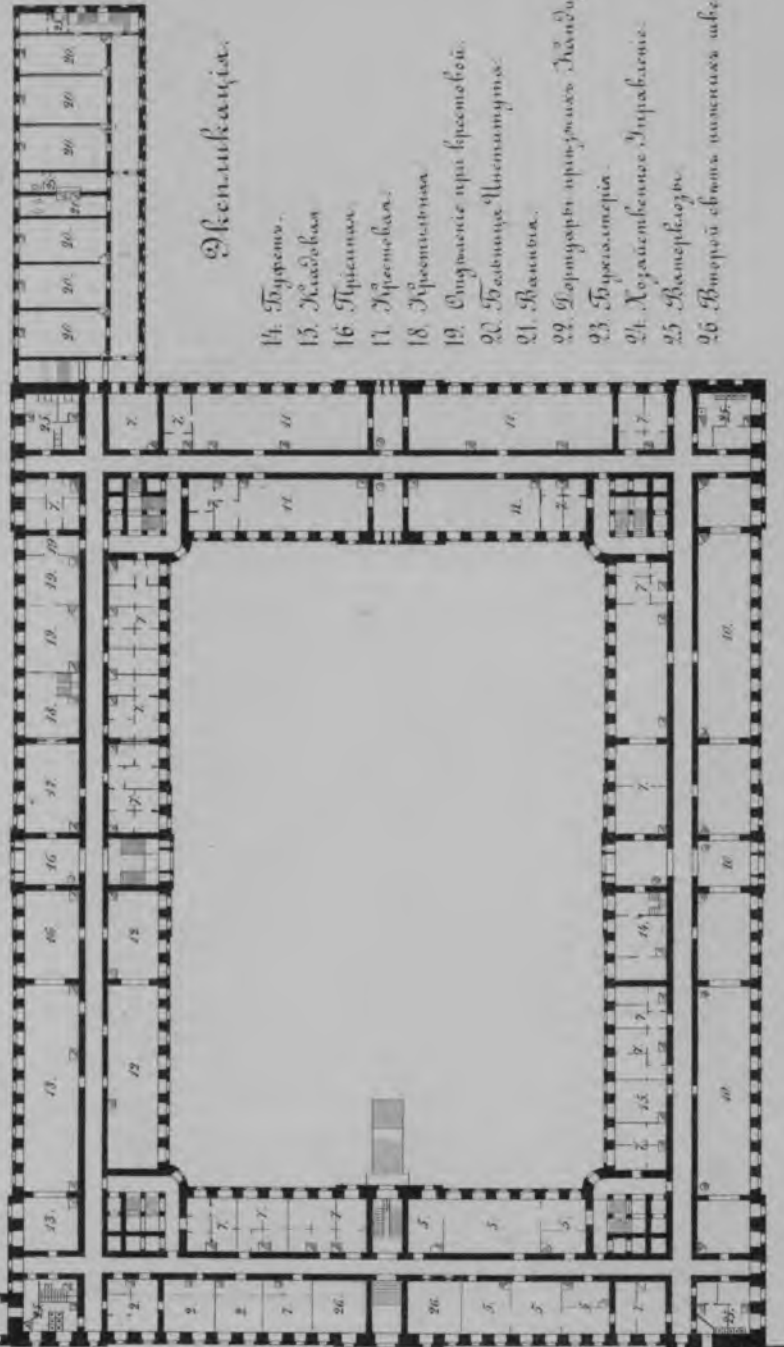

2-й ЭТАЖЪ

Шкеницкая.

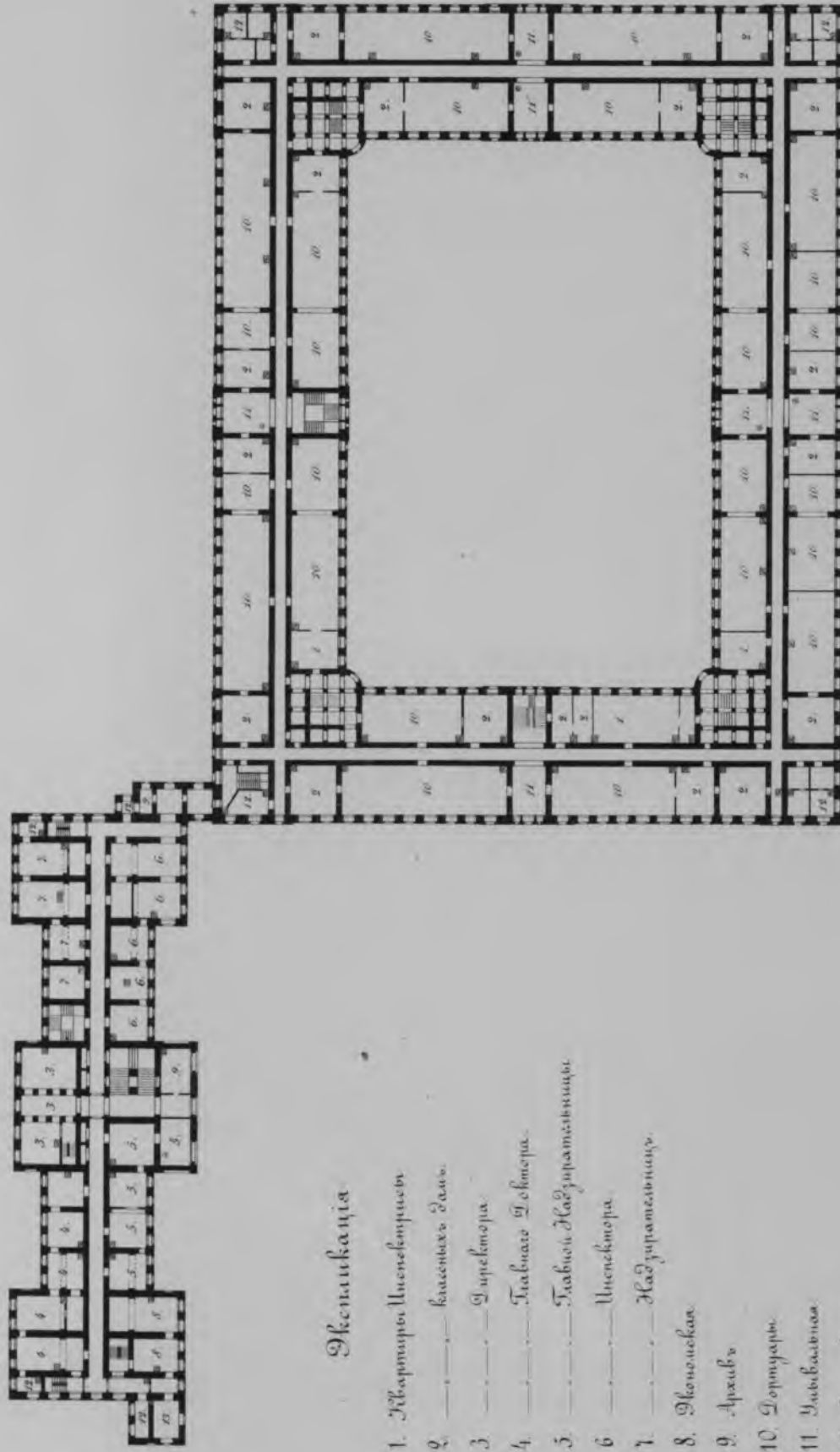
- 1 Швейцарская.
- 2 Хлебный магазин.
- 3 Швейцария.
- 4 Табачный магазин.
- 5 Хлебный магазин.
- 6 Швейцария.
- 7 Хлебный магазин.
- 8 Табачный магазин.
- 9 Швейцария.
- 10 Швейцарская.
- 11 Швейцария.
- 12 Швейцарская.
- 13 Швейцария.

Шкеницкая.

- 14 Швейцария.
- 15 Швейцарская.
- 16 Швейцария.
- 17 Швейцарская.
- 18 Швейцария.
- 19 Швейцария при входе.
- 20 Швейцария.
- 21 Швейцария.
- 22 Швейцария при входе.
- 23 Швейцария.
- 24 Швейцария.
- 25 Швейцария.
- 26 Швейцария.

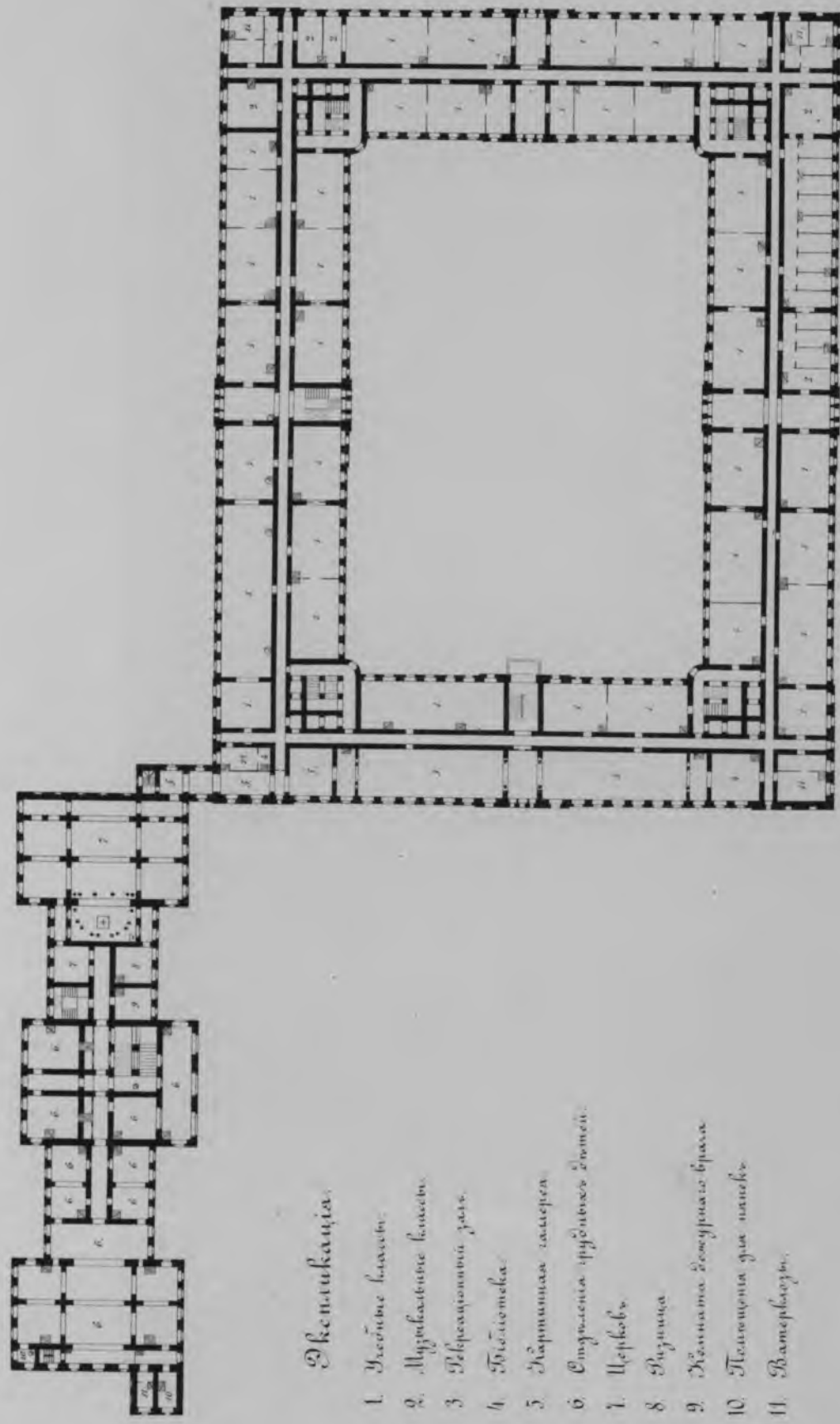

Шчепановская

1. Кабинетъ Шчепановскаго
2. ————— Кухонная Дамы.
3. ————— Супремья
4. ————— Палата Дамы.
5. ————— Палата Казармачицъ.
6. ————— Шчепанова
7. ————— Казармачицъ.
8. Конюшная
9. Архивъ
10. Лорнетъ
11. Убывающая
12. Баня
13. Кладовая

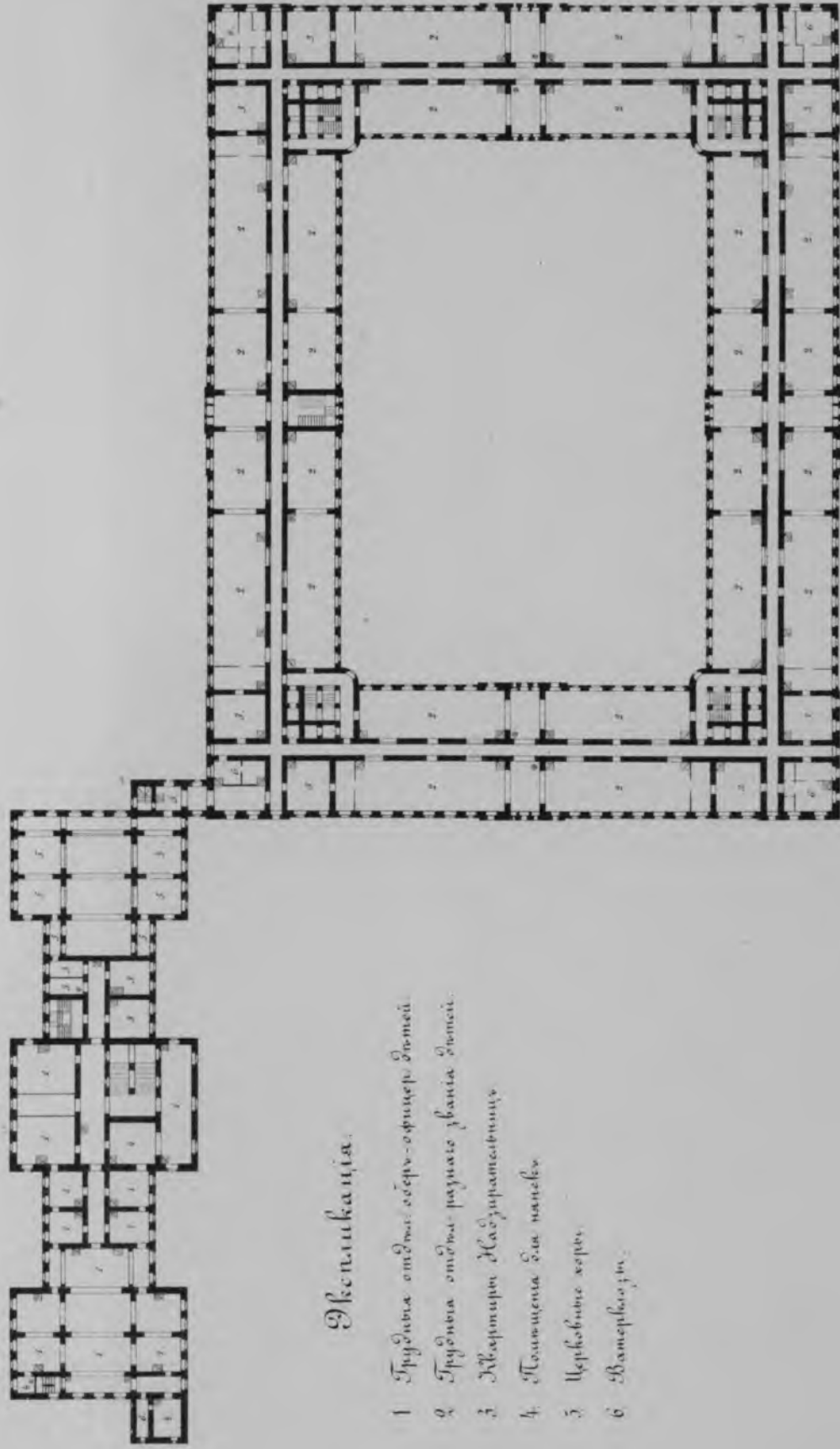

Экзотикация.

- 1. Углубление кабинета.
- 2. Мультисекционные кабинеты.
- 3. Вспомогательный зал.
- 4. Библиотечка.
- 5. Διαρρηκτικας ιατρικης.
- 6. Εργασιας ιπιδιουτες δωματιο.
- 7. Церковь.
- 8. Встреча.
- 9. Κέντρο για διεπιστησια βραβια.
- 10. Περιμετρια για παιδικα.
- 11. Βαση πληροφοριου.

Венукация.

- 1 Звудная отдѣла: офицеру дѣтей.
- 2 Звудная отдѣла: разнаго званія дѣтей.
- 3 Кухня для кадетовъ.
- 4 Помещеніе для пачека.
- 5 Церковное кость.
- 6 Ватерклозетъ.

ОКРУЖНОЕ СТРОЕНИЕ

14 Этажъ.

Жениткация.

1. Апартаменты Свещенниковъ
2. ————— Губкина.
3. ————— Губкина.
4. ————— Сперанса.
5. ————— Асадуларамъ, турецк. добитчица.
6. ————— Абдурахмановна.
7. ————— Дувановна.
8. ————— Василья, раба, землеметца.
9. ————— Акунерова.
10. Асадуларамъ, нижнихъ сурятчица.
11. ————— Халиева.
12. ————— Василья.
13. Акуна.
14. Сувановна.
15. Палатаи гербевскихъ, родильница.
16. Швейцарская.

Жениткация.

17. Святи.
18. Сарай.
19. Пирова.
20. Дюмина.
21. Франческа.
22. Витова, сурятчица.
23. Дювановна.
24. Василья.
25. Василья.
26. Василья.
27. Ватеркаева.
28. Дюванова.
29. Василья.
30. Апартаменты, набитица.
31. ————— турецк.
32. ————— швейцарка.

О КРУЖНОЕ СТРОЕНИЕ.

3^я ЭТАЖЬ

Ученый корпус 2го этажа.

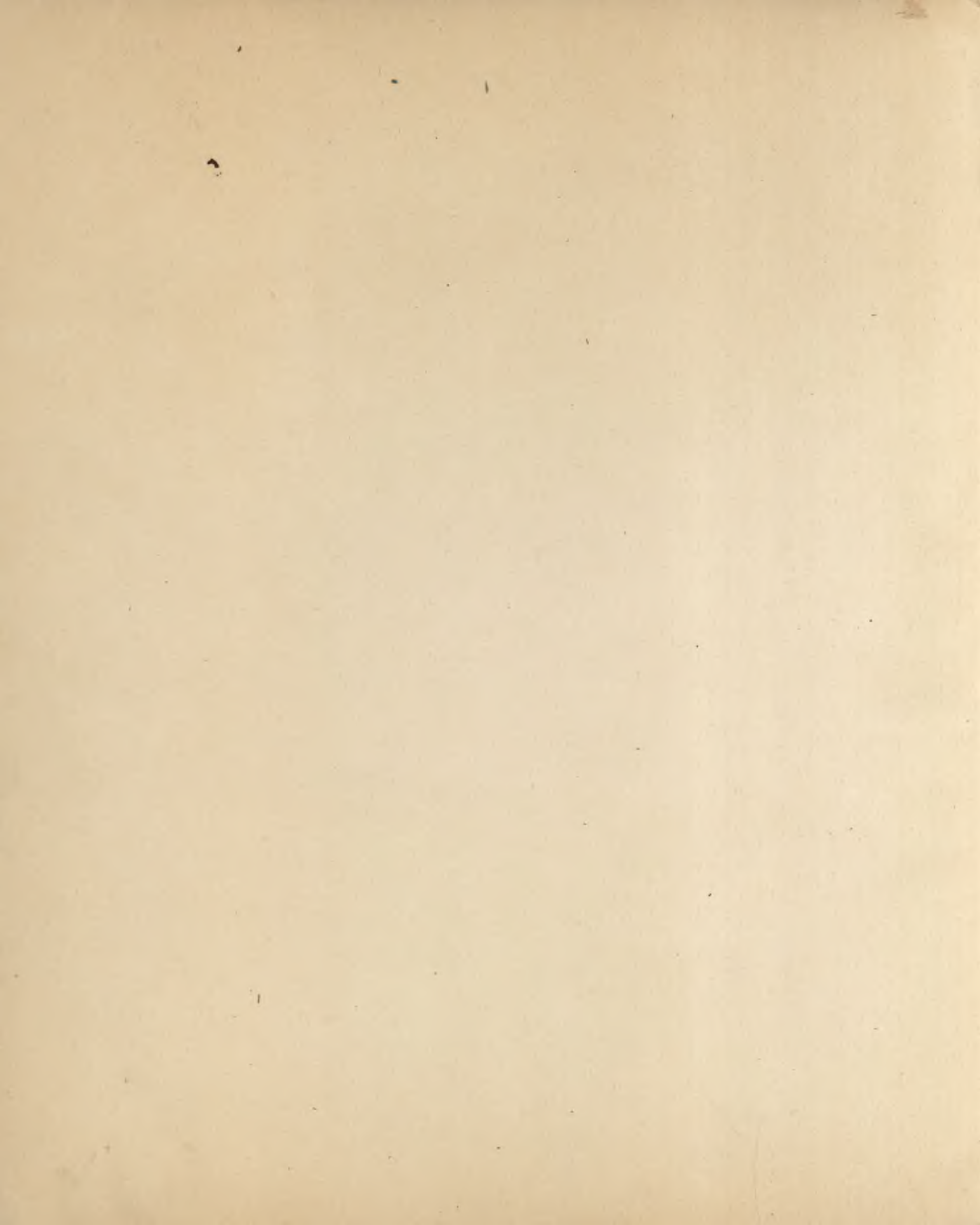
1. Кабинеты профессоров и преподавателей.
2. Библиотека естественных наук.
3. Библиотека юридических наук.
4. Сидячие и стоячие лекционные залы.
5. Сидячие залы для занятий.
6. Сидячие кабинеты преподавателей.
7. Сидячие кабинеты преподавателей.
8. Кабинеты профессоров.
9. Кабинеты профессоров.

Ученый корпус 3го этажа.

1. Библиотека естественных наук.
2. Библиотека юридических наук.
3. Кабинеты профессоров.
4. Сидячие залы для занятий.
5. Сидячие кабинеты преподавателей.
6. Сидячие кабинеты преподавателей.
7. Кабинеты преподавателей, с помещениями и залами.
8. Залы для занятий преподавателей.
9. Кабинеты для преподавателей.
10. Кабинеты профессоров.
11. Кабинеты профессоров.

2^я ЭТАЖЬ

30-1.1
12885/249.

06-22
W

ЦГПБ
им. Н. А. Некрасова

2 000000 982199

ВСТУПЛЕНІЕ	стр. 1 — IV
I. СВѢДѢНІЯ МЕДИЦИНСКІЯ	стр. 1 — 96
II. РАСПОРЯЖЕНІЯ О ПИТОМЦАХЪ	стр. 1 — 58
III. РАЗНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ	стр. 1—113

скій благосклонно соизволилъ приказать переслать помянутыя дѣла ко мнѣ въ Москву. Рассмотрѣвъ эти бумаги, въ маѣ приступилъ я къ печатанію ряда статей, по мѣрѣ того, какъ онѣ представлялись сколько нибудь полными. Я не имѣлъ въ виду издать ко дню юбилея полную исторію Дома. Пригласивъ моихъ ближайшихъ помощниковъ и нѣсколькихъ служащихъ при Домѣ врачей заняться со мною обработкою нѣкоторыхъ матеріаловъ, я желалъ преимущественно, или извлечь изъ забвенія такіе, которые съ теченіемъ времени могли бы совершенно утратиться, или сгруппировать тѣ, которые и нынѣ имѣютъ ближайшую связь съ прямою цѣлью Заведенія и могутъ освѣтить для самого Управленія Дома такіе предметы, о которыхъ ему всегда должно заботиться и часто представлять Опекунскому Совѣту свои заключенія. Къ начертанію полной исторіи Дома есть и другое препятствіе: въ архивѣ Заведенія дѣлопроизводство сохранилось лишь съ 1812 года и только книги Крестоваго Отдѣленія и нѣкоторыя другія представляются безъ пробѣловъ съ самаго основанія Дома.

Съ дѣлами Московскаго Воспитательнаго Дома по всѣмъ разнообразнымъ его частямъ всѣхъ ближе знакомъ письмоводитель Управленія М. Н. Алексѣевъ: съ нимъ непрестанно я и совѣтовался. Его же стараніями, едва ли не во всей желаемой полнотѣ, составленъ списокъ благотворителей Дома, а по возможности собраны историческія свѣдѣнія о предоставленныхъ Дому въ первое время его существованія оброчныхъ статьяхъ, о привилегіяхъ Дома, и о происшествіяхъ въ 1812 году, Дома касающихся и пр. Весьма любознательные молодые врачи А. И. Клементовскій и Р. Я. Растановъ написали, по просьбѣ моей, статьи,—первый объ искусственномъ кормленіи грудныхъ дѣтей и объ оспопрививаніи, а послѣдній—о Секретно-Родильномъ Госпиталѣ. В. А. Голицынскій, по указаніямъ главнаго доктора А. И. Блументаля, выбралъ

изъ отчетовъ Г. Блументаля за разные годы тѣ любопытныя свѣдѣнія, которыя заключаются въ статьѣ „О болѣзняхъ и смертности грудныхъ дѣтей въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ.“ Г. М. Воздвиженскій, молодой преподаватель Повивальнаго Института, подготовилъ подробную записку объ этомъ учрежденіи; по печатанію оной я отложилъ до предполагаемаго мною втораго выпуска „Матеріаловъ.“ Административныя распоряженія по воспитанію питомцевъ въ деревняхъ, ихъ усыновленію и возвращенію къ родственникамъ изложены въ хронологическомъ порядкѣ инспекторомъ округовъ Н. М. Горлицынымъ.

При составленіи поименованныхъ статей, всѣ мы пользовались выписками изъ дѣлъ Московскаго Опекунскаго Совѣта, сдѣланными П. В. Шереметевскимъ, уступившимъ ихъ въ мое распоряженіе. — Директоръ Московскаго Архива Министерства Юстиціи П. И. Ивашевъ, по дружескому расположенію, сообщилъ мнѣ изъ дѣлъ этого Архива извлеченія, на которыя въ своемъ мѣстѣ и сдѣланы въ текстѣ ссылки. — М. П. Полуденскій доставилъ нѣсколько свѣдѣній изъ дѣлъ бывшей Гофъ-Интендантской Конторы.

Я всячески избѣгалъ перепечатывать то, что уже было напечатано, кромѣ необходимыхъ краткихъ выписокъ. Иначе можно было бы издать нѣсколько томовъ. Перечисленіе всѣхъ извѣстныхъ мнѣ печатныхъ источниковъ, касающихся до исторіи Воспитательнаго Дома можетъ составить особую статью во 2-мъ выпускѣ „Матеріаловъ.“

При изученіи какого бы то ни было предмета, касающагося до Воспитательнаго Дома, нужно восходить къ Бецкому; въ этой мысли, я полагаю, что общій очеркъ его дѣятельности по Воспитательнымъ Домамъ долженъ войти въ составъ статьи заключительной; въ настоящемъ выпускѣ „Матеріаловъ“ такой статьи нѣтъ.

В. Драшусовъ.

1770 г.

23. Статскій совѣтникъ Тютчевъ, по увольненіи отъ званія опекуна.

24. Дѣвица Елизавета Никитична Шепелева.

25. Генералъ-поручикъ князь Сергій Васильевичъ Гагаринъ, по увольненіи отъ званія опекуна.

26. Коллежскій совѣтникъ Веревкинъ.

1771 г.

27. Губернскій секретарь Алферовъ.

28. Ея Императорскаго Величества духовникъ, Московскаго Благовѣщенскаго собора протопресвитеръ Иванъ Ивановичъ Памфиловъ.

Ему слѣдуетъ приписать письмо съ подписью— С. Д. П. I. I. (то есть Смиренный Духовникъ Протоіерей Іоаннъ Іоанновъ). Это письмо сообщено Бецкимъ Опекунскому Совѣту 21 іюня 1771 г. Новый „недостойный“ попечитель, признавая себя виновнымъ, что не посѣтилъ любезныхъ младенцевъ Воспитательнаго Дома, увѣряетъ, что онъ посѣщаетъ ихъ духомъ и впредь посѣщать общается; въ знакъ же къ нимъ усердія и любви посылаетъ вѣсто хлѣбасоли 100 рублей.—

1773 г.

29. Коммерціи оберъ-директоръ и шелковой мануфактуры содержатель Хастатовъ.

1774 г.

30. Дѣйствительный статскій совѣтникъ Дурново, по выbytіи изъ опекуновъ, внослѣдствіи членъ Коммисіи разсмотрѣнія происшествій по Воспитательнымъ Домамъ.

31. Надворный совѣтникъ Крокъ.

32. Надворный совѣтникъ Аничковъ.

33. Архитекторъ Фельтенъ, вполсѣдствіи членъ С. Петербургскаго Опекунскаго Совѣта и архитекторъ Дома.

34. Бѣлорусской губерніи повѣта Ошмянскаго ротмистръ Ушаковскій.

1777 г.

35. Надворный совѣтникъ Пльинъ, членъ С. Петербургскаго Опекунскаго Совѣта.

36. Секундъ-маіоръ Бѣлавинъ.

1778 г.

37. Президентъ Главнаго Магистрата, дѣйствительный статскій совѣтникъ Дурасовъ.

38. Коллежская совѣтница Елена Сергѣевна Алфимова.

39. Коллежскій ассесоръ Прокудинъ.

40. Контролеръ Насоновъ, по выbytіи изъ опекуновъ. Началь службу при Воспитательномъ Домѣ въ званіи поручика казначеемъ, исправлялъ должность главнаго надзирателя, съ 23 августа 1768 г. по 21 апрѣля 1774 г.; а потомъ былъ опекуномъ.

1779 г.

41. Надворный совѣтникъ Нащокинъ, по выbytіи изъ опекуновъ.

42. Статскій совѣтникъ Красильниковъ, какъ членъ Главной Канцеляріи надъ таможенными сборами, содѣйствовалъ подаваніямъ въ пользу Дома.

43. Коллежскій прокуроръ Кашинцовъ.

44. Вакасовый сотенный атаманъ Хоменко.

45. Генералъ-поручикъ Архаровъ, бывшій московскій оберъ-полиціймейстеръ и потомъ губернаторъ.

1780 г.

46. Коллежскій совѣтникъ Бобарькинъ.

47. Коллежскій совѣтникъ Бантышъ-Каменскій.

Оба по выbytіи изъ опекуновъ.

48. Олопецкій купецъ Кузнецовъ.

49. Московскаго Архангельскаго собора протоіерей Петръ Алексѣевичъ.

Московскій Опекунскій Совѣтъ писалъ Бецкому, 1 мая 1780 г., что по ходатайству этого протоіерея внесено „отъ нехотящихъ открыть своего имени“ въ Сохранную Казну 25.700 р., изъ коихъ 10.000 руб. вѣчно. Это едва-ли не первый взносъ вѣчныхъ капиталовъ.

50. Премьеръ-маіоръ графъ Толстой.

51. Оренбургскій губернаторъ генералъ-поручикъ Рейнсдорпъ. Московскій Совѣтъ писалъ Бецкому, что Рейнсдорпъ купилъ на Оренбургской ярмаркѣ для Дома изъ первыхъ рукъ са-

	Рубли.
Чрезвычайный и полномочный по- солъ въ Вѣнѣ князь Дмитрій Михай- ловичъ Голицынъ.	1.000
Генералъ-фельдцейхмейстеръ князь Григорій Григорьевичъ Орловъ. . .	1.000
Амвросій, архіепископъ сарскій и подонскій.	300
Отъ него же въ санъ архіепископа крутицкаго и можайскаго.	100
Имъ же Амвросіемъ въ 1768 г. . .	1.000
Опекунскій Совѣтъ писалъ Бецкому 8 марта: „въ субботу посѣтилъ Вос- питательный Домъ Амвросій, архіепи- скопъ московскій и калужскій, далъ въ подаяніе 1000 р., окрестилъ мла- денца Василя Богданова № 1081, по- дарилъ ему имперіялъ, а бывшіе при немъ архимандриты, монахи и священ- ники клали въ кружку; архимандриты же Богоявленскій Пахомій и Златоу- стовскій Іосифъ были воспріемниками двухъ дѣвочекъ, которымъ имена объ- имъ дали Дарья.“	
20 поября отъ него же Амвросія. . .	100
Въ 1770 г. послѣ богослуженія въ вербное воскресенье въ Воспитатель- номъ Домѣ.	200
14 мая въ возвратъ употреблен- ныхъ на угощеніе по богослуженіи его.	66
9 апрѣля 1771 г.	100
Тимоей, митрополитъ московскій и сѣвскій.	400
Коллежскій ассесоръ и содержатель мѣдныхъ и желѣзныхъ заводовъ Иванъ Твердышевъ.	1.000
„Добродѣтельный человекъ“ 100 чер- вонныхъ,—промѣняны.	235
Въ изданіи Бецкаго 1774 г. (том. I. дополи. стр. 22—26) напечатано, что неизвѣстный фи- лантропъ, въ письмѣ отъ 1 апрѣля къ Бецкому, сочувствуя учрежденію Воспитательнаго Дома, обѣщалъ выслать вексель на 100 червонныхъ черезъ г. Клифорта. Двѣ недѣли спустя англій- скій купецъ Гоммъ, по полученному имъ отъ Клифорта векселю, принесъ означенные сто гол-	

ландскихъ червонцевъ Бецкому, который въ
иностранныхъ вѣдомостяхъ благодарилъ его на
французскомъ языкѣ, а Клифорта въ Амстер-
дамъ послалъ благодарственное свидѣтельство
Опекунскаго Совѣта и двѣ медали бронзовую
и серебряную, для доставленія неизвѣстному
благодѣтелю, а если не знаетъ послѣдняго, то
для извѣщенія о семъ въ вѣдомостяхъ.

	Рубли.
Иностранный купецъ Вейнахтъ. . .	400
Гавріиль, епископъ тверской и ка- шинскій.	100
Неизвѣстный черезъ опекуна Ум- скаго.	300
Изъ Амстердама Поль и Этьенъ Ре- ноердъ	250
Изъ Женевы Жанъ-Жакъ Потардъ и мастеръ Позье.	500
Изъ Берлина Феронсъ	250
Изъ Вѣны отъ добротныхъ по- дателей, чрезъ князя Дмитрія Михай- ловича Голицына 100 червонныхъ,— промѣняны за	225
Изъ С.Петербурга отъ преосвящен- ныхъ.	740
Каммеръ-юнкеръ князь Дашковъ. . .	100
Тайный совѣтникъ Всеволожскій. . .	100
Отъ него же въ 1775 г.	1.375
Генералъ-аншефъ Карлъ Сиверсъ. . .	100
Дѣйствительный камергеръ графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ. .	100
Въ 1766 году графъ подарилъ Вос- питательному Дому каменное строеніе съ порожнею землею, прикосновен- ное къ „Китайскому Воспитательному Дому,“ бывшему Колычева; по другую его сторону по Ипатьевскому пере- улку былъ домъ княгини Грузинской. Графу поднесены бронзовая и сере- бряная медали.	
Генералъ-аншефъ, оберъ-камергеръ графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ . .	500
Отъ него же, при совершеніи зай- мовъ съ 1774—1778 г., сверхъ опре- дѣленнаго процента.	3.500
Орловское купечество, вмѣсто под- писаннаго имъ хлѣба 100 четвертей.	100

деньги получалъ Шубскій и въ монашествѣ. Въ 1788 г. онъ былъ игуменомъ Сумскаго монастыря. Совѣтъ приказалъ написать портретъ Шубскаго живописцу Паризиену и заплатилъ за него 25 руб.

По переводѣ имѣнія въ вѣдомство Воспитательнаго Дома, бургомистръ и староста имѣнія просили Опекунскій Совѣтъ о выводѣ отъ нихъ роты карабинеровъ, стоявшей съ 1762 г., а также о предоставленіи имъ помѣщичьей земли, съ тѣмъ, чтобы обложить ихъ оброкомъ по 1½ р. съ души. Изъ письма Совѣта Бецкому, отъ 23 января 1766 г., видно, что Совѣтъ соглашался на просьбу крестьянъ, съ тѣмъ, чтобы они платили оброку по 2 руб. съ души, что составило бы 814 р. въ годъ. Но рѣшеніе этого дѣла остановилось за предположеніемъ Совѣта продать это имѣніе въ частныя руки. Имѣніе продано Совѣтомъ въ 1768 году майору Тютчеву за 26.200 руб. (*).

1766 г.	Рубл.
Мѣщанинъ Сафоновъ	1.000
Мѣщане Бородкины	2.000
Петербургскій купецъ Калитинъ	100
Петербургскій купецъ Борминъ	100
Стального и желѣзнаго завода содержатель Иванъ Борминъ	100
Бѣлильной и красильной фабрики содержатель Ямщиковъ	200
Суконной фабрики содержатель Струговщиковъ	1.000
Вяземскій купецъ Барышниковъ	100
Ахтырскій житель и бывший припограничныхъ таможнякъ директоромъ Нахимовъ	1.000
Изъ Юстицъ-Канторы, по завѣщанію лейбъ-гвардіи капитанъ-поручика Захара Ѳедоровича Дубянскаго	6.000
Генераль-фельдмаршалъ графъ Никита Ивановичъ Папинъ	400
Графъ Чернышовъ	100
Неизвѣстный въ двухъ мѣшкахъ по счету	1.800

(*) Въ 1823 г. оно вновь поступило въ вѣдомство Моск. Опекунск. Совѣта, коимъ было куплено для устройства земледѣльческой колоніи питомцевъ Воспит. Дома.

	Рубл.
Неизвѣстный 8 имперіаловъ и 8 червонцевъ россійскихъ на	108
Неизвѣстный	85
По малымъ суммамъ	1.080

1767 г.

Курское купечество	500
Собрано воеводою Кашталинскимъ съ Бѣлевскаго купечества	200
Неизвѣстный	1.000
По завѣщанію главнаго директора надъ полиціями барона Николая Андреевича фонъ-Корфа	1.000
По малымъ суммамъ	1.710
Свѣтлѣйшая ландъ-графиня и наслѣдная принцесса гессенъ-гомбургская, Анастасія Ивановна, рожденная княжна Трубецкая	10.000

Въ изданіи Бецкаго 1774 г. (т. I. доп. стр. 26 и слѣд.) напечатано: 31 августа 1767 г. привратнику Дома подано неизвѣстнымъ человекомъ письмо, адресованное членамъ Совѣта Воспитательнаго Дома. Въ письмѣ, отъ 24 іюля, неизвѣстная особа изъяснила, что покойная принцесса, передъ кончиной своей, поручила ей нѣкоторую сумму денегъ съ завѣщаніемъ употребить ихъ въ память ея, для призрѣнія бѣдныхъ. Для этого деньги тѣ были отдаваемы въ ростъ и съ 1755 г. ихъ накопилось 10 тыс. руб. Для исполненія благочестивой воли авторъ письма находитъ лучше всего „опредѣлить ихъ въ такое мѣсто, гдѣ первой предметъ состраданье къ ближнему и которое не имѣетъ другаго дохода, кромѣ подаенія,“ посему и просилъ Опекунскій Совѣтъ, принявъ деньги по векселю, отдать ихъ въ Банкъ, а получаемые съ нихъ каждый годъ 600 руб. процентовъ употреблять на воспитаніе такого числа младенцевъ, на сколько сихъ денегъ стать можетъ, а дабы сіе благодѣяніе осталось незабвеннымъ, то называть тѣхъ воспитанниковъ *Гомбургцами*; согласно же Генеральному Плану, поставить въ Совѣтъ портретъ принцессы.

„Въ октябрѣ мѣсяцъ того года, отъ Воспитательнаго Дома въ вѣдомостяхъ объявлено, что по векселю приложенному при помянутомъ

Москвы, затруднительность въ добываніи съѣстныхъ припасовъ, принудила Тутолмина убавить число рабочихъ, прачекъ и нянекъ; а кормилицъ, которыя пожелаютъ съ дѣтьми идти въ свои деревни, отпускать съ награжденіемъ по 10 р. Кормилицъ, желающихъ отправиться въ деревни, было 35. Между же тѣмъ и сами рабочіе люди въ Домѣ хотѣли оставить свои должности. Чтобы удержать ихъ, хоть на это смутное время, и вмѣстѣ наградить за попесенные уже труды, Тутолминъ выдалъ имъ двойное жалованье за сентябрь мѣсяцъ.

Съ 3-го октября началось очищеніе Москвы отъ французовъ: вывели изъ Воспитательнаго Дома легко раненыхъ и выздоравливающихъ и отправили по Можайскому тракту. На мѣсто ихъ въ Домѣ переведены раненые французы изъ другихъ московскихъ лазаретовъ. 7-го октября, въ 5 часовъ утра, отправился Наполеонъ съ большей частью своей арміи по Калужской дорогѣ; тяжелые обозы шли Смоленскимъ трактомъ. Въ Москвѣ осталось французовъ только 3.000, подъ начальствомъ маршала Мортъе.

Наполеонъ передъ отъѣздомъ далъ приказаніе маршалу, 10-го или 11-го числа въ два часа утра, зажечь кремлевскій дворецъ, казармы и всѣ общественныя зданія, кромѣ Воспитательнаго Дома, и взорвать кремлевскія стѣны (*).

Передъ выступленіемъ жандармовъ изъ Воспитательнаго Дома, Тутолминъ 7-го октября письменно обратился къ герцогу тревизскому маршалу Мортъе о назначеніи новаго караула (**). Какъ видно изъ втораго письма

(*) Исторія Отечественной войны 1812 г. соч. Богдановича. Т. III стр. 8.

(**) Вотъ самое письмо:

«Monseigneur,

L' Hospice des enfans trouvés a la tête duquel je me trouve par les ordres de S. M. Impériale, l'Imperatrice douairière a joui jusqu'ici de la plus parfaite sûreté, bonheur qu'il doit à la magnanime protection de S. M. Impériale, l'Empereur et Roi, qui a bien voulu lui accorder une Sauve-garde de Gen'd'armes de l'exactitude de laquelle cet hospice n'a qu'à se louer. Cette sauve-garde va nous quitter aujourd'hui et quoiqu'il y ait une garde auprès de l'hôpital de l'armée française, placé dans l'intérieur du carré de l'hospice, celle-ci ne regarde que l'hôpital seul. Me fondant sur la magnanime protection de S. M. Impériale l'Empereur et Roi j'ose supplier V. Altesse de vouloir bien continuer Vos grâces à cet institut en lui accordant une sauve-garde chargée de le mettre à l'abri du désordre, qui pourroit résulter de la retraite de la sauve-garde, à laquelle nous devons jusqu'ici le repos de l'hospice.

Тутолмина отъ 8 октября къ интенданту Лессепсу, Мортъе *только* обѣщалъ прислать 10 человекъ съ офицеромъ. Тутолминъ просилъ Лессепса о ходатайствѣ передъ маршаломъ о караулѣ, а если нельзя прислать его, то по крайней мѣрѣ дозволилъ бы находившемуся при больницахъ французскому караулу смотрѣть и за Воспитательнымъ Домомъ. При этомъ онъ упоминаетъ о только-что случившемся дурномъ поступкѣ нѣкоторыхъ неблагомыслящихъ людей съ однимъ изъ его подчиненныхъ.

Этотъ поступокъ состоялъ вотъ въ чемъ: исправляющій должность полиціймейстера въ Воспитательномъ Домѣ Звѣревъ вступился за служащихъ въ Домѣ, которыхъ на набережной грабили мародеры. Въ него кидали камнями и хотѣли бросить въ рѣку.

9 октября Лессепсъ прислалъ къ Тутолмину съ письмомъ своего адъютанта, для устройства караула. Онъ просилъ принять раненыхъ и больныхъ, также и оставшихся всѣхъ французовъ въ Москвѣ, на свое попеченіе. По тогдашнимъ обстоятельствамъ просьба была уважена.

10 октября французскій караулъ въ Домѣ снятъ. Въ ночь послѣдовалъ взрывъ въ Кремлѣ.

Сохранилось въ черновыхъ бумагахъ донесеніе, въ которомъ о взрывѣ Кремля говорится такъ: „Въ 11 часовъ ночи загорѣлся кремлевскій дворецъ, а во второмъ часу вдругъ раздался ужасный и съ величайшимъ трескомъ ударъ, взорвавшій Арсеналь, послѣ чего въ продолженіи двухъ часовъ еще четыре было таковыхъ жесточайшихъ удара, разрушившіе пристройку къ Ивановской колокольнѣ, нѣкоторыя башни (коихъ каменья перелетѣли на другую сторону рѣки) и часть Кремлевской стѣны. Во всю ночь шелъ сильный дождь и промысломъ Божьимъ не совершилось злодѣйство врага въ полномъ его намѣреніи; всѣ другія зданія въ Кремлѣ не повреждены оными. Въ Воспитательномъ Домѣ отъ сихъ ударовъ, кои слышны были за 70 верстъ, было величайшее потрясеніе; нѣкоторыя окна и двери совсѣмъ выбились, штукатурка со стѣнъ мѣстами обвалилась и перегородки въ покояхъ отъ сильнаго сотрясенія отъ стѣнъ